

ИРИНА ПАНОВА

ВЯЧЕСЛАВ КЛЫКОВ

ВОИН
СВЯТОЙ
РУСИ

ИРИНА ПАНОВА

**ВЯЧЕСЛАВ
КЛЫКОВ**

**ВОИН
СВЯТОЙ
РУСИ**

Москва
АЛГОРИТМ
2007

УДК 82-3/1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4/5
П 16

Панова И.Г.

П 16 Вячеслав Клыков. Воин святой Руси. — М.: Алгоритм, 2007. — 304 с.

ISBN 978-5-9265-0408-9

По всей России стоят памятники, созданные знаменитым скульптором Вячеславом Клыковым. Маршалу Г.К. Жукову, основателям славянской письменности Кириллу и Мефодию, Великой княгине Елизавете Федоровне в Москве, адмиралу Колчаку в Иркутске, Преподобному Сергию Радонежскому в Радонеже, поэту Николаю Рубцову на Вологодчине, Святому Владимиру в Белгороде, Ивану Бунину в Орле, Илье Муромцу в Муроме, Надежде Плевицкой в Курске, солдатам Великой Отечественной на Прохоровом поле... «Я благодарю Вячеслава Клыкова, потому что он длит память русских людей», — сказал на открытии памятника Василию Шукшину в селе Сростки Алтайского края летом 2004 года известный артист Александр Михайлов.

Памятник — от слова «память». Люди, которых увековечил художник, своими деяниями славили Отечество. Славил и Вячеслав Клыков, никогда не оставаясь в стороне от происходящего на Родине. Президент Международного Фонда славянской письменности и культуры, глава Всероссийского соборного движения, он был не просто активным общественным деятелем, но заступником земли русской.

О творчестве и малоизвестных фактах биографии мастера рассказывает в своей книге писательница Ирина Панова, долгие годы знавшая Вячеслава Михайловича.

УДК 82-3/1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4/5

© Панова И.Г., 2007

ISBN 978-5-9265-0408-9

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Глава 1

С ПРАВОМ НА БЕССМЕРТИЕ

Когда уходит из жизни человек — это беда; когда уходит родной — неутешное горе для близких, друзей. А когда умирает человек яркий, крупный, национально-значимый — это несчастье, тяжелая, острая скорбь для народа.

2 июня 2006 года, на рассвете, перестало биться сердце Вячеслава Михайловича Клыкова. Он ушел на 67-м году жизни, еще так недавно полный великолепных замыслов, неиссякаемой энергии, творческих планов.

Мы многое потеряли с его уходом — потеряли идеолога, заступника русской идеи, вдохновенного художника, доброго, доступного, отзывчивого человека, умевшего бескорыстно и верно дружить.

На отпевание его 4 июня в Сретенский монастырь пришло столько людей — и знакомых с ним лично, и просто веривших ему, любящих его творчество... Многие плакали. Отец Тихон (Шевкунов), игумен монастыря, сказал тогда о Вячеславе Михайловиче:

«Еще много будут говорить о том, что он сделал, как гражданин, как русский человек, как художник. А сейчас необходимо сказать, что он ушел из этой жизни как христианин. Он страдал тяжелым, неизлечимым недугом, и когда врачам стало ясно, что медицина бессильна, его по просьбе супруги и детей отправили домой. Но сами доктора не решались сообщить Вячеславу Михайловичу, что конец его земной жизни близок. О том, что Вячеславу Ми-

хайловичу надо готовиться предстать перед Господом, по долгу своему сказали ему священники.

Он совершенно мужественно, как все и всегда он делал, воспринял эту весть, хотя до этого у него было множество планов: открытие одного, второго памятников, один из которых он закончил только что, и новые работы. И для Вячеслава Клыкова началась особая сосредоточенная жизнь, сосредоточенное время его бытия последних дней на земле. Он исповедался за всю свою жизнь и раз, и другой, и третий, причастился святых Христовых тайн, соборовался, молился. Несмотря на жестокие страдания, на ту Голгофу, которая выпала на его долю, как выпадает на каждого истинного христианина перед уходом в жизнь вечную, он просил не применять к нему обезболевających средств, потому что, будучи христианином, воспринимал страдания как искупление от грехов, которыми связан каждый из нас...

Перед самой смертью, как свидетельствуют те, которые были рядом с ним в эти минуты, он очнулся от забывтья, лицо его просветлело, потому что почувствовал и увидел что-то непостижимое для нас. Он улыбнулся, потянулся вперед навстречу чему-то, потом упал и умер через минуту. Вот так умирает православный христианин».

Эти рвущие душу слова мог произнести в тот скорбный день лишь человек, искренно любивший Вячеслава Михайловича, преданный его друг. Гроб с телом обнесли Крестным ходом вокруг монастыря. Предали земле в селе Мармыжи Курской области, на малой родине Мастера, возле церкви, которую он построил.

О таких людях, каким был Вячеслав Михайлович, говорят: лидер, глава, вожак, полководец. Он всегда был среди людей, всегда последовательно и убежденно отстаивал свою точку зрения. В период, когда все рушилось, лома-

лось старое, и казалось, что анархия и беспредел восторжествуют, такие люди, как Вячеслав Михайлович (их, к сожалению, у нас мало), оказались нашим «золотым запасом», «засадным полком», выступившим за Русскую Правду. Твердая вера Вячеслава Михайловича, его преклонение перед народом, нашими святыми и героями, традициями и культурой — все это выдвинуло Клыкова в авангард, в народные наставники и любимцы.

Знаете, как его называют в селе Мармыжи Курской области, где он родился и где похоронен? Родимый. О нем вспоминают сейчас очень часто и еще долго будут вспоминать. Так, на Всемирном Русском Народном Соборе (март 2007 года) выступавшие говорили: «Не хватает Клыкова», «Как нужен Клыков»...

Говорить о нем — мало, надо жить так, чтобы сверять свои поступки с ним. Он завещал нам сплотиться, жить сообща, ибо только так мы сможем помочь Родине в трудный период; он хотел видеть нас принципиальными, духовно богатыми, действенными, активными. Сделать хоть шаг по-клыковски — это уже будет преодоление инертности и безразличия.

О скульпторе Клыкове будут, конечно, написаны монографии, где специалисты подробно разберут его стилевые и жанровые особенности, отметят то, что он первым принес в искусство, определят его вклад в сокровищницу русской культуры, возрождение и укрепление Православия, сохранение наших лучших традиций.

Звонницы, храмы-памятники, часовни-памятники, лики святых на барельефах, памятники святым, преподобным, святым воинам — все это должно войти в искусствоведение вместе с понятием «Клыков». Он словно приблизил нас к Небу, дал возможность дотронуться до святых, оградил нас могучей ратью народных заступников.

Он был первым в очень многих начинаниях. Это легко сказать, но как трудно сделать! Сколько сил, энергии, времени, здоровья потратил Вячеслав Михайлович на то, чтобы пробить свои планы, сломать сопротивление ретроградов, довести до осуществления задуманное! Враги пытались уничтожить его произведения: стреляли в «Пушкина» в Тирасполе, дважды взрывали «Государя Императора Николая II», стреляли в Негасимую лампаду в постаменте памятника Кириллу и Мефодию. Какую нужно было иметь силу, чтобы вынести все это?

Характерная особенность явления «Клыков» — гармония исключительного таланта, смелости и воли политика, моральной чистоты и светлой души. Где же рождаются такие люди? А у нас и рождаются, в наших селах и поселках, в глубинке. Вячеслав Михайлович гордился своей малой родиной, любил ее до самозабвения, не раз говорил, что оттуда, из курских степей, у него все: и видение, и любовь к земле, и глазомер, и интуиция, и чувство соразмерности. Он любил свою маму Лидию Тимофеевну, отца Михаила Константиновича, сестру и брата, односельчан. Отсюда вообще любовь к людям. Он умел находить общий язык с самыми разными и по возрасту, и по профессии современниками. Чтил ветеранов, любил молодежь, уважал труженников.

«Я вот из крестьян, — сказал Вячеслав Михайлович в одном интервью, — у нас род был большой. А советская власть разделила его натрое. Три брата — три деда. Один был коммунист, советскую власть устанавливал, это мой родной дед. Второй — крестьянин-середняк, которого раскулачивал родной брат. А третий стал монахом Киево-Печерской лавры, отец Иоанн, он был причислен к лику святых. А то, что наша земля сейчас пребывает в мерзости запустения, виноваты мы сами...»

Всех, кто знал Вячеслава Михайловича, поражала его эрудированность, глубокие знания в самых разных областях жизни. Он любил поэзию, интересовался многими отраслями науки, глубоко изучал историю. Вот и появлялись его детища, скульптурные образы, продуманные и очень точные: деятели культуры, науки, литературы, ученые и поэты, священнослужители и герои-воины. Его памятники нашим святым и полководцам широко известны. Но вот, если бы не Клыков, поставивший Поклонный крест на Красной Поляне, не узнали бы мы о подвиге русских ратников, победивших ногайскую орду хана Мамаю в 1709 году, идущую на помощь Карлу XII в Полтавской битве. Если бы не Клыков, создавший памятники великому князю Киевскому Святославу (Запорожье и Белгородская область), не отметили бы мы 1040-ю годовщину разгрома Хазарского каганата. А его памятники великому патриоту России П.А. Столыпину, адмиралу Колчаку, певице Надежде Плевицкой? Он возродил из небытия фигуру Первого солдата Преображенского полка Сергея Бухвостова, образ Прасковьи Луполовой, сибирской девушки, совершившей великий дочерний подвиг... За каждым именем — русская история, возвращенная нам скульптором.

Работоспособность его поражала. В год — до двадцати памятников! Было такое. Всего его творческий багаж — более 200 монументальных, монументально-декоративных работ и скульптурных портретов. Работать он мог и день, и ночь, то есть буквально: иногда не бросал начатое до утра. Чтобы не упасть, просил, чтобы его привязали к лесам. Попробуйте спускаться и подниматься десятки раз по доскам на высоте нескольких метров! Он все лепил сам, а ведь это сейчас никто не делает. Рассказывают, что во время создания памятника князю Владимиру (Белгород), он для фигуры в восемь метров пропустил через свои руки за день «набивки» 54 тонны глины, все время передвигаясь по лесам...

Все, созданное титаническим трудом Клыкова: вдохновенные поэты, мужественные воины, мудрые священнослужители — все это составляет обобщенный, собирательный образ России. У него нет «простых» работ, каждая — символ. Монумент на Прохоровском поле — символ Великой Победы нашего народа над фашизмом; «Столыпин» — столп государственности, патриотизм; «Государь Император Николай II» — призыв к покаянию за жестокость предков; «Плевицкая» — пример неисчерпаемой талантливости русских людей... Да и сам Вячеслав Михайлович — такой символ. Если бы нужно было в одном лице дать характерный пример русского человека, то, я уверена, многие сказали бы: «Клыков».

Сколько задумок осталось у Вячеслава Михайловича незавершенными? Об этом мы никогда не узнаем. Но вот судьба памятников, которые он создал, но не успел установить, касается всех нас: эти проекты необходимо довести до завершения. На сороковой день после кончины Мастера в Рязани был открыт памятник его работы — «Святой Георгий Победоносец». Но еще ждут окончательного решения своей участи памятники владыке Иоанну, митрополиту Ладожскому и Петербургскому, греческим просветителям братьям Лихудам...

Я много лет работала в Международном Фонде славянской письменности и культуры, которым руководил Вячеслав Михайлович, застала все этапы становления этой организации, начиная с основания, принимала участие во многих акциях, которые мы осуществляли под руководством нашего президента. У меня хранится альбом, подаренный Клыковым в день его 65-летия. На первой странице летящим клыковским почерком выведено: «Дорогой Ирине Георгиевне с любовью, уважением и благодарностью за нашу многолетнюю дружбу».

Мастерская на Большой Ордынке, принадлежавшая Вячеславу Михайловичу, не опустела: сейчас здесь работает Андрей Вячеславович, сын Клыкова, тоже скульптор, готовится к открытию музей его отца. Когда я была там в последний раз, бросился в глаза памятник художнику Саврасову, над которым работал Мастер. Алексей Кондратьевич сидит на скамье, возле него палитра, кисти; лицо очень русское, крестьянское... До последнего удара сердца Клыков воспевал свой народ.

Его именем назван проспект в Курске, здесь будет установлен памятник «Скульптор В.М. Клыков». Общественность Нови-Сада (Сербия) обратилась к властям с просьбой присвоить его имя одной из улиц города...

Глава 2

РОДНОЕ ПОЛЕ

Когда душе моей
Земная веет святость...

Н. Рубцов

Дорога, по которой шел мальчик, была не широкой и не узкой, не слишком выбитой и прямой, как стрела, — все-таки по черноземной равнине пролегал этот былинный русский большак. Мальчик ходил по нему каждый день: в школу и обратно, из деревни Мармыжи на станцию Мармыжи, шесть километров в один конец.

Древний мудрец сказал: «Дорога — это жизнь». Для мальчика из деревеньки, затерявшейся в бескрайних полях у самой границы со степью, вдалеке от больших городов (до Курска — 127 километров), дорога, действительно, значила много.

Подходишь к дому — какой вид открывается! Всего-то деревня в 11 домов, а как привольно раскинулась на зеленых бархатных холмах, какой извилистой речкой перепоясалась! Как и всех в детстве, мальчика тянуло к реке. На ее берегах он познавал луговое разнотравье, под мостом ловил круглых жирных гольцов, на холмистых берегах пас скотину, скакал на лошадях, особенно любил своего серого в яблоко Орлика.

Вот и родная его хата показалась на взгорье — мазанка под соломенной крышей, старая ветла во дворе и мно-

гоствольная (почти 15 ответвлений) липа. Зимой, когда замерзала дорога, мальчик прямо от дома спускался по ней, как по желобу, к реке. Для этого они с ребятами приспособивали кадушку, обмазывали ее навозом, замораживали, потом крутились в ней по скользкой канаве... А на холмах зимой можно было встретить волков. Однажды мальчики нашли логово, принесли в деревню семерых волчат, распределили по хатам; «гостей», правда, вскорости пришлось прибить: волчица так выла, что вся деревня спать не могла.

А вот пасется корова Манька, любимица всей семьи. Какое счастье взять на руки после отела еще теплого теленка! Так и хочется крепко прижать его к груди, поцеловать в белый лоб... Жизненный опыт, полученный в детстве, — с чем его сравнить? Порой ничего подобного за всю жизнь не обрести...

Но дорога не дает отвлекаться, обязывает: школа! Мальчик идет дальше. Осталась далеко позади «река, золотая от зноя». Это он потом уже прочитает у своего любимого Рубцова. Тогда еще, подростком, он не знал, что можно так точно выразить свое восхищение и холмами, от которых веет древностью, и русской многовековой историей, и солнцем, венчающим свежевспаханые поля «старинной короной своих восходящих лучей».

Почему в народных песнях и былинах о поле говорят чаще всего с постоянным определением «чистое»? «В чистом поле, широком раздолье», «В чистом поле четыре воли...» От чего чистое — от сорняков, от людей? Может, как у Владимира Даля, чистое значит прозрачное, все насквозь в нем видно? Или, может, чистое — широкое, раздольное, ровное? Или, как подсказывает крестьянское сердце, чистое оно от дурных помыслов и дел, безгрешное, беззаветно работающее на человека, кормящее его? Или непорочное оно, как Пресвятая Матерь Божия?..

У каждого человека, наверное, свое объяснение. У мальчика было такое: родное поле.

Он любил фиолетовые туманы над пашней, запах земли, теплый, дурманящий. За полями широко расстилалась степь, ровная-ровная, поросшая ковылем и полынью. Ничем не заслоненное, щедро распахнутое, над ним простиралось небо. Солнце вставало, пробивались его лучи сквозь облака. Того гляди и натащит ветер тучи, «повиснут перлы дождевые», увиденные тютчевским взором. Тучи сталкивались в небе, словно бились русские витязи, сходились врукопашную с врагами... Остановится мальчик, засмотрится на небесные побоища. Как' хорошо, что Бог дал человеку этот дар — смотреть вверх, в небо! Животные никогда так не смотрят, только вниз, в землю. Может, поэтому человек мудр и возвышен? И пришел он к Богу, ибо узрел красоту Вселенной — доказательство присутствия Его в мире.

Но ненастье редко посещает эти края, в общем-то засушливые. Чаще над головой безоблачное небо, и «только синь сосет глаза», по Есенину.

Через дорогу — нежная лиственная роща, вся трепещущая под ветром березовыми и осиновыми ветвями. Здесь поют соловьи, знаменитые, курские. В роще — скромное сельское кладбище с зарослями черемухи, дикой вишни.

Мальчик идет в школу по сельской дороге, обычному русскому проселку. Да и сам мальчик — обычный, как все: русая челка, широкий шаг. Вот только родинки на щеке да особенный взгляд карих глаз отличают его. Глаза живые, смотрят пристально, впитывая в себя увиденное. На первом же уроке учительница, заметив этот взгляд, пересадит его с передней парты подальше.

И все-то ему хотелось изведать, понять, потрогать руками. Однажды зимой, в мороз, увидел перекати-поле. Ог-

ромный серый шар быстро мчался к горизонту. Что в нем? А вдруг внутри шара какая-то тайна? Мальчик приладил охотничьи лыжи и бросился вдогонку. 15 километров пробежал как на одном дыхании. Опомнился только в дальнем селе Крестищи. Там его завели в дом, расспросили, откуда да куда путь держит, не поверили: шестилетний ребенок, и в такую даль забрался! Проводили до Мармыжей, где встревоженные родные обрадовались возвращению и особо не бранили — все же можно было понять поступок...

Мальчик идет в школу — какая привычная картина! Родная земля веет русским духом, теплый пар идет с полей. От ходьбы по этой земле нельзя устать, так и чувствуешь ее, ласковую, под ногой. Она многое дала ему, родная земля. И, конечно же, чувство гармонии. Уже потом, обретя громкую славу, он скажет: «Мне повезло родиться в этом уголке Русской земли».

* * *

Вячеслав Михайлович Клыков часто привозил к себе на родину друзей, водил старой дорогой — со станции в деревню, показывая родные места, рассказывал о детстве, юности, знакомил с односельчанами.

Начало мая, пышно цвели сады, в воздухе густой аромат черемухи. Благодать! Мы шагали сельским проселком, слушали Вячеслава Михайловича. Настроение у всех было хорошее, шутили, смеялись, мужчины затеяли купание. От Клыкова мы так много слышали о Мармыжах, что кажется, будто были здесь сто раз. Запомнили: местные хлопцы все как на подбор — настоящие богатыри, а гуси... таких во всей России не найдешь. Важно вышагивали потрясающей красоты птицы с огромным размахом крыльев мимо нашей группы — даже взглядом не удоставляли. Что касается парней, то с ними у нас потом была

возможность познакомиться в московской мастерской Вячеслава Михайловича, у которого мармыжане, куряне — частые гости.

...Мармыжи изменились. Речка запружена, превратилась в ряд водоемов. На месте клыковской хаты, после переезда семьи на станцию Мармыжи, построили деревянный дом, сохранивший старое расположение комнат. Мост через речку, под которым Слава когда-то ловил гольцов, совсем развалился. Соловьиная роща, где он вырезал на березовой коре что-то заветное, так разрослась, что и не разобрать ничего на высоких стволах. Поднялись к небу полудетские тайны. Вот березка Валентина Чухаркина, московского скульптора, Славиного одноклассника, а там, где-то высоко-высоко над головой, наверно, автограф самого Клыкова.

На сельском кладбище покоятся бабушки, отец, дядя Вячеслава Михайловича, здесь была похоронена его мама Лидия Тимофеевна. На могилах — музейной ценности надгробия, выполненные Клыковым. Светло на кладбище, тихо, цветут цветы, заливаются птицы — благословенный мирный покой. Скоро, правда, его потревожит большая стройка: уже заложен фундамент храма, который Вячеслав Михайлович сооружает на месте разрушенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Храм будет точно передавать ее размеры и архитектуру. Это дар знаменитого скульптора своей родной деревне, любимой земле.

Клыков никогда не обманывал земляков, держал данное им слово. Как-то, приехав в Мармыжи на съемки телепередачи «Играй, гармонь!», он, выслушав просьбу прекрасного местного гармониста Евгения Петровича Анненкова подарить родным местам «какой-нибудь знак», ответил: «Подарю».

9 мая 1996 года, в День Победы, на станции Мармыжи состоялся торжественный митинг. На братской моги-

ле, где покоится прах 134 воинов, погибших в боях за Курскую землю во время Великой Отечественной войны, был открыт Крест-памятник работы скульптора В.М. Клыкова — шестиметровое медное распятие.

В тот приезд Клыков пообещал: «К осени будет у вас газ». Тогда же он основал в Мармыжах казачью станицу. В этих местах казаки издавна защищали Русь от набегов врагов.

Знаменитый русский композитор, наш современный классик Георгий Васильевич Свиридов, сам курянин, назвал Белгородскую и Курскую области самыми песенными в России. По пути в Мармыжи мы заехали в Винниково, родное село Надежды Плевицкой, пением которой восхищались государь-император Николай Александрович Романов, Шаляпин, Собинов. На месте дома Плевицкой сейчас сельская школа, ее музей рассказывает о творчестве «царицы русской песни». И шумит старая липовая аллея, напоминающая о любимой песне Плевицкой — «Липа вековая».

Здесь, у винниковцев, родилась у Вячеслава Михайловича идея: провести Всероссийский фестиваль русской песни. Такое обещание Клыков дал землякам, среди которых немало хороших песенников. И еще одно задумал Мастер: поставить памятник своей землячке.

Конечно, даже при всей своей кипучей работоспособности Вячеслав Михайлович не смог бы один поднять такое тяжелейшее в организационном плане дело, как фестиваль, — ему надо было помогать, и помогать действительно, активно поддерживать. Пообещали дорогу заасфальтировать — это стало хорошим вкладом в подготовку фестиваля. Жаль, конечно, старый большак, по которому ходил в школу Слава Клыков, очень уж он теплый, поэтичный, фольклорный. Прощай, русский проселок, ты хорошо послужил людям!

Опустел в Мармыжах дом Клыковых. Только красуется в палисаднике трехствольная береза, про которую мама говорила: «Эти стволы — наш дети: Юра, Слава и Алла». А отец, Михаил Константинович как-то добавил, глядя «Славин» ствол: «Этот пойдет дальше всех».

Но скоро клыковский дом наполнится голосами: здесь будет создан дом-музей Вячеслава Михайловича Клыкова, выдающегося русского скульптора и общественного деятеля. «За все добро расплатимся добром, за всю любовь расплатимся любовью» — он любил эти рубцовские строки...

Опять мы были в дороге, но уже в Курск, на вокзал. Последний взгляд на широкие просторы, на вольные дали. Где-то здесь бежал Слава за перекасти-полем. Бежал изо всех сил, торопился за счастьем. Схватил хрупкий шар, крепко сжал руками и...

Впрочем, человеческой жизни не хватит на то, чтобы понять, что такое счастье.

Глава 3

ПРИВЕТЫ ДОБРОТЫ

И кого Я изберу, того жезл расцветет...

Числ. 17-5

«Похож! Ну, точь-в-точь! Ай и молодец, Славка!» — сосед Петр Сергеевич, казалось, глаз не мог отвести от карандашного рисунка. Пропадающий в поле допоздна, суровый на вид и немногословный, сейчас Сергеич разговорился не на шутку. Да и то сказать: Слава Клыков, обычный мальчонка, гоняющий в стайке сверстников то по деревенской улице, то по дальней роще, то по степи, крутящийся, как и все, на речке или у колхозных лошадей, — а вот поди ж ты, взял да изобразил... Положив руку на стриженую голову мальчика, глядя русую челку, Сергеич все никак не мог оторваться от портрета. И откуда у него это? То, что Славик рисует, лепит, вырезает, мастерит что-то в каждое свободное от беготни мгновение, — знала вся деревня. Но вот когда он его-то, Петра Сергеевича, успел запечатлеть?

Славик вывернулся из-под жесткой руки соседа, стрельнул в него карими глазами. И правда, похож. Загорелый до черноты, отчего особенно резко проступили морщины, неулыбчивый, как всегда... Но открытая душа, лицо доброе, мироносное, как сказала бы бабушка. Вот только глаза что-то странно блестят, будто слезы в них...

С тех пор Сергеич стал захаживать во двор к соседям. Увидит Славу за рисованием или выпиливанием — подойдет, посмотрит, кивнет головой. Однажды, уже поздней осенью, поднялся к Клыковым в дом и без обиняков выложил торжественно и официально:

— Вот что, Тимофеевна, учить Славу надо. В город отправлять. Там книги разные, альбомы по искусству, картинки-репродукции. Опять же музеи, театры, общество. На дорогу сам выйдет, но без учебы нельзя.

Лидия Тимофеевна спокойно относилась к «рукоделиям» младшего сына: ну, там ножницы затупит, нож для чистки картошки унесет — так это не в счет. Зато послушный парень, ласковый, не хулиган, хоть и заводила, придумщик.

Сейчас она слушала соседа, а сердце тревожно сжималось: придется расставаться. Уже давно Славу на деревне звали «художник» — может, это и вправду его судьба? Только где все рисунки и поделки сына? Ничего в доме нет, все раздает. Радует, когда его подарки односельчанам нравятся, когда играют в его игрушки, а рисунки на стены вешают. Она сама удивляется, какие темы выбирает сын. Никогда его не интересовали зайчики-кошечки или цветочки-розочки. Как только взял в руку карандаш — стал рисовать деревенские виды, дома, палисадники, сады, но чаще всего — односельчан: когда по памяти, когда тайком наблюдая за ними. Материнским сердцем Лидия Тимофеевна чувствовала: необычный дар у сына, от Бога. А раз есть искра Божия, раз положил Господь на него Свою десницу, осенил крылом — грех удерживать мальчика у своей юбки. Помочь ему надо.

— За совет — спасибо, сосед, — сказала Сергеичу.

Но покамест жизнь мальчика текла по-прежнему. Он полюбил уходить подальше в степь, ощущал ее в себе, как

стихию. Смотрит — не насмотрится. Хорошо, привольно!.. Ветер пробежит по ковылю — он светлый-светлый, потом, когда ветер уляжется, опять темным становится. Небо все время меняет окраску, облачка набегают то совсем легкие, невесомые, то толстенькие, как пельмешки. Голубой небесный купол опрокинулся над головой, удивительно точно рассчитал, что именно он, Слава Клыков, сейчас находится в самом центре Вселенной — во все стороны равные расстояния... Так мальчик учился не только смотреть, но и видеть. Постигать такие сложнейшие понятия, как объем, перспектива, гармония, колорит. Учился любить родную природу.

Позже он скажет: «С раннего детства, как только я стал осознавать себя, я всегда занимался каким-нибудь творчеством — или вырезал, тупил матери ножницы, или лепил, или рисовал, или что-нибудь конструировал, причем всегда для своих сверстников. Их немного было, ну, сколько наберется ребят в деревне из одиннадцати дворов — человек десять-двенадцать. Тем более время надо учитывать — война, послевоенная разруха. Сверстники были моим небольшим миром, который позволил мне усвоить уже в раннем детстве, что такое хорошо и что такое плохо. И вот очень рано я начал для них мастерить — тянуло к этому непреодолимо.

Условия для этого были безграничные. Рядом со мной всегда была природа: река, а там глина любых цветов, тебя окружают животные. И самое главное — свобода! Вокруг простираются горизонты степей. Никто не мешает. Я рисовал всегда только с натуры. Особенных забав и развлечений в Мармыжах тогда не было, и я часто рисовал односельчан. Бывало, кто-нибудь из них подойдет ко мне и скажет: «Ну-ка, Славик, нарисуй меня». Я начинаю. А остальные становятся позади, наблюдают».

Весной 1956 года он уехал в Курск — поступать в строительный техникум. Возводить дома — это искусство, самая человеческая профессия, самая творческая, думал он.

Курск был первым городом на его жизненном пути. Каков он? Чем отличается от Мармыжей? Велик или мал? Каковы его особенности? Кто из замечательных людей родился на этой земле? Вряд ли и сейчас молодой современник «с ходу» ответит на эти вопросы. Клыкову предстояло «открыть» областной центр.

Слава ходил по широким городским улицам, смотрел, как растут дома, восстанавливается почти полностью разрушенный фашистами Курск. Здесь проходила знаменитая битва, и все еще дышало памятью о грозных военных днях. Он занимался в читальнях и библиотеках. Манили взгляд цветные обложки журналов в киосках, особенно «Огонек», где тогда печатались репродукции с картин русских художников.

Однажды увидел на улице художника с этюдником — и шел за ним через весь город. Уж больно интересно было, что это за люди такие — художники...

Ходил в кинотеатр, устроенный — догадались же! — в главном соборе, в Знаменском монастыре. Увлекался спортом — посещал секции борьбы и бокса. В этом, как, впрочем, и во всем, за что брался, достиг неплохих результатов: трижды становился чемпионом Курской области по борьбе и боксу. Если учесть, что куряне испокон века отличались смелостью и силой, а значит, были у него достойные соперники, станет ясно, что это очень неплохой результат.

А куряне славные —
Витязи исправные:

Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

Строки о своих земляках из великого «Слова о полку Игореве» Слава знал еще со школы. И не почестей себе он, конечно, добивался в спортивных залах — просто надо было не уронить звонкую славу курян (вот и имя у него под стать этому!). По павушке и славушка.

Спорт (а он занимался борьбой еще в Мармыжах) дал ему много: физическая сила украшает настоящего мужчину, а для скульптора, для его работы она просто необходима.

Что же касается замечания «Все пути им ведомы», — то увы... С техникумом дело не заладилось. Отчислили с 4-го курса за задолженность... по черчению. Клыков переживал, конечно, горевал. На всю жизнь несправедливость горечью в душе осталась. Не утешала мысль о том, что великие земляки: певица Надежда Васильевна Плевицкая, композитор Георгий Васильевич Свиридов — тоже не сразу на широкий жизненный большак вышли.

Слава поступил в техническое училище №4 по специальности электрик-газосварщик. Позже навыки пригоди-

лись — он и теперь сам сваривает каркасы скульптур. После окончания училища стал работать в производственном объединении «Красный коммунар» — сваривал автопоилки, бочки, другие необходимые для сельского хозяйства вещи. Привыкал работать в бригаде, ценить труд товарищей. Техникум закончил, получив диплом электрогазосварщика 6-го разряда — высокого по тем временам. Вместе с дипломом выдали бронь — освобождение от службы в армии на два года.

Теперь, уже дипломированным специалистом, Клыков вновь решает вопрос: что делать, где зарабатывать деньги, как прокормиться. Поступает на работу в артель. Его бригада сама делала электроды, для чего крошили завезенный мел, разводили его с жидким стеклом. Однажды в свободное время Слава вырезал ножом из кусков мела пять или шесть голов товарищей по смене. В то время в артели работали художники-оформители, среди них был Николай Иванович Лобачев, москвич, выпускник художественного института, работавший в Курске по распределению. Лобачев и его товарищи увидели вырезанные из мела портреты, отметили сходство, похвалили. Лобачев сказал Славе: «Приходи к нам в Художественный фонд, тебе, парень, надо учиться».

Месяцев пять Клыков занимался в художественной студии: рисовал, писал красками, в том числе обнаженную натуру, академические постановки. Три раза в неделю по вечерам после работы ходил в студию. Николай Иванович Лобачев был рад его успехам. Как-то раз на занятии он рассказал, что пединститут объявляет первый набор на художественно-графический факультет, посоветовал Славе поступать. В августе 1960 года Клыков сдал экзамены и был принят в институт.

Чему учили студентов на новом факультете? Всему, что может пригодиться в жизни, — от труда до искусств-

ва, самым разнообразным специальностям. Готовили «маленьких Леонардо да Винчи». В числе прочих предметов была скульптура. На первом курсе занятия были два раза в неделю. Слава сожалел, что так мало: скульптура его всецело захватила. Все свободное время он проводил в институтском подвале — рисовал, лепил с натуры. Преподавал «изо» Алексей Григорьевич Шуклин, по образованию архитектор, друг знаменитого скульптора Николая Васильевича Томского. Шуклин посмотрел клыковские рисунки, фигуры, сказал: «Делать тебе тут нечего, надо поступать в художественный институт в Москву или Петербург, учиться на скульптора».

Летом 1962 года Слава приехал в Москву. В чемодане его лежала огромная пачка фотографий собственных скульптурных работ, рулон рисунков, в кармане куртки — письмо к Н.В. Томскому, в то время президенту Академии художеств СССР, от его друга Алексея Григорьевича Шуклина.

Москва поразила и влюбила в себя сразу. Пока шел пешком с Курского вокзала через весь город в мастерскую Н.В. Томского (улица Алексея Толстого), аж голову отвертел: столько интересных, старинных домов! Красные ворота, Самотека, Пречистенка... «Велика, красна и славна Москва, — вспомнил он описание из только что прочитанной старой книги, — подобна Риму и стоит незыблемо, как и столица италиков, на семи холмах. И речены эти холмы — Лефортово, Таганка, Трехгорье на Пресне, Воробьевы горы, Тверской, Сретенский, Боровицкий».

Москву Клыков полюбил на всю жизнь. Много позже, в 1992 году, побывав в «столице италиков», где в базилике Санта-Климента был установлен рельеф его работы — с изображением святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, у могилы Кирилла, он скажет: «А ведь я в Риме Москву-красавицу все время вспоминал...»

Но вернемся назад, в юность Вячеслава Михайловича, как мы ее представляем по его рассказам.

Важнейший момент в его жизни — Томский внимательно перебирает привезенные фотографии, рассматривает рисунки. Потом поднимает голову и говорит затаившему дыханию Клыкову: «У вас, молодой человек, большие способности. Вам надо учиться скульптуре».

До конца жизни помнил Клыков этот момент, этот вердикт всемирно известного мэтра, как если бы все было вчера. Томский посоветовал ему поступать в художественный институт имени В.И.Сурикова. 10 июля 1962 года он сдал вступительные экзамены и был принят в Суриковский институт. Потом в его жизни будут премии, награды, почетные звания и призы, но эта дата навсегда осталась в его душе, как первая большая радость, заслуженная, несказанная, первая большая победа.

Настроение у него было хорошее. Ведь поступил как-то очень легко, с первого раза, с достаточно хорошими показателями. И, главное, это была Москва! Предел мечтаний начинающего художника.

В природе русского человека бытует некое идеалистическое представление о том, что происходит «наверху» — в столице или в других больших городах. Славе в детстве, из села Мармыжи, тоже казалось, что где-то там, в Москве, все должно быть идеально. Это похоже на то, как в нашем народе относятся к печатному слову: раз опубликовано — значит, все правда. Когда в период работы и учебы в Курске Слава стал собирать номера журнала «Огонек», он внимательно изучал иллюстративные развороты с репродукциями наших «передвижников»: Сурикова, Прянишникова, Перова, Шишкина, Репина, Ярошенко, Поленова и других. Радуюсь подлинно русскому искусству, он особенно выделил картину Н.А. Ярошенко «Кочегар» — это было очень близко, понятно, западало в душу. Теперь

Клыков, если и представлял себе московских художников, то только на уровне Ярошенко или Репина, иначе, думал, они творить не могут. И на вступительных экзаменах, полагал он, все абитуриенты будут рисовать не хуже Серова. Ему казалось, что преподают в Суриковском институте только прижизненные классики, отношение к которым должно быть как к полубогам (так относились, например, к Павлу Петровичу Чистякову, но об этом он узнал уже позже). У Клыкова не было изначально отрицательного мнения о столичных, или официальных, художниках, что встречается сплошь и рядом в артистической среде. Скорее наоборот, его отношение к ним было восторженным.

В Москву он верил необычайно. В ее могущество как столицы. Гордился, что учится в таком городе — сердце России, центре ее науки, культуры и уж, конечно, искусства. Само искусство не подразделял на советское и не-советское. Он и потом считал, что художественное произведение из любого пласта истории — либо искусство, либо нет.

Начались напряженные занятия в институте. Впрочем, эти слова в данном случае ни о чем не говорят. Смешное выражение «грызть гранит науки» здесь как никогда кстати. Парень из провинции, из деревни должен был догнать, перегнать и повести за собой всех этих гениев и полубогов, бойких москвичей, эрудитов-десятиклассников, которые и книг несравнимо больше читали, и музеи были в их распоряжении, и театры, и выставки.

Он это смог.

Программа обучения в Суриковском была очень насыщенной. Слава вставал в 6 часов утра, в 7.30 был уже в институте, до 9.30 самостоятельно работал над композицией, в 10.00 начинались официальные занятия, которые продолжались до 19.00. После 19.00 — вечерний рисунок. Вернувшись в общежитие, падал в постель буквально

но замертво. Приходилось ограничивать себя в чтении и частых встречах с друзьями. Его тогдашний образ жизни можно сравнить с профессиональным вакуумом: развитие только внутри будущей профессии, внутри самого себя.

Учиться Клыкову нравилось, он дорожил каждым Божиим днем, возможностями, которые открывались перед студентами. Шесть лет учебы для него пролетели как один год.

Уже заканчивая институт, он попал в заповедник Стрелецкая степь, в двадцати километрах от Курска. Это были родные ему места, где он, еще самоучкой, начинал пробовать себя в скульптуре. Сейчас его воображение поразили каменные бабы посреди степи, поставленные неизвестными скульпторами много веков назад.

Вас древняя воздвигла треба,
Вы тянетесь от неба и до неба.

Слава явственно услышал голос веков и, наверное, впервые стал смутно догадываться, в чем же суть его профессии. Нет, не в «создании образов», думал он, а в том, чтобы донести до потомков главное: мысли и чувства современников. Через век или два, думал Клыков, человек, смотря на скульптуру, поймет, чем мучились мы в конце века двадцатого.

И еще он понял: голоса веков должны звучать в скульптуре слаженно, чтобы зритель, как ни старался, не мог расчленить в ней форму и содержание. Как в ваяниях Древней Эллады.

«Что нужно иметь для того, чтобы создать такую скульптуру? — рассуждал Клыков. — Нужны точный глаз, ощущение масштаба, верная рука. Материал должен быть в гармонии с автором, только тогда творец испытает радость».

В 1968 году Клыков закончил институт, мастерскую Матвея Генриховича Манизера. Всегда с благодарностью вспоминал своих учителей, наставников, друзей-товарищей. Очень важной для него была теплая, творческая атмосфера, товарищеская среда. Многие значило общение с такими замечательными людьми, как Нина Жилинская, ее муж Дмитрий, Юрий Владимирович Александров, Андрей Александрович Древин. Он дружил также с Игорем Вулохом, которого считал замечательным художником.

Уже в студенческие годы пришла известность. На 5-м курсе Клыков участвовал в Первой Московской молодежной художественной выставке с двумя работами: «Мальчик с жеребенком» и «Юность» (каменный женский торс). Обе вещи получили хорошую прессу и были приобретены Третьяковской галереей («Торс») и Министерством культуры («Мальчик»). Разумеется, известие об этом успехе моментально распространилось среди профессионалов. Началась новая полоса в жизни Вячеслава Михайловича: встречи с художниками, скульпторами, приглашения на выставки, прием в Союз и т.д. Клыков получил признание более опытных мастеров, вошел в их среду.

Часто можно слышать: талант — это труд. Увы, одним трудом такого взлета не добьешься. Талант — это талант! То, что выделяет человека из любой среды, заставляет не находить себе места, беспокоиться, метаться, тревожно биться сердцу.

Ведь недаром сказано, что жезл расцветает лишь у одного из многих. Вспомним:

И сказал Господь Моисею, говоря: «Возьми у сынов Израилевых по жезлу от колена, от всех начальников их по коленам, и каждого имя напиши на жезле его». И положил Моисей жезлы пред лицом Господа. На другой день жезл Ааронов расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали...

Да, надо, чтоб случилось очень многое, что позволит таланту проявиться: сочувствие, соучастие, встреча с доброжелательными людьми, умение расположить их к себе, не замыкаться, не дичиться, не пренебрегать чужим мнением, подавлять в себе гордыню. Нужна среда, умные советчики, друзья.

Но главное, самое-самое главное: нужно, чтобы сосед Петр Сергеевич однажды положил закрученную от вечной работы руку на твою стриженную «под ноль» голову...

Глава 4

ЖЕНЩИНА С ОГНЕННОЙ ДУГИ

О таких людях, как мама Клыкова — Лидия Тимофеевна, говорят: соль земли. Правда, чаще всего это определение относят к мужчинам, хотя в равной степени оно подходит и нашим замечательным современницам — соль-то ведь женского рода.

Лидия Тимофеевна умерла в конце 1996 года. На ее жизнь пришлось все драматические события века: революция, Гражданская война и вообще все войны — от Первой мировой до Чечни. У себя в Мармыжах, в глубинке Курской области, она как родилась, так и умерла, никуда не выезжала. Конечно, дети звали, и настойчиво, — погостить, переехать насовсем. Нет и нет. Раз, правда, покинула село — когда ушла с ребятишками в эвакуацию. По Курской земле прошла кровавая дыба — Огненная дуга, а ребятишки были махонькие: одному пять с половиной, другому — два с половиной годика. Уберечь их надо было, спасти, не дать над ними надругаться врагу.

Тогда, в 41-м, Лидия Тимофеевна почти 300 километров несла Славу и Юру на руках, спасаясь от фашистской лавины, которая буквально накатывала на беженцев, выжигала, уничтожала все на своем пути, истребляя живое и неживое. В экстремальных ситуациях детская память чрезвычайно обострена. Маленький Слава отчетливо запомнил, как шла эвакуация: колонны беженцев через Воронеж, затем под страшной бомбежкой переправа на па-

роме, пожары и пепелища... «Все рученьки-ноженьки по-оббивали», — скажет потом Лидия Тимофеевна...

Сколько бед и страданий выпало на долю беженцев — это никогда не изгладится из памяти народной. Наши матери не только нас, своих детей, спасали — выходит, они, как и отцы наши, спасали Россию, ее будущее.

Легко ли, вернувшись с малышами в разоренную деревню, начинать жизнь заново? Пришел с фронта муж Михаил Константинович, отвоевавший две войны — финскую и Великую Отечественную. Ему повезло: был ранен только дважды в ноги; осколки, правда, до самой смерти мучили.

Вся послевоенная жизнь Лидии Тимофеевны обычна для русской крестьянки: работа, работа... Детей растила, воспитывала, мечтала, чтобы людьми выросли. Они и стали людьми: недавно тоже ушедший из жизни сын Юра был инженером, на руководящей должности в Харькове, дочь Алла — художница в Димитровграде, ну а младший сын Славик, любимец всего села, — в бронзе и камне воспевал родную землю, русский народ. Какой же моральной и духовной силой, какой мудростью и душевной щедростью должна была обладать женщина, воспитавшая таких детей! Ими гордится Родина, их любят окружающие. Скромность и трудолюбие, упорство в достижении цели, высокую нравственность, патриотизм и щедрость души передала своим детям Лидия Тимофеевна.

Долгие годы она была на селе моральным стержнем, хранительницей устоев, авторитетом для всех — и старых, и малых. К ней шли не только односельчане — приходили из Кшени, Юрасова, других районов, даже из соседних областей. Ежедневно люди наполняли дом, сидели, разговаривали. Что тянуло их к женщине, которую все ласково называли Тимофеевна? Возможность посоветоваться, излить душу, обрести душевное тепло. Важнее этого нет ничего в мире. Для каждого был открыт клыковский дом.

Во время великого праздника — 50-летия Победы Лидию Тимофеевну пригласили на главное торжество — открытие Звонницы на Прохоровском поле в Белгородской области, не так уж далеко от Мармыжей. Монумент, выполненный руками сына и его учеников, взметнулся 50-метровой белоснежной свечой, прославляя героев, погибших в боях Великой Отечественной. Рельефы Звонницы — каменная летопись страданий и мужества народа. Среди сотен образов, запечатленных на четырех сторонах памятника, невозможно не обратить внимания на фигуру молодой женщины: вот она благословляет солдат, уходящих на фронт, вот прижимает к себе детишек, уводя их подальше от горящей избы... Создавая эти композиции, не думал ли скульптор о своей горячо любимой маме, ее судьбе? А золоченая фигура Покрова Богородицы, венчающая Монумент Победы? Не стал ли этот символ Матери-Родины воплощением лучших черт русской женщины, отражением сыновней любви Мастера?

Приезжая домой, а Вячеслав Михайлович скучал по Мармыжам, рвался на родину и бывал там часто, он заставал, конечно, посиделки у них в доме. Неловко было прислушиваться, тем более выпытывать потом, о чем шла беседа. Он знал только, что порой мать разносила своих гостей безжалостно, отчитывала крепко. Но посетителей меньше не становилось. Ну, думал, дом на таком месте расположен — ветка, перекресток дорог, удобный подход, вот и идет народ отовсюду. И только незадолго до смерти мамы он понял, что означала она для села, какую миссию добровольно взяла на себя.

В русских селах сохранился еще образ женщины, в котором как бы концентрируются народные традиции. Это образ Берегини — она нужна людям, необходима, и Господь Бог освобождает ей место, назначает нести свой крест. Такие хранительницы — своего рода юродивые,

сознательно принявшие этот облик. И поклонение им вдов, стариков, молодежи тоже добровольное, не по приказу.

На похоронах Лидии Тимофеевны, на поминках, сидела женщина в платочке, всем обликом — ну вылитая Лидия Тимофеевна. Это Инна Константиновна Юрченко. Она вдова, чуть постарше Клыкова, но, несмотря на разницу в возрасте, они с Лидией Тимофеевной были очень близкими подругами. Инна приходила в дом Клыковых почти ежедневно, а в последнее время, когда подруга хворала, присматривала за ней. Уважение и дружба у них были исключительные, они любили друг друга, как сестры. Инна и по сей день часто вспоминает подругу, тоскует по ней. «Вот если бы Тимофеевна это видела или слышала, что бы она сказала, что посоветовала?» — часто говорит она. Лидия Тимофеевна ценила в Инне обостренное чувство справедливости. Словно готовила ее себе на замену, на заступление поста хранительницы. А сейчас Инна, в свою очередь, воспитывает себе смену, дружит со Светланой Хариной, многое передает ей. И Светлана — прямая, внимательная, мудрая, свято чтит память Лидии Тимофеевны.

Инна и нашла Лидию Тимофеевну мертвой, лежащей у крыльца на снегу. Утром, видно, вышла к поросенку, валенки надела на босу ногу, а в 11 часов, когда зашла Инна, все уже было кончено...

Накануне они долго разговаривали. Лидия Тимофеевна, как вспоминает Инна, была какая-то особенно просветленная, не притронулась к еде. На тревожные вопросы подруги ответила: «Чувствую, скоро конец. Хочу уйти, никому не докучая. Знаю, дети похоронят». Распорядилась по хозяйству: Инну попросила взять поросенка, а кур и козу отдать соседям. И ушла...

Клыков всегда волновался за маму. Он и его жена Елена Сергеевна давно ее уговаривали переехать в Москву.

Юра и Алла тоже настойчиво звали к себе. Не раз даже грузовик подгоняли, вещи начинали укладывать. Все напрасно. Не уговорили. Да и как она могла уехать: ведь к ней люди шли. В ноябре, за месяц до ее смерти, Клыков был в Мармыжах, они долго и душевно разговаривали. Мама приглашала его на свой день рождения 22 марта, они намечали, как соберутся всей семьей. Лидия Тимофеевна говорила, что хочет дожить до того дня, когда можно будет помолиться в храме Покрова Пресвятой Богородицы, который Клыков начал строить в селе на том месте, где стоял раньше взорванный храм. Увы, не привел Господь.

Вспоминая маму, Вячеслав Михайлович как-то сказал: «Она чувствовала свою кончину. В 1974 году, тоже в декабре, умер отец — замерз в степи. Может, она услышала, что он зовет ее к себе? Они жили очень дружно, любили друг друга, женились по любви». Это и по детям их видно.

24 декабря 1996 года, в воскресенье, Вячеслав Михайлович случайно оказался в Москве: раньше намеченного срока вернулся из поездки в Санкт-Петербург. Утром к нему пришли земляки, все сидели в мастерской. Вдруг слышат — по лестнице бежит сын Клыкова Миша: «Бабушка умерла!» Вначале не поняли, кто, чья бабушка. Потом Вячеслав Михайлович взял телефонную трубку, разобрал, что плачущая Инна говорит о его маме. «Приехав в Мармыжи и подойдя к дому, я почувствовал: не могу войти, пусто там», — рассказывал он.

Лидия Тимофеевна лежала в гробу высокая, светлая лицом. Как Параскева Пятница. Очень много народа собралось на похороны. Из Москвы приехали 17 человек, из Белгорода, Прохоровки, Курска, из районов. Поминки пришлось устраивать в сельсовете, дом Клыковых не мог всех вместить. В райцентре Кшени тоже люди собра-

лись помянуть Лидию Тимофеевну. На кладбище женщины плакали. Отпевали священники отец Тихон из Москвы и отец Вячеслав из Курска. На могилу целую гору венков возложили. Они лежали долго-долго...

Бьют и бьют в глубинах России кристально чистые родники. Несмотря ни на какие тяготы, на все Смуты Смут, рождает она героев, мыслителей, гениев. Ушла из жизни Лидия Тимофеевна Клыкова, но остались на земле ее последователи. А значит, продолжается великое дело. Не иссякает родник. И никогда не иссякнет.

Глава 5

ХУДОЖНИК — ВСЕГДА ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

Н. Гумилев

Однажды, выступая на своем творческом вечере в Центральном доме Российской Армии, Вячеслав Михайлович неожиданно подробно стал рассказывать о своем детстве, о годах учебы. Вообще-то он крайне редко говорил о себе и крайне скуп — экскурсы в собственную биографию ему были не свойственны (единственное исключение — он всегда подробно и охотно рассказывал о Мармыжах). Но именно это — его воспоминания о начале пути в искусстве, его отношение к таланту, его советы, как нужно беречь способности и помогать им, — именно это, повторюсь, как раз больше всего и интересовало тех, кто стремился к общению с ним. У кого, казалось, еще было спросить о волнующей многих теме: а не проглядел ли я что-то эдакое в себе? — как не у душевного, внимательного к собеседнику, доступного всем без исключения Клыкова?

В тот раз, в ЦДРА, отвечая на вопросы, Вячеслав Михайлович вспомнил:

— Деревня Мармыжи, с более чем скромными потребностями ее обитателей и продиктованным этим соответствующим нравственным укладом жителей, накладыва-

вала отпечаток и на души детей. Я и сейчас вспоминаю подобие некоей обители, где царили Бог, Труд и Радость. В старших классах, учась в районном центре, и после окончания школы, попав в областной город, я увидел, что градация между людьми та же, изначальная, как и между десятью-одиннадцатью моими деревенскими сверстниками. Когда я приехал в столицу, масштабы общения захлестнули меня, появилась общественная работа, но прежняя, изначальная мера осталась до сих пор. Благодаря первичным ценностям, вложенным с детства, я питаюсь только любовью к своей родной земле, родной природе. Выезжая из Москвы, понимаю, как дороги мне многие края и уголки нашей России.

— В сплоченной, дружной детской братии в Мармыжах, — продолжал Мастер, — мне отводилась не последняя роль, так как я мог лихо играть на трофейной губной гармошке, а также для развлечения лепил из глины и вырезал из картона разные фигурки. Думаю, в этом развлечении был и более глубокий смысл — объединение людей. С тех пор я на протяжении всех своих творческих лет обращаюсь к великим примерам именно радения за человеческое единение: Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому, Владимиру Крестителю и императору Николаю II.

...Благодарю судьбу, что смогла тогда записать мысли Клыкова. По щедрости душевной он никогда не следил за протоколированием, записью своих выступлений. В дальнейшем, уговаривая его написать книгу о своей судьбе, — к сожалению, уговоры оказались тщетными, — я вновь вернулась к теме «Истоки». Вот что он сказал во время нашей тогдашней беседы:

— Хвала Господу Богу за то, что мне довелось так счастливо родиться в этой маленькой деревеньке, в самом сердце России. Мармыжи многое определили в моей судь-

бе. Например, я ни разу не ошибся в выборе масштаба, увязывая свои работы с пространственной средой. Исток точности глаза находится в степи детства, где одинокая травинка в поле и плавные овалы холмов, и лошадь, которую узнал бы в самом огромном табуне, и люди, уважительно относящиеся к детям, — все это окружение немало поведало о жизни, а также о премудростях формы и содержания. Село наше было равноудалено от всех проезжих дорог и железнодорожных линий и скорее напоминало хуторок с ярко выраженным казачьим бытом и укладом.

Клыков очень любил поэзию. Однажды слушали, как читают Есенина. В конце вечера он сказал: «Комок в горле стоял». Пушкин, Бунин, Хлебников, Николай Рубцов — он многое любил и знал наизусть. Особенно часто вспоминал строки Рубцова — из «Русского огонька», «Видений на холме» и других стихотворений. Очень Рубцов был созвучен его душе.

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, земля,
Вокруг своей оси...

Клыков считал, что у поэтов природа творчества примерно та же, что и у художников, музыкантов, у них тоже истоки таланта лежат в детстве. Каково было детство, таково и творчество. Разумеется, если дар дан Господом Богом.

И еще он считал, что художником нельзя стать, им рождаются. Равно и поэтом не сделаешься, это — от приро-

ды, только потом дарование развивается, мы приобретаем опыт, но не глубинный, а скорее как арифметическое составляющее. Мы больше и больше узнаем мир, читаем, размышляем, познаем историю, но глубже не делаемся. Человек лет в пять-шесть, полагал Клыков, становится личностью, и она проявляется на протяжении всей жизни.

А как узнать, есть ли в тебе талант? Как развить его? Вот мнение на этот счет Вячеслава Михайловича:

«В каждом человеке, без исключения, присутствует первородная энергия. Кому-то удастся добраться до самых сокровенных пластов своего естества, ощутить это, вскрыть в себе эти возможности и развить их. В другом человеке они задавлены в той или иной степени и потому не проявляются. Но повторяю, в каждом это есть, и каждый человек несет в себе всю предшествующую историю человеческой цивилизации. Необходимо только научиться расшифровывать ее поэтапно, а это дается не каждому.

Одна из важнейших слагаемых художника — умение наблюдать натуру, природу ли, человека ли. Насколько ты наблюдателен, настолько ты и точен в воспроизведении жизни. Деревенский мир для ребенка — это уникальная, гармоничная среда. Он уже в самом раннем детстве улавливает все взаимосвязи в ней. И поэтому ниточку развития мастерства наблюдения я веду именно от детских лет. И вообще, по-моему, впечатления детства питают воображение художника все последующие годы.

По моему глубокому убеждению, каждый художник прежде всего несет в себе историю своего народа. Многим поэтам, музыкантам, актерам удается осознать это и выразить в собственных творениях. Я особенно остро чувствую связь с историей Родины. Имею в виду историю, начиная не только с крещения Руси, но и теряющуюся в веках жизнь славянства. Ощущение такой связи пришло из

далекого детства. Именно за это я больше всего благодарен своей маленькой родине — селу со странным названием Мармыжи. Это был мой мир, мой Космос, где я никогда не чувствовал себя потерянным, где все очень соразмерно, все точно давалось детскому воображению и освоению. Любовь к Родине начиналась с любви к равнинам нашим, холмам, балкам, поросшим негустыми лесами, к животным, к каждому дому, который всегда имел отпечаток личности хозяина, нес его образ. Даже окна были похожи на своих хозяев, даже живность, скотина возле крестьян передавали их индивидуальность.

Искусство слагается только из природы самого искусства. И прежде всего надо учесть, что Божественный свет никогда не попадет на циничную душу. Если уже в раннем возрасте (в четырнадцать-пятнадцать лет) человека проредает цинизм, этот человек кончился для искусства. Такому лучше не браться ни за кисть, ни за краски, ни за глину, ни за камень. Никогда из этого ничего не получится. Конкретных примеров могу привести тысячи. А если художнику дан от Бога талант, то в нем, как правило, нет ни капли цинизма. Особенно в юности. Это всегда очарованная душа: всегда наивная, по-детски неприспособленная, но это всегда настоящая душа художника».

Вы заметили, читатель, что мы ничего пока не упомянули о школьных годах Вячеслава Михайловича? Видно, не очень ярким был этот период его жизни. В одном из своих интервью он так и сказал об этом:

«Возможно, мне не повезло, но о школе и своих учителях я не могу сказать искренно ни одного теплого слова. Вся моя жизнь в школе проходила на стадии полной отчужденности. За все десять лет школьной учебы у меня не было ни одного яркого впечатления или контакта. Господи, чему они нас там учили! Хорошо, что мы учились кое-как, и нас это «образование» глубоко не задело.

Это спасло и спасает. Как нас спасали те самые пресловутые пьянство и лень, о которых говорят так часто. Ведь все дело в том, что наши люди не хотят работать на ложные идеалы и ложные цели. Поэтому, как ни парадоксально это звучит, все же это спасение народа в какой-то мере. А вы дайте нашему человеку финансовую основу, такую же, как у американцев, создайте такие же условия для него, и он будет работать не хуже, а, возможно, гораздо лучше...

Но вот о моих школьных годах. Единственное, чему я отдавался полностью в то время, были рисунок и скульптура. Если у человека есть серьезное увлечение или склонность — например, к искусству, — то в конечном счете вокруг него появляется маленький коллектив. Пусть он совсем небольшой, но это коллектив единомышленников, с которыми вы делаете одно дело. Поэтому я с такой радостью ждал зимних каникул. Как только они начинались, мы с приятелем уходили к нему на квартиру и целыми днями лепили, рисовали. Его родители были люди простые. Они не имели серьезного образования, но искусство любили очень. Так что никаких особенных встреч тогда у меня не было. Как художник я развивался внутри самого себя: сам себя слушал и создавал. Попутно появлялась какая-то хорошая книга. Хотя любая книга не приходит просто так, случайно. Шукшин хорошо написал об этом в одном из своих рассказов. А до Шукшина об этом так же хорошо написал Хлебников: «В минуту книжного голода к тебе приходит именно та книга, которая тебе необходима». В этом ведь, действительно, есть некая закономерность.

На свет я появился в 1939 году: революция давно победила, всюду — новые порядки, новые праздники и обычаи, и даже язык стал другим... А в нашей деревеньке, отторгнутой от большого мира, полузабытой в своем углу,

каким-то чудом сохранился прежний жизненный уклад. Мы праздновали то же, что и остальная страна, — Октябрь, Первомай и все прочее. Но это ощущалось как что-то... наносное. Меня воспитывали бабушки (одна из них, кстати, окончила в свое время гимназию — думаю, что это было покрепче нынешнего среднего образования). Они брали меня с собой в церковь, и это запало мне в душу и осталось навсегда. Впоследствии детские впечатления вели меня по жизни, оказали большое влияние на то, что я делал в искусстве.

Все Клыковы — коренные куряне. Своего деда не помню: он очень рано умер от тифа. Хотя знаю, что после Гражданской войны он был первым председателем Советского райисполкома. И по сию пору куряне хранят о нем добрую память. Отец прошел финскую войну и всю Отечественную. Из самых ранних впечатлений детства в памяти отпечатались сцены эвакуации и жизни беженцев у чужих людей. Осознанная цепь воспоминаний — уже после возвращения в родную деревню... Сильными оказались мои детские впечатления от долгих путешествий с бабушкой моей, Капитолиной Матвеевной Сорокиной, по весне за травую-щавелем, за кизяками — летом. Это она рассказала мне о Сергии Радонежском, да так, видно, талантливо рассказала, что стало его житие для меня самым светлым в мире, идеалом, что ли...»

После войны отдаленные и затерянные одиннадцать мармыжанских дворов жили практически, как хотели. Официально их объединили в колхоз имени Крупской, в котором было всего лишь шесть лошадей. Но этот маленький колхоз справлялся со всеми, довольно трудными, государственными поставками. И у людей еще хватало сил на отдых, праздники и песни. Советская власть там не чувствовалась, отношение к ее представителям было скептическим. Так возникала очень старая проблема — народ

и власть, то есть изначальная мера уважения к власти. Для себя Клыков сделал вывод: на протяжении огромного исторического отрезка в России не было настоящего взаимопроникновения, сживания с официальной властью, как это ни прискорбно. Всегда народная жизнь сама по себе движется, как подводная река, а над ней несмыкаемая, но видимая — государственная власть. Иначе бы не произошел так быстро и легко переворот 1917 года.

...Но вот закончился мармыжанский период жизни, и наш герой «вышел в люди». Отъезд его на учебу запомнился односельчанам. «Так пусто без него стало», — скажут они мне. Некоторые их рассказы мне удалось записать во время поездки в Мармыжи.

Сергей Васильевич Коротков, ветеран Великой Отечественной войны:

«Сегодня, 9 мая 1996 года, мне оказали большую честь — поручили открыть Крест-памятник на братской могиле в поселке Мармыжи. Так и сказали на митинге: «Поручаем, мол, снять покрывало старейшему нашему жителю и ветерану». Я многое повидал на своем веку, но оказанное доверие ни с чем не сравнимо. Это Славе спасибо Клыкову, что не забыл старика. И памятник, что он привез в Мармыжи как дар своей родине, замечательно у него получился.

Я был другом Славиного отца, Михаила Константиновича. После фронта он работал бухгалтером нефтебазы. Вся жизнь Клыковых проходила на моих глазах, это была открытая людям, дружная, трудовая семья.

Здесь, в Мармыжах, в войну шли суровые бои, поселок четыре раза переходил из рук в руки. Отступая, немцы сожгли почти все дома. В местном храме Покрова Пресвятой Богородицы наши бойцы устроили наблюдательный пункт. Церковь была сильно разрушена, потом

колхозники растащили остатки по камешку. Когда-то мои деды на свои пожертвования построили этот храм; в его ограде был наш семейный склеп, он сохранился до сих пор. То, что Слава взялся на собственные средства восстановить храм, — великое дело. Бог тебе в помощь, дорогой мой человек!»

Людмила Алексеевна Воробьева, завуч Мармыжанской школы:

«Все детство мы жили рядом. Мама моя была учительницей русского языка в Славинном классе. Он рос очень сильным парнем, брал нас с сестрой обеими руками, поднимал в воздух и тихонько стучал лбами. Занимался гириями, которые мы с места не могли сдвинуть, боксом, борьбой, для чего они с ребятами вырывали в лесу яму, делали «ковер» из опилок. Спортом Слава увлекался по-настоящему, не раз становился чемпионом Курской области по борьбе. Победками своими не кичился, всегда скромно держался. Помню, как мы все за него волновались, когда его повезли в больницу с приступом гнойного аппендицита. Еле-еле тогда доставили нашего Славу до больницы, думали, не довезут.

Слава любил лес, любил собирать грибы, ягоды. Всегда у него было много друзей. Парнем был видным, стройным, аккуратно одевался, ходил в «техасах». Это сейчас он измельчал, похудел, осунулся. Не просто, видно, слава дается. Конечно, у него и девчат хватало. Мы, маленькие, подсматривали за молодежью. Надо отдать справедливость: он был джентльменом, ни в одном плохом поступке замечен не был.

Односельчане тепло к нему относились. Он часто приезжал, со всеми здоровался за руку, расспрашивал о делах, о близких. Не кичился высоким положением. Он был свой среди своих.

Главное, что отличало семью Клыковых всегда, — это порядочность. Во всем. Детей у них всегда называли Юрик, Славик — только так. Слава рос хоть и озорным, но в меру драчливым, никогда хулиганом не был, родители из-за него ни разу не плакали».

Светлана Харина, соседка:

«Я моложе Вячеслава Михайловича, детство его запомнить не могла. Как и все в поселке, я дружила с его мамой. Лидия Тимофеевна была необыкновенным человеком. Ее всегда хватало на то, чтобы приветить любого. Авторитет у Тимофевны был непререкаемый. Однажды, незадолго до ее смерти, я несколько дней к ней не заходила. Вдруг звонок по телефону: Тимофеевна спрашивает о моем здоровье, о муже, о детях, сестре, ее детях. Внимательно так меня выслушала, пока не догадалась, что же у меня стряслось. И спокойно посоветовала, как мне быть, что делать в создавшейся ситуации. К ней вечно шли люди за советом, моральной поддержкой.

А вот и подарок мне от Тимофевны: коза. Видите, пацется? Перед смертью сказала мне: «Как помру — возьми себе козу». Другим тоже почти все завещала. Очень без нее тяжело, пусто.

Не хватает нам и такого человека, как Вячеслав Михайлович. Ему ведь многие матери благодарны: в молодости он возился с их детьми, занимался с мальчиками спортом, учил их приемам борьбы.

Его любили в поселке. Иначе как «дорогой, золотой» не называли. Он был великим человеком, но мы этого не сознавали. При жизни великих людей всегда так. Хотелось бы, конечно, большего к нему почтения, но ведь он — свой, привычный. Может, это естественно?»

Алексей Иванович Выростков, сосед:

«Я учился со Славой в школе, сидел за одной партой. Хороший он был парень, надежный. Вспоминаю его только с положительной стороны, как умного, талантливое, добросердечного. Учился всегда хорошо, любил математику, очень любил рисовать, мастерить. Помню, однажды подсел к однокласснице и тут же нарисовал ее портрет, да так похоже! Жаль, карандашей тогда цветных не было, портрет получился черно-белым. На гармошке играл, танцевал хорошо, в конце танца даму поднимал в воздух. Замечательный он был парень, Славка».

Глава 6

ТАЛАНТОМ ДВИЖЕТ СОВЕСТЬ

Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...

Н. Рубцов

Несмотря на то, что после окончания института ему пришлось лет пять-шесть жить, мягко выражаясь, скромно, он ни разу не делал Ленина, не обращался к образам и других «великих» мира сего, хотя мог бы легко выполнять такие заказы и жить припеваючи. Но у него и в мыслях не было этого! Господь Бог берег его от такого шага.

После окончания института была среда, которая разделяла его взгляды, были друзья-единомышленники. Особо выставляться он не спешил. И все же ему грех обижаться: коллеги-профессионалы признали Клыкова с первой же выставки, их отношение всегда было сочувственным, он никогда не замечал враждебности.

Враждебность, скульптор даже не понимал почему, была со стороны идеологических властей, Министерства культуры. Клыков вспоминает такой эпизод. Когда он в церкви Рождества Пресвятой Богородицы сделал надгробия героям Куликовской битвы Ослябе и Пересвету, то столкнулся с упорным сопротивлением тогдашних горкомов и райкомов. И почему? Оказалось, потому, что сделал героям-монахам полный монашеский крест. Коллегия Министерства культуры вместе с горкомом партии соби-

ралась три дня, Клыкова таскали на заседания, прорабатывали, чтобы он только убрал крест. А какой это был год? Начало 1988-го, казалось бы, совсем недавно. И чего потом добился Клыков, ставший автором известных сейчас скульптурных работ, посвященных святым, святителям, священномученикам, священнослужителям!

После окончания института он чувствовал себя выброшенным из жизни. Ни квартиры, ни мастерской, ни денег. Но Достоевским очень верно сказано: «Вы знаете, сколь силен может быть один человек?!» Талант всегда пробьет себе дорогу, потому что у него изначально закодировано — выжить, уцелеть. У него есть сила, энергия, очень важно не пригасить все это.

Он никогда не играл в игры, от которых не знают, как отмыть руки те, кто сделал карьеру на «перестройке». Еще в институте он положил на стол комсомольский билет и с тех пор не имел никаких дел ни с партией, ни с коммунистической идеологией. А в творчестве своем, в молодости пройдя период увлечения язычеством, пришел к Богу.

Клыков — представитель послевоенного поколения, отчетливо заявившего о себе уже в семидесятые годы. В самые топкие для самобытного народного таланта годы. Вспомните судьбы Василия Шукшина, Николая Рубцова, Виктора Попкова, Владимира Высоцкого... Если свести их биографии в одной книге, вероятно, можно будет разгадать тайну воистину неистощимой талантливости этого поколения. Его стремления плыть против течения. Творить во имя правды и нравственной жизни.

Труд художника носит личностный характер. Что помогает ему, когда он остается один на один с создаваемым образом? Именно самое глубинное в его личности. Что подталкивает к самораскрытию? Иногда случайные встречи. Но чаще они выступают в качестве катализатора, провоцируя к высвобождению того, что накопилось в

душе. Вот здесь-то и вступает в игру интуиция художника. «Насколько ты доверяешь своей творческой интуиции, насколько умеешь сопрячь воедино чувство и мысль, настолько ты и искренен в своей работе», — говорил Вячеслав Михайлович. Можно ли удивляться, почему художник зачастую идет против избитых стереотипов времени? Ведь он всегда один на один со своей работой. Если бы все люди были столь же откровенны каждый в своем деле! В нас заложен духовный потенциал, о котором можно лишь догадываться. Весь секрет — в умении раскрепостить себя, свою личность, высвободить из пут условностей свою душу. Помните, как говорил Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Выставок у него было немного. На моей памяти были персональные выставки в Выставочном зале на улице Вавилова (1981 год), в Болгарском культурном центре (1994 год), две — в Международном славянском культурном центре (1996 и 2004 гг.). В рамках большой выставки «Все-му миру свет», организованной Международным фондом славянской письменности и культуры в Белом Доме (Доме Правительства) в 1991 году, была показана 51 его работа: копии памятников Святому Владимиру Крестителю Руси, Святой княгине Елизавете Феодоровне, преподобному Сергию Радонежскому, протопопу Аввакуму, преподобному Серафиму Саровскому, барельефы «Кирилл и Мефодий», «Афонские старцы Силуан и Амвросий», портреты А.Бородина и С.Рахманинова, ученых и писателей, другие скульптуры в гипсе, камне, дереве.

На выставке православных художников в Храме Христа Спасителя (1998—1999 гг.) центральное место занимали несколько клыковских работ.

Вот и все. Конечно, это не бурная выставочная деятельность для художника такого уровня, как Клыков.

Предложения выставиться к нему поступали, но он от них уклонялся: то недосуг, то «время жалко на эти хлопоты тратить».

Зная, как реагируют люди на клыковские работы, могу только посетовать на такое положение вещей. Помню, во время работы выставки «Всеми миру свет», главным организатором которой был Вячеслав Михайлович, многочисленные посетители и парламентарии (тогда в Белом Доме заседал Верховный Совет) среди 600 экспонатов неизменно выделяли произведения Клыкова, оставили множество записей в Книге отзывов, благодаря его как художника и устроителя экспозиции. Вот некоторые из этих отзывов.

«Бог да благословит создателей этой прекрасной выставки — лика России, ее немеркнувшего света».

Владыка Питирим

«Основное достоинство этой прекрасной выставки, на мой взгляд, в том, что она воплощает в себе «русскую идею» путем синтеза различных художественных форм, но без националистических искажений».

Глуценко А.И., сотрудник Государственного комитета РСФСР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

«Выставка необходима в наше трудное, трагически прекрасное время. Только ясное понимание, что корни у нас одни — и у «радикалов», и у «консерваторов», что все мы обязаны жизнью на этой земле нашим предкам, что через столетия, возможно, и на наши деяния будут взирать потомки либо с уважением, либо с презрением, только ясное понимание этого объединяющего, светлого начала народной культуры — дает нам шанс уцелеть. Спасибо, Клыков».

Народный депутат РСФСР *О. Басилашвили*

Выставки, в которых участвовал Вячеслав Михайлович, давали возможность не только проследить развитие его творчества на разных этапах, но и, что не менее важно, увидеть его ранние работы, станковую скульптуру, барельефы, портреты.

С чего начинается Мастер... Открывая свою персональную выставку в Международном славянском культурном центре, Клыков как-то даже смущенно сказал собравшимся: «Вы увидите мои ранние работы — не судите их строго, в тот период я искал себя в искусстве».

В Белом Доме были показаны его великолепные композиции «Россия», «Рождение воина», по фотографиям известны бронзовая «Обнаженная» («Гран-при» на Белградском quadriennale 1976 года), приобретенные различными музеями и картинными галереями «Радость», «Танец», «Сидящая девочка», «Стыдливая», «Весна в городе», «Времена года», «Акробаты», «Двадцатый век» и другие.

Еще в институте Клыков стал задумываться о том, какое место в искусстве занимает московская школа скульптуры. Отдавая дань школе европейской, мощной профессионально, богатой и значительной, наша скульптура идет собственным путем, отличным от западного. Как использует она мировой опыт, во что выливаются поиски художников? Их задача сложна: они должны нащупать глубокий стержень каждого произведения, продемонстрировать сплав пластических приемов, выработать такую выразительность формы, какой достигали, например, безымянные скульпторы, еще в глубине веков украшавшие землю изваяниями. Половцы, сарматы, алеуты были язычниками, но религиозный, мистический смысл их произведений для современного творца — не главное. Важен пластический ход, способность скупыми формами передать жизнь — пульсирующую, понятную и близкую нам. Вот основное содержание искусства. И скульптор должен не

пытаться копировать старых мастеров, а понять суть — ощутить внутреннюю ось работы, которая важнее объема, пластики. Эту внутреннюю ось нужно научиться чувствовать, улавливать в любой скульптуре.

В институте Клыков бредил первобытным искусством, ходил в музеи, рассматривал фигурки, собирал на эту тему книги. Учился цельности художественной манеры, непосредственности. Африканское, мексиканское, древнеегипетское, японское искусство, греческая архаика... Да и каменные бабы в курских степях — в том же ряду. Чем больше он изучал древнюю скульптуру родных краев, тем больше приходил к удивительному выводу: в художественных школах значительно больше сходства, чем различия.

Русская школа и мексиканская... В чем разница между ними? Какова роль национального в искусстве? Подобные вопросы всегда волновали и будут волновать людей.

Останавливаясь на этой проблеме, Клыков неизменно ссылался на Велимира Хлебникова. Он так часто цитировал его, читал наизусть целые куски из поэм (вот память-то! любой литературовед позавидует), полагая многие положения наивными, но всегда подчеркивая гениальность поэта. Клыков считает, что Хлебников во многом укрепил его уверенность в том, что необходимо идти к общечеловеческим ценностям — через национальное. Не об этом ли говорил Хлебников: «Надо отстоять русскую породу любой ценой!» Поэт искал корни единого праязыка, мечтая, что придет время и народы будут пользоваться единым языком, как при сотворении мира, пока Господь Бог не разделит людей по нациям, дав каждой своего Ангела-хранителя, и языкам. К изначальному порядку вещей человечество вернется непременно. Клыков очень дорожил многими теориями Хлебникова: «Его размышления порой называют заумью, но нельзя отказать в гениальности его

интуитивной поэзии, которой еще никто не касался. Поиски Хлебникова пытались скомпрометировать окружающие, черпая при этом из его философии пригоршнями».

Надгробие Велимиру Хлебникову Клыков открыл в поселке Ручьи Новгородской области в 1975 году. И хотя о работах скульптора Клыкова речь в основном впереди, скажем еще немного о его кумире, тем более что в связи с этим просматриваются любопытные параллели.

Не так давно была опубликована одна малоизвестная хлебниковская работа — составленный поэтом в 1912—1913 годах список памятников, которые, по его мнению, надо воздвигнуть в России.

Какие же именно? В Москве: великий памятник Иоанну Грозному, Святым Борису и Глебу, трем друзьям — любимцам лир: Гоголю, Пушкину, Мицкевичу; боярыне Морозовой, славянофилам (без каких-либо имен). В Петербурге — матери Петра Великого Нарышкиной («должен указывать русской женщине ее истинное назначение — давать великих сынов»). В Киеве — памятник греческому историку Геродоту, «первому писавшему о России». Матерь городов русских должна украситься изваяниями летописца Нестора, историков Н. Карамзина, Н. Костомарова, В. Ключевского. В Астрахани нужно воздвигнуть памятники Е. Пугачеву, С. Разину. В Твери — А. Никитину. В Перми — Строгановым. В Новгороде — князю Рюрику. В Ростове-на-Дону — памятник Славы казачества.

«Нужно украшать Волгу и Дон», — считал Хлебников. В Самаре он видел памятник Ермаку — самый высокий в мире, как Статуя Свободы в Нью-Йорке. На берегу Волги предполагал памятники Земному Шару, Адаму и Еве. На Кавказе хотел изваять Прометея, прикованного к скале. В Карачарове Хлебников видел памятник Илье Муромцу, чтобы «русские жили по образцу своего богатыря». И еще памятники: Андрею Рублеву, Платону, Со-

крату, Аристотелю, очень много — героям-казакам. И наконец — памятник Русскому Языку. «Так украсится и освятится красотой и лепотой Русская земля и великорусский материк, вспоминая и объединяя людей из русского народа», — писал Хлебников.

А кто должен давать средства на сооружение монументов? Поэт считал так: «Железные дороги, рудовладельцы, заводы, а власть должна наблюдать их». Хлебников придавал огромное значение монументальной пропаганде. «Костяк, ребра и позвоночник народной души», «персты каменного сторожа, указывающего молодцу, куда идти», «чертоги смысла», «вечная речь, обращенная к сердцу русского народа» — вот что такое, по мнению Хлебникова, памятники.

Многое в этой теории созвучно душе Клыкова. Я бы даже сказала: все. А кое-что он и выполнил, предвосхитив публикацию хлебниковского списка. И, может быть, большая жизненная удача Клыкова в том, что начало своего творческого пути он ознаменовал надгробием Велимиру Хлебникову — решив одну из труднейших в искусстве задач, много передумав, сделав непреложные выводы.

После этого он создал десятки образов поэтов, писателей, деятелей культуры, ученых. Назову лишь работы, посвященные А.С. Пушкину (памятники, установленные в Перми, Тирасполе, Арзамасе, г. Щелково Московской области), К.Н. Батюшкову (Вологда), Ф.М. Достоевскому (Старая Русса), И.А. Бунину (Орел), Н. Рубцову (г. Тотма), М.С. Щепкину (Белгород), академику М.В. Келдышу (Москва), В.М. Шукшину (с. Сростки Алтайского края). Он также работал над бюстами и скульптурными портретами В.И. Белова, В.Н. Крупина, В.С. Высоцкого, композиторов А.П. Бородина, С.В. Рахманинова, И.Ф. Стравинского, Г.В. Свиридова, кинорежиссера Ларисы Шепитько, академика Л.С. Понрягина.

Но рассмотрим несколько других ранних работ Клыкова.

Каждому из нас, конечно же, доводилось любоваться ребенком, непосредственно, искренне радующимся жизни. Бронзовую фигуру обнаженной девочки Клыков так и назвал — «Радость» (1971г.). Ребенок запрокинул круглую мордашку, губы улыбаются, сморщен нос, прикрыты от счастья глаза, широко распахнуты тонкие руки... Чему радуется девочка? Жизни, солнцу, всему сущему, может быть, теплому летнему дождю...Как всегда у Клыкова, фигура звучит как символ: радость всего живого под солнцем, хвала Творцу. Фигура девочки, длинноногой и угловатой, ее абсолютно естественная, «не поставленная» поза, ее русское лицо — в этом угадывается уже будущий Клыков.

«Старик и карлик» (1974 г., Пермская государственная картинная галерея) — пожалуй, самая спорная клыковская вещь. Еще студентом 4—5 курса, он одно время по утрам завтракал в кафе, где обратил внимание на странную пару: за одним и тем же столиком устраивались бедно одетый старик — с рюкзаком, с бесформенным пиджаком на спинке стула, и ухоженный, чистенький карлик. Все время, пока Клыков наблюдал за ними, старик не проронил ни слова, зато карлик болтал непрерывно. Так продолжалось с полгода — каждое утро одна и та же картина. Клыков даже решил послушать: о чем у них речь? «Давай жению тебя, что ты ходишь бобылем! И невесту тебе присмотрел: хорошая баба!» — сыпал, как горох, карлик. «Ерунда какая-то», — решил Клыков. Потом странная пара перестала появляться в кафе, да и он не заходил. Сцена забылась.

Много позже, в 1974 году, когда скульптор размышлял о судьбах России, о ее сегодняшнем дне, он вдруг вспомнил старика и карлика. Увиденное когда-то всплыло, как

живое. Клыков сделал модель в ковanej меди и выставил ее на Московской художественной выставке на Кузнецком мосту. В модели он воспроизвел образы с предельной точностью, ничего не выдумывая. Что тут началось! Клыков не ожидал, что будет такой резонанс. Журнал «Творчество» открыл длившуюся два года дискуссию: «Что хотел сказать Клыков «Стариком и карликом»?» Да и до сих пор трактовки самые различные.

Вглядываясь в образы композиции, можно так много представить и передумать о нашей жизни, что, право, на целую книгу хватит.

В образе Старика представляется русский народ, наша старая интеллигенция. В его лице проглядывают черты и Некрасова, и Достоевского, других писателей, поэтов, «пророков России», как их называл Клыков. Мастер сознательно свел Старика до уровня нищеты. Это бездомный скиталец, бомж. Он напряженно, угрюмо молчит. Но как он сжимает стол, как подогнуты ноги в сапогах — вот-вот встанет, заговорит, сметет всю нечисть.

Карлик — непрерывно раскачивающийся на стуле, сидящий на самом его кончике, самозабвенно болтающий человек. О чем его трескотня? Наверное, о демократических ценностях, рыночной экономике, реформах — о чем еще? Или о свободе слова, о предпринимательстве... Новый русский?

Народ безмолвствует. Или перешел в глухую защиту выживания. И объясняется это не ленью, а нежеланием участвовать в делах лжи и тьмы.

Все наше общество — и тогда, и сейчас, сейчас тем более — можно поделить на стариков и карликов. Временщики, болтающие вздор на своем шатком стуле, сменяющие друг друга в непрерывной чехарде правительств. Но взгляды в лицо Карлика — в нем черты Брежнева, Горбачева, кого-то еще из калифов на час... Слава богу, пока

молчит Старик, огромный наш народ, но придет время, а оно уже наступает, он скажет свое слово, начнет действовать. Вот что говорит нам скульптор. Он словно спрашивает людей: кого искушает болтун?

Композиция «Старик и карлик» современна по пространственному решению. 12 вертикалей — ножки стола и стульев — придают ей сквозной характер — как сон, как воспоминание... (Подобная пластическая задача — балансировка на цыпочке ноги на шаре — решена Клыковым в статуе Гермеса, установленной перед Международным торговым центром в Москве в 1980 году).

Глава 7

ЧТО ОСТАВЛЯЕМ ЗА СОБОЙ?

И воспрянет Россия в вере, правде и славе.

Преподобный Серафим Саровский

«Скажи, пожалуйста, почему ты никогда не рисуешь?» — спросила я Вячеслава Михайловича.

«Почему? — переспросил Клыкков. — Рисунок — прикладное для скульптора. Согласен, Микеланджело, Роден, Манцу — хорошие рисовальщики и живописцы. Если есть точный глаз, или, как говорят художники, абсолютный глаз (как у музыкантов — абсолютный слух), то человек может добиться в графике отличных результатов. Должна быть точная линия; чем она свободнее, тем артистичнее рисунок. Я раньше тоже рисовал и писал красками, где-то и сейчас есть эти работы. В институте у нас был замечательный педагог Дмитрий Жилинский, прекрасный рисовальщик. Он одобрял мои рисунки, ценил, говорил, что глаз от природы поставлен. Но сейчас я считаю: это не главное. Обдумывая будущую фигуру или композицию, я все делаю в уме, потом, когда скульптура мысленно оформлена, набрасываю эскиз. Рисовать не тянет, даже ради шутки, расслабления. Сразу леплю. Для меня важнее форма. Скульптурой можно передать абсолютно все: мысль, страдание, страсть, радость. Важно только не изменять жанру, не переступать его. Наше искусство молчаливое. И более отрешенное. Такая муза — передает лишь зрительные об-

разы, но каждый из них имеет много подтекстов, воспринимаемых по-разному. Объем, ракурс, динамика — они зависят от понимания зрителя. Многоплановое искусство — скульптура».

Кто-то сказал: «Таланту не трудно работать, таланту трудно жить»...

Одна из ранних работ Клыкова называлась «Художник и модель». Тема не нова, она много раз поднималась в искусстве, волнует творцов и поныне. Вот как решает ее Клыков.

Художник спит за столом, положив голову на натруженные руки. Поодаль — обнаженная модель в туфельках, с бокалом шампанского. Фоном композиции служит барельеф, изображающий обезьяну с великолепным торсом, фрагменты будущих произведений, задуманных образов. Мысль ясна: художник хочет отрешиться от искушений мамоны, соблазнов славы и делать свое дело — творить. Лицо его, в котором угадываются клыковские черты, спокойно, но мужественно, решительно. Глядя на него, веришь, как писал Ф.М.Достоевский: «Придет день — Господь повелит нечистому духу выйти из тела России».

Что Вячеславу Михайловичу работа в радость — ясно было всегда. Помощники буквально с ног валились, а он, после бессонной ночи, тяжелейшего труда, улыбался, шутил, принимал посетителей, решал общественные вопросы. И работоспособность, энергия, отдача были удивительными: только летом 1998 года, с 22 мая по 29 августа, были открыты: памятник Государю-Императору Николаю II в Подольске, Крест с Распятием во имя двенадцати святых апостолов в Тульской области, памятник преподобному Серафиму Саровскому в Курской Коренной пустыни, величественный памятник Святому Владимиру Крестителю Руси в Белгороде и бюст Г.К.Жукова в городе Калач-на-Дону. Автор был, конечно, на всех освящениях,

выступал на всех открытиях, организовывал пребывание приглашенных, давал интервью и т.д. Возвращение в Москву — и без перерыва, раскачки — работа над памятниками Илье Муромцу, митрополиту Петербургскому и Ладожскому Иоанну.

Или вот 2004 год, 65-летие Мастера. Этот год по праву мы назвали «Болдинской осенью Вячеслава Михайловича», поскольку за короткий период было установлено 20 памятников и памятных знаков, в том числе такие крупные работы, как памятники В.М. Шукшину и адмиралу Колчаку на месте его гибели в Иркутске.

Не удивительно ли?

Давно прошли те времена, когда выставкомы прятали его работы подальше от бдительного ока идеологического отдела ЦК КПСС, а потом говорили Клыкову шепотом: «Отстояли твою работу, скажи спасибо». Нет давно ЦК КПСС, не нужно ни от кого прятать работы, но давит нехватка денег, потребность думать о спонсорах, выбивать места для установки скульптур, входить в контакты со многими властями разных уровней, от которых зависят решения, а значит — судьбы памятников.

Сомневался ли он в себе? Замечал ли спады, небрежность, погрешности? Ничуть. Допустить этого он не мог, не имел права. Профессия не позволяла. Любовь к людям, для которых он трудился. Честь мужчины, наконец. Он знал: если «потухнет» — уйдет на покой. Как сказал когда-то Ю.И. Пименов: «Художнику можно простить ошибки и неудачи, но нельзя и не нужно прощать внутренний холод, безразличие к душе своего дела, бесцельность. Искусством должны заниматься люди со страстной и чистой совестью. Всякие коммерческие, карьеристские задачи никогда не были и не будут действительными заботами творчества. Особенно страшно равнодушие, рождающее серость».

О наших днях, о России были все мысли Вячеслава Михайловича. Он был подлинно национальным художником, ощущающим себя связующим звеном между прошлым и будущим, между мастерами древности, классиками и грядущими поколениями творцов, — художником-патриотом. Замечательно сказал об этом Валентин Распутин: «В каждом духовно развитом человеке повторяются и живут очертания его родины. Мы невольно несем в себе и древность Киева, и величие Новгорода, и боль Рязани, и святость Оптиной пустыни, бессмертие Ясной Поляны и Старой Руссы. В нас купиной неопалимой мерцают даты наших побед и потерь».

Клыков отлично осознавал свою русскость, увлекался нашим древним искусством, иконописью, архитектурой старых церквей. Традиции художественной школы прошлого сквозят в каждой его работе. Лица, которые он лепил, позы, «стойки» фигур, тот свет, который идет от фигур, — все типично русское, словно бы уже не раз виденное.

Вглядываясь в скульптурные портреты, которые делал Клыков, поражаешься их разнообразию. Не только широчайшему охвату всех слоев нашего общества — он лепил писателей, поэтов, композиторов, ученых, военных, священнослужителей, юных девушек и согбенных старцев, — но отличию манеры исполнения. Не говоря уже о материале, в котором выполнены портреты, о позах, характерах...

Для многих художников портрет — сложнейший жанр, не каждому он под силу и не всяк за него берется. Клыков, любя людей, пристально вглядывался в тех, кто ему интересен. Вспоминаются слова И.С.Тургенева: «Я всегда старался воспроизвести правдивую картину человеческой физиономии. Это единственное, что меня интересует и чье разнообразие неисчерпаемо».

Клыков делал с полной отдачей все, за что брался, долго изучал тему, доставал книги, фотографии, беседовал со знатоками. Вот и становилось настоящим произведением искусства все, чего коснулась рука Мастера. Кресты-памятники павшим воинам, надгробия, памятные доски, Златые врата для Свято-Данилова монастыря, памятники-часовни, скульптурные композиции, многофигурный четырехметровый крест для Валаама, художественное оформление Государственного детского музыкального театра, герб Москвы, украшающий здание мэрии на Тверской, — столь многообразно его творчество.

Но, конечно же, главное дело жизни Мастера — монументальные произведения. Его памятники — напоминание людям о выдающихся соотечественниках, национальных героях и славных событиях истории, завет беречь честь и гордость русского народа, наказ продолжать героические дела предков. И еще — это связь с грядущими поколениями, мостики, соединяющие нас с Богом.

Биографы Микеланджело Буонарроти отмечают, что он любил повторять слова своего учителя Бертольдо: «Скульптор должен оставить после себя полчище статуй». Пожалуй, в нашем случае, в применении к Вячеславу Михайловичу Клыкову, правомерно говорить не о полчище, а о рати. Святые, народные герои, святители, мученики, государственные деятели, полководцы, поэты, писатели, просветители — могучее, прекрасное войско.

Это памятники Сергию Радонежскому (в Радонеже Московской обл.), Серафиму Саровскому (в Сарове и Курской Коренной пустыни), святителю Николаю (в итальянском городе Бари), Св. равноапостольным Кириллу и Мефодию (в Москве и Самаре), Св. Георгию Победоносцу (Рязань), протопопу Аввакуму (с. Григорово), Николае Можайскому (г. Можайск Московской обл.), митрополиту Петербургскому и Ладожскому Иоанну, бюст влады-

ки Радзянко, памятник-часовня Св. Николаю Угоднику (г. Дзержинский Московской обл.), Памятный знак в честь 700-летия обретения иконы Божией Матери «Знамение» Курской Коренной пустыни, рельефы для Святых врат Свято-Данилова монастыря в Москве, рельефы для Монумента Победы на Прохоровском поле, для памятника Св. княгине Ольге в Пскове. Он работал также над моделями памятников первым русским святым Борису и Глебу, над памятником Петру и Февронии... Всего не перечислить.

Великие русские полководцы Александр Невский и Дмитрий Донской, Георгий Жуков и Константин Рокоссовский, воины-иноки Пересвет и Ослябя, царь-мученик Св. Николай Романов, прекрасные фигуры памятника «Героям фронта и тыла» (Пермь, 1984 г.), многочисленные персонажи рельефов на Монументе Победы (Прохоровское поле) — вот герои произведений В.М. Клыкова. Они не могут не вселить в людей гордость за свою Родину, уверенность в торжество правого дела.

В августе 2005 года на Преображенской площади в Москве был открыт памятник Сергею Бухвостову, которого историки назвали «первым российским солдатом». Юный Петр I, создав «потешные войска», превратил затем их в гвардейские полки — Семеновский и Преображенский, ставшие основой регулярного войска и прославившие военную мощь России. Так вот Сергей Бухвостов записался в них одним из первых.

Каким он был, наш первый гвардеец? Много документов в архивах и книг пришлось изучить Клыкову, чтобы создать правдивый образ воина XVII века.

В 2004 году в Ишиме был установлен памятник работы Вячеслава Михайловича — его героиня Прасковья Луполова совершила подвиг дочерней любви: пришла пешком из Сибири в Петербург просить царя Александра I о помиловании ее сосланного отца. Пораженный мужест-

вом девушки, император удовлетворил ее просьбу. На памятнике Прасковья Луполова стоит с посохом, прижимая к груди икону.

Скульптурные труды Клыкова — это настоящая проповедь в бронзе и камне, подвижническое служение Богу и России.

Его работы есть в Сербии, Черногории, Греции, на Украине (памятник-часовня Св. Николаю Угоднику в г. Зенькове Полтавской обл.), в Польше (Памятник детям — узникам концлагеря в г. Константинове); в Риме установлена памятная доска на могиле Св. Кирилла. Но, конечно, больше всего работ Клыкова установлено в российских городах и весях. И здесь первая и главная — Курская земля, родина Клыкова, которую он любил до самозабвения. Здесь установлены памятники Св. Благоверному князю Александру Невскому (на постаменте выбито: «Не в силе Бог, а в правде»), преподобному Серафиму Саровскому, великой певиче Надежде Плевицкой, скульптурная композиция «Обретение иконы «Знамение» перед Святыми вратами мужского монастыря Коренная пустынь, памятник К.К. Рокоссовскому, Крест-памятник, посвященный победе курских порубежников над Ногайской ордой в 1709 году (Черемисиновский район Курской области) и др.

Его «Георгий Победоносец» на гербе Москвы отличается от работ других скульпторов, когда святого изображают в доспехах на коне, как какого-то рыцаря, а пораженного им змея — разрубленным на куски. «Я полагал, — рассказывал Вячеслав Михайлович, — что на новом гербе Москвы должно быть самое выразительное, самое интересное из всех изображений в России; за образец я взял архангельскую иконографию св. Георгия. Здесь нет всадника, почти физиологически убивающего чудовище; явственна великая духовная идея: Св. Георгий побеждает чудище силой Духа Святаго. Не случайно на конце копья древние изографы всегда изображали крест».

Последними работами Мастера стали памятники Великому киевскому князю Святославу Храброму (в Запорожье и в Холкинском монастыре Белгородской области), на постаментах которых начертано: «Великому князю Святославу Храброму благодарные потомки»; памятник Св. Георгию Победоносцу в Рязани — он был открыт на 40-й день после ухода из жизни Вячеслава Михайловича. Эти работы стали его лебединой песней. А сколько замыслов осталось нереализованными!

Однажды кто-то спросил Клыкова: «Какой памятник вы любите больше всего?» Он ответил: «Все одинаково, как мать, которая из своих детей не может выделить особо никого».

Он с теплотой вспоминал открытие в 1991 году в Марфо-Мариинской обители в Москве памятника Святой великой княгине Елизавете Феодоровне, основательнице обители. Памятник освятил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Фигура Елизаветы Феодоровны, один из лучших клыковских женских образов, получила высокую оценку специалистов. К сожалению, памятник долго был закрыт для общественности, строгие вахтеры не пропускали людей к великолепному храму, в котором молились семья Государя-Императора Николая II и многие выдающиеся люди России. Там были расположены реставрационные мастерские, отгородив и храм, и расположенный возле него памятник Елизавете Феодоровне от воссозданной обители, сестры вынуждены были собираться на службы в комнате второго этажа своего корпуса. Не укладывается в голове: как люди, называющие себя реставраторами, художниками, значит — интеллигентами, могли совершать такое святотатство? Теперь для мастерских нашли другое помещение, прекрасный клыковский памятник будут видеть люди. Духовный заряд, который дает он, ценнее и сильнее многих призывов и заклинаний.

О страшных днях войны, о жертвах фашизма напоминает Памятник детям — узникам концлагеря в польском городе Константинове. Этот памятник Клыков делал с одной мыслью: ужасы войны, зверства фашизма не должны повториться. Героическое сопротивление оккупантам, Великую Победу воспевают Памятник героям фронта и тыла (Пермь).

Что привлекло Клыкова в образах выдающихся деятелей русской культуры? Мужество героя Отечественной войны 1812 года Батюшкова, страдания бесприютного Рубцова, любовь к родной земле Бунина, актерский талант Щепкина, одаренность Келдыша... Ну а Пушкин... с него, как считал Клыков, «у нас начинается все, он самое точное мерило по сей день». Эти памятники широко известны по репродукциям, снимкам в газетах, а знаменитый памятник Николаю Рубцову в Тотьме воспет многими поэтами, друзьями и почитателями Рубцова. На некоторых работах скульптора Клыкова остановимся подробнее, попытаемся рассказать о людях и событиях, в честь которых эти памятники сооружены, об обстоятельствах, сопровождавших открытие монументов.

Глава 8

МЕЧТА О СИНЕЙ ПТИЦЕ

Театр начинается с вешалки... Нет, пожалуй, Детский музыкальный театр имени Н.И. Сац, что расположен возле метро «Университет» (проспект Вернадского, 5), начинается значительно раньше — с красиво оформленной обширной площади перед зданием. Высоко над его кровлей — эмблема театра — Синяя птица. Ее силуэт четко проступает на фоне арфы, птица словно вылетает из ее золотых струн, а между широко распахнутыми крыльями вьются пять нотных линеек с записью мелодии.

И все это — и птица, выполненная из какого-то редкостного синего материала, и гордо поднятая ее голова, и красиво изогнутые крылья, и таинственная мелодия, записанная нотами, — создает впечатление мечты, сказки, именно музыкальной сказки, настраивает на встречу с волшебством, высоким искусством.

На площади есть и другие скульптуры, художественно оформленные фонтаны, барельефы на фронтоне здания. И все же взгляд прежде всего приковывает Синяя птица — вдохновенное создание Вячеслава Михайловича Клыкова. Он трудился над оформлением театра с 1978 по 1980 год, за эту работу был удостоен Государственной премии СССР.

Не знаю, видел ли Мастер советско-американский фильм «Синяя птица», вышедший на экраны как раз в 1978 году? Тогда газеты восторженно писали об этой лен-

те, созданной по сказке Мориса Метерлинка, отмечали игру блистательной Элизабет Тейлор в роли Матери, хвалили Джейн Фонда, Маргариту Терехову, Георгия Вицина. В этой сказке братик и сестричка Титиль и Митиль преодолевают разные препятствия в поисках Синей птицы, которая должна принести исцеление больной соседской девочке. В своих приключениях они, борясь с силами зла, несколько раз обретали заветных птиц, но, посаженные в клетку, птицы погибали. Мать объяснила детям, что Синяя птица — символ счастья и свободы, в неволе она не живет, поэтому они выпустили птицу из клетки. Дети повидали сказочные страны, прекрасные дворцы (путешествовали-то они в сновидениях!), но, попав наконец с обретенной Синей птицей к родителям, в свой скромный сельский домик, они поняли, что в мире всего милей, кто для них самый любимый, — милая матушка, родной очаг. Дружба, доброта, взаимопомощь, семейное тепло — вот об этих ценностях и говорит красивая сказка.

Конечно, Вячеслав Михайлович видел этот фильм, а может быть, и детский спектакль во МХАТе, где актеры пели «Идем за Синей птицей!». Несколько поколений соотечественников навсегда сохранили память об этой постановке знаменитого театра.

Так или иначе, но ясно одно: скульптор задумал эмблему театра в минуту творческого вдохновения. Как она украсила не только это здание, но и всю округу!..

Еще одна сказка, еще одна мечта — фонтан «Бегущая по волнам». Здесь уже скульптор перекликается с Александром Степановичем Грином, автором одноименного романа. Помните?..

Юноша Томас Гарвей отдыхал в маленьком городе Лиссе, занимался философией, особенно его интересовал вопрос, как мы бы сейчас сказали, материализации мечты.

Гарвей, однако, рассуждал красивее: «Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться несбывшееся. Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?»

Гарвей увидел «смеющееся лицо счастья». «Бегущая по волнам», — звучало в его душе еще до того, как он увидел яхту с этим названием. Конечно, он решил плыть на этом судне. Началась морская романтика, пираты, погони, приключения в открытом океане. Бегущая по волнам, которой писатель дал имя Фрези Грант, появилась в его шлюпке, когда капитан-пират выкинул Гарвея в океан. Девушка спасла его, но сама покинула шлюпку. «Фрези была на воде, невдалеке, с правой стороны, и ее медленно относило волной... Уже не совсем ясно видел я, как быстро и легко она бежит — совсем как девушка в темной огромной зале». При свете фонаря Гарвей видел «черные плавники акул и других рыб, которые повернули стремглав в ту сторону, куда скрылась Фрези Грант, бегущая по волнам».

Юноша благополучно достиг города Гель-Гью, где начинался шумный карнавал. Толпы ряженных стремились к центральной площади, на которой возвышалась высокая статуя. Рассказ о ней представляет для нас интерес, поэтому вчитаемся в текст поподробнее. «Это была мраморная фигура женщины с приподнятым лицом и протянутыми руками». В темноте ночи Гарвей прочел: «Бегущая по волнам». «Скульптор делал ее с любовью. Я видел это по безошибочному чувству художественной удачи. Все линии тела девушки были отчетливы и убедительны... Художник дал ей одежду незамеченной формы, подобно воз-

никающей в воображении, — без ощущения ткани; сделал ее складки прозрачными и пошевелил их. Они прильнули спереди, на ветру. Не было невозможных мраморных волн, но выражение стройной отталкивающейся ноги передавалось ощущением, чуждым тяжести... Ее лицо улыбалось. За ней грезился высоко поднятый бушприт огромного корабля, несущего над водой эту фигуру — прямо, вперед, рассекая город и ночь».

Не описание ли это «Бегущей по волнам», которую изобразил скульптор Клыков? Фигура фонтана: правда, вместо бушприта корабля у Мастера выпрыгивающий из струй воды дельфин — не хищное создание, а очень мирное, веселое. Так ведь понятнее для детей. Но самое интересное — история памятника Фрези Грант, как она описана Грином.

Статуя была привезена из Флоренции, поскольку ее создатель несколько лет учился мастерству в Италии, и посвящалась основанию города Гель-Гью. Началась жесткая борьба против ее установки, попытки ночью разбить «Бегущую по волнам». Накануне карнавала в статую произвели выстрел разрывной пулей, но она отбила только верхний угол подножия памятника. Стрелявший скрылся; и с этого часа несколько решительных людей установили охрану около памятника. Нападающая сторона пустила в ход деньги, печать и шантаж, но ей так и не удалось разбить статую.

Ну разве не клыковская это история? В его памятники так же стреляли (в «Кирилла и Мефодия» на Славянской площади в Москве, в «Пушкина» в Тирасполе), так же ночью подкрались, чтобы разбить его «Николая Второго» (к сожалению, дважды это удалось, и Клыкову пришлось восстанавливать разрушенное), так же добрые люди принялись охранять памятник, над которым он работал.

Вот так пересекается судьба скульптора и его детищ с историей, описанной Грином.

Еще один фонтан перед театром, выполненный Клыковым, он называется «Четыре музы». Как мы помним из античной мифологии, муз, предводительствуемых Аполлоном, было девять. Клыков выбрал четыре: Терпсихору (танец), Талию (театр), Эвтерпу (музыку) и Каллиопу (поэзию). Каждая из муз со своим, отличающим ее предметом, — фанфарой, веночком, театральной маской, бубном. Музы кружатся в танце: удачно найдено автором соединение фигур — вьющаяся лента, объединяя муз, опоясывает шар (землю) — искусство не знает границ, оно покоряет земной шар. Девичьи фигуры на фонтане динамичны, развеваются складки их одежд, красивы древнегреческие прически — музы плывут в струях блестящих вод, напоминая нам о родине всех искусств, великой маленькой Греции.

Фонтаны перед зданием театра — находка скульптора: в солнечный день над ними сияют радуги, струится вода, придает динамизм скульптурам, все лучится счастьем! Вода — символ очищения и тел, и душ...

Задержимся на минуту у скульптуры «Глашатай» — мальчик на коне трубит сбор: «Проходите в театр! Представление начинается!» Неподалеку «Порхающие бабочки» — изящная картина. Словно ожившая из сказки.

Полюбовавшись на рельефы фронтона здания, выполненные скульптором с использованием музыкальных и литературных сюжетов («Рождение музыки», Буратино с золотым ключиком, Мальчиш-Кибальчиш и других), оценив тщательность отделки всех фигур и фрагментов (Клыков — непревзойденный мастер рельефа!), идем к входу в театр посреди пестрой толпы зрителей, в которой преобладают дети всех возрастов, однако есть и родители, учителя, воспитатели. И вот мы в театре.

Архитекторы, возводившие здание, явно не сэкономили пространство: здесь обширное фойе, огромный холл. Нас встречает плакат: «Музыка объединяет множество маленьких сердец в одно большое сердце. Н.И. Сац». Замечательные слова великой женщины. Но хотелось бы добавить к изречению Наталии Ильиничны: не только музыка, но вообще искусство: живопись, зодчество, скульптура.

Потолок холла представляет собой переплетение стальных конструкций, в центральной части к ним крепятся стальными балками три крупные рамы из белого материала, в них скульптор разместил сквозные сюжеты, картины, изображающие Бояна, Леля, Орфея.

Дети, любующиеся картинами, спрашивают взрослых: а кто это? Приходится мамам и папам вспоминать славянскую и античную мифологию, «Слово о полку Игореве»...

Вот картина «Боян» — наша история, о нем впервые сказал гениальный автор «Слова о полку Игореве», тем самым прославив древнего певца, сказителя, гуслиря, глубоко сострадающего бедам своей родины, воспевающего ее героев. На картине Боян играет на гуслих и поет. Вокруг — шумит лес, кличет на ветке Див, бьет лебязьими крылами девица Обида. Здесь и войско русских воинов во главе с князем Игорем, и древние храмы, монастыри, и старинные письмена.

Лель в славянской мифологии — сын богини красоты Лады, такой же златовласый, как мать, и такой же красивый. Красота рождает любовь, поэтому и Лель, как древнегреческий Эрос или древнеримский Амур, поражал сердца людей — правда, не стрелами, он метал искры и возжигал ими жаркую любовь. В мифологии Лель описывается крылатым младенцем (отсюда слово лелеять — нежить, любить). Однако русские писатели, рассказывающие о Леле, никакими крыльями его не наделяют, он у них (например, в весенней сказке «Снегурочка» А.Н. Ос-

тровского) крестьянский паренек, хорошо играющий и поющий. Клыков изобразил Леля ближе к Островскому: он у него в русской рубашке и лапоточках, играет на свирели. А вокруг радуются чудным песням обитатели леса: белки, лиса, птицы. Лель и подстрижен по-русски, и лицо у него — счастливого юноши, благодарящего судьбу за природу, музыку, свою молодость.

Третий герой Клыкова — Орфей, прославленный фракийский певец и музыкант, сын бога Аполлона и музы Каллиопы. От родителей ему и творческий дар дан: он изобрел музыку и стихосложение. Песни его покоряли не только людей и богов, но и диких зверей. Он участвовал в походе аргонавтов, помогал им на их трудном пути своей игрой и пением. Вот только в истории с женой Эвридикой Орфей немного оплошал: он спустился в подземное царство Аид, чтобы спасти Эвридику, умершую от укуса змеи; своей музыкой укротил Кербера, покорила богинь мести Эриний, получил разрешение вернуть на землю супругу с условием не оборачиваться к ней до возвращения и не разговаривать с ней. Однако Орфей, радуясь, что снова будет вместе с Эвридикой, обернулся к ней и навсегда потерял любимую, исчезнувшую в Аиде.

У Клыкова нет, конечно, этой печальной истории, его Орфей весел и счастлив, он вдохновенно играет на лютне, а обрамляют картину ветви, листья и гроздья винограда ... Раз сказка — все должно быть подчинено ее законам.

Сегодня мы будем смотреть балет «Синья птица» (композитор М. Раухвергер, постановка И.Сац). Листаем буклетик с репертуаром театра, которому уже исполнилось 40 лет (труппа играет с 1966 года). В репертуаре: сказки «Двенадцать месяцев», «Чиполлино», «Царевна-лягушка» и другие, балеты, оперы, цикл абонементных встреч «Тайны музыки»...

Оглянемся вокруг: настроение у зрителей радостное, шутят, смеются, рассматривают выставки в холле и скульптуры — как они создают атмосферу праздника!

Вечером, когда мы уходили из театра, вновь залюбовались Синей птицей. Она, после прошедшего дождика, так ярко блестела в лучах направленного на нее прожектора... Дитя вдохновения великого мастера, символ прекрасной мечты, обретенного счастья.

Глава 9

«ШУМ ПОРЫВИСТЫХ БЕРЕЗ»

«Однажды, — рассказывал Вячеслав Михайлович, — у меня в мастерской раздался звонок. Открыл дверь — стоит группа знакомых литераторов. Я был занят, руки в глине, не мог долго отрываться от работы (глина-то сохнет быстро), поэтому только поздоровались, поговорили накоротке.

Обратил внимание на невысокого худощавого человека. Он был без шапки, в пальто нараспашку, на шее светлый шарф. Запомнилось его лицо — серьезное, доброе, милое, взгляд глубоких темных глаз внимательный, острый. У нас, художников, память на лица хорошая, достаточно одного взгляда, чтобы мнение о человеке сложилось. Вот я его и не мог забыть. Потом как-то спросил приятелей: с кем они тогда приходили? Услышав, что это был Рубцов, как же я жалел, что не задержал гостя...»

Очень чуткий к поэтическому слову, Вячеслав Михайлович знал и ценил творения разных поэтов. Однако, пожалуй, больше всего он выделял лирику Николая Михайловича Рубцова. Если сравнить творчество великого скульптора с кем-нибудь из представителей русской поэзии, то наиболее верной, мне кажется, будет параллель Клыков — Рубцов. Сколько у них точек пересечения, как перекликаются их произведения по настрою, художественному изображению, стилистике! Одна главная мысль, одна любовь и боль — Россия, Русь, русский народ.

О Рубцове написано уже так много, издано столько воспоминаний людей, которые с ним воспитывались в детском доме, учились в техникумах и институте, работали вместе, что повторять чьи-то мысли нет необходимости. И все же скажем о нем немного, подчеркнув то, в чем он перекликается с Вячеславом Михайловичем.

В 1959 году Рубцов писал другу: «Неужели всю жизнь придется делать то, что подскажет обстановка? Но ведь только дохлая рыба (так гласит народная мудрость) плывет по течению!» Так выразил поэт свои раздумья о собственной судьбе, о необходимости искать свой путь. Он нашел его, этот путь, и уверенно шел раз избранной дорогой «до конца, до смертного креста». Никому не угрожать, не поддаваться никаким давлениям, отстаивать свою самобытность, свою правду — вот его путь. Презрев житейские выгоды, он определил свое предназначение, пронес славу великой русской литературы, нашей классики, передал ее факел современным литераторам, связал полувековой обрыв христианского мироощущения, говорил от имени народа о его скорбях и чаяниях.

Тяжелая судьба досталась Николаю Рубцову. Сиротство, с шести лет, после смерти матери, детдом, с шестнадцати лет — работа кочегаром на тралфлоте, четыре года службы на эсминце в северных морях, работа на заводе, учеба в техникумах, вечерней школе, литературном институте. Он уже был известным поэтом, его печатали толстые журналы, доброжелательные критики называли вологодским соловьем, русским колоколом, а он мыкался без кола, без двора, без прописки, ночевал по углам у знакомых, спал на вокзалах, в редакциях газет на столах... Только в 32 года он получил постоянную прописку в Вологде, в 34 года — однокомнатную квартиру на пятом этаже в «хрущобе» на улице А. Яшина, а в 35 — его убили: задушила женщина, на которой он собирался жениться.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу...

Он предвидел свой конец, знал, что он близок.

За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, наступающий топот...

Через 20 лет его именем назовут улицу, а в 1985 году, через 14 лет после гибели — встал в Тотьме, на высоком берегу реки Сухоны первый памятник поэту — работы скульптора Клыкова. Сейчас памятников Рубцову уже четыре, нет только в Москве, где он учился, — ни бюста, ни памятной доски...

При жизни издатели не баловали поэта персональными сборниками: вышли только несколько небольших книжек, причем первая — «Волны и скалы» (1962) — машинописная, была «издана» автором всего в пяти экземплярах. Затем выходили и быстро раскупались сборники «Лирика», «Звезда полей», «Сосен шум» и «Зеленые цветы». Весь тираж — немного более 50 тысяч экземпляров.

Сейчас появляются все новые и новые издания Н. Рубцова, воспоминания о нем его друзей. Наш фонд, Международный Фонд славянской письменности и культуры, также внес свой вклад в благородное дело знакомства общества с творчеством Рубцова. Начиная с 1990 года, мы ежегодно проводим вечера памяти поэта, неоднократно на них выступал наш президент В.М. Клыков. Он же задумал издать серию «25 x 25», куда должны были войти произведения 25 авторов современной русской литературы (по 25 авторских листов на каждого). Поэтический раздел мы планировали открыть как можно более полным изданием стихов Рубцова. К сожалению, по финансовым причинам

(шли 90-е годы) пришлось этот проект отложить «до лучших времен». А вот другую нашу задумку мы осуществить смогли — в честь 70-летия Николая Михайловича мы провели всероссийский литературный конкурс «Душа хранит», председателем жюри которого стал Вячеслав Михайлович. К великому сожалению, эта акция стала последней в его общественной деятельности.

Расскажем немного о конкурсе.

Целью его было: 1. Отметить 70-летний юбилей великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова; 2. Определить, как современные поэты и прозаики, профессионалы и любители, хранят память о Н.М. Рубцове, следуют его заветам, развивают его традиции; 3. Выявить новые таланты. Всякий раз, когда я, ответственный секретарь конкурса, открывала конверт с пометкой «На конкурс Рубцова», у меня замирало сердце: «А вдруг?..» Вдруг я держу в руках произведение нового гения, продолжателя линии Рубцова, и наш конкурс должен дать ему «путевку в жизнь»?

Конкурс подтвердил, что не оскудела Земля Русская талантами, что тема Родины, высокая духовность нашей литературы, мотивы боли за сегодняшний день России и вера в ее светлое будущее — все эти великие идеи проходят красной нитью в творчестве современных литераторов, что они любят Рубцова, считают его своим единомышленником и другом.

На конкурс поступило почти 300 работ. Среди авторов — члены Союза писателей России, секретари СП, лауреаты различных конкурсов и фестивалей. Есть и начинающие, 15—17-летние учащиеся, а также впервые взявшие за перо ветераны 70—90 лет («Один из них написал: «Посылаю вам свою небольшую рифмовку»...»). Профессии — наверно, все, какие существуют: военнотружущие, библиотекари, почтальоны, продавцы, охранники. Не-

сколько священнослужителей, насельников монастырей... Активно участвовали ветераны Великой Отечественной войны и вооруженных конфликтов. Прислали материалы люди, с которыми Рубцов учился, дружил, руководители музеев Н.М. Рубцова, например, Муза Вячеславовна Береснева из Никольского, руководитель клуба-музея «Земляки».

Часто авторы рассказывают о себе, о том, как «пришли к Рубцову», подробно описывают свои биографии, благодарят устроителей конкурса за возможность принять в нем участие. Так, Галина Михайловна Воробьева из Тверской области, поселок Сонково, пишет: «Счастлива работать над такой темой!». Иногда в подготовке конкурсных материалов участвовали целыми семьями: братья и сестры, отцы и дети — например, сестры из Сургута Анна и Катя Бырины, 21 года и 15 лет. Рубцов объединил людей, и это очень важная его миссия.

По географии. Материалы на конкурс поступили из России (почти из всех краев, областей и автономных республик), Украины, Белоруссии, Литвы, Казахстана, Германии. Темы работ: Россия, ее история и современность, наши «болячки»: развал Союза как незаживающая рана, упадок деревни, бомжи, нищие, пьянство, черствость «новых русских». И все же главное — вера в народ, его здоровую душу, духовную высоту, обращения к Богу, воспоминания о боевых действиях, героях-товарищах. В стихах и эссе, посвященных Н.М. Рубцову, авторы скорбят о безвременной утрате, обращаются к поэту, как к другу. Разрабатываются рубцовские темы: журавли, сосен шум, зеленые цветы, осенняя грусть, его любимые символы — четыре стихии — ветер, вода, огонь (свет), земля; используются стихотворные размеры Рубцова. Есть посвящения В. Клыкову, С. Есенину, И. Талькову, Ю. Кузнецову, В. Кожинovu, В. Крупину. Геннадий Николаевич Волуйс-

ков из Московской области прислал большое стихотворение с посвящением памяти Коли Рубцова, внука поэта, недавно зверски убитого. Светлая ему память!

В ряде работ описывается памятник Н.М. Рубцову и выражается благодарность за него В.М. Клыкову. Тут хотелось бы вспомнить мою предыдущую книгу — «Незакатная наша звезда» (М., 1998, изд-во «Русский вестник»). В ней я также приводила собранные из разных периодических изданий стихи, посвященные Рубцову, и среди них — строки о памятнике поэту в Тотьме на Вологодчине. О нем написали, например, Александр Колесов (Нижний Новгород), Станислав Куняев (Москва), Владимир Федоров (Москва). Вот стихотворение В. Федорова:

ПОЭТ И ВАЯТЕЛЬ

Слава Клыков ваяет Рубцова —
Скорбный дар вологодской земле,
Чтоб звучало заветное слово,
Чтоб лицо засветилось во мгле.

Слава Клыков ваяет Рубцова,
Чтоб огонь снова вспыхнул в золе.
Сберегая наследство отцово,
Есть Рубцовы на Русской земле!

Сейчас готовится к изданию сборник «Душа хранит», составленный из стихов, присланных на конкурс, посвященный 70-летию Н. Рубцова. Назвал его так Вячеслав Михайлович: ему очень нравилась эта рубцовская строка. Сборник должен был выйти еще при жизни В.М. Клыкова, но так получилось, что мы, к великому сожалению, посвящаем это издание его памяти. Пусть душа хранит светлые воспоминания о великих людях — Клыкове и Рубцо-

ве. Конечно же, в сборнике будут опубликованы стихи о памятнике в Тотье.

...Я всегда представляю Вячеслава Михайловича, когда читаю или слышу «Деревенские ночи» Рубцова. Это раннее стихотворение Николая Михайловича (1953 г.) так замечательно передает любование погожим летним вечером в деревне, радость скачки на горячем коне по ромашковым лугам, так понимаешь автора, который признается: «все люблю без памяти в деревенском стане я...» Очень похоже на Клыкова: он тоже любил коней, сельские работы, «крики перепелок, ранних звезд мерцание»...

Рубцов чувствовал безысходную боль за уходящую нашу деревню, писал о почерневших избушках селения Никольское, что некогда это был «уголок необъятной, прежде зажиточной и удалой Вологодской Руси» (письмо Г.Я. Горбовскому). Но он любил строгую северную природу, нечастые погожие дни, и, не имея другого очага, тянулся к Николе. «Удивительно хорошо в деревне! — писал он А.Я. Яшину. — В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь настроение. Наоборот, она мне особенно нравится. Я слушаю ее, как могучую печальную музыку... Конечно, не любая сельская местность может быть по душе».

Таким же был и Клыков. Каждый, кто знал Вячеслава Михайловича, сразу же подмечал в нем это качество — великую любовь к Родине, к деревне. Он не уставал любоваться сельскими пейзажами, мог рассказывать о каждом уголке своих родных мест: вот валуны время от времени выталкивает земля, вот роцца, где такая чистая почва, что можно ходить босиком... Однажды, когда мы в проливной дождь ехали на машине в Курск на конференцию, он сказал, глядя на небо: «Завтра с утра будет солнце!» Мы удивились: «Откуда вы знаете?» «Да я могу предсказывать погоду, причем с точностью до одного часа; правда, толь-

Друзья Рубцова вспоминают, что поэт говорил: «Жизнь! Это не то. У меня здесь Бог. Бог порой врачует душу. Но я заменил, так ведь не напечатают. Пусть будет — жизнь».

Он слышал звуки, «которых не слышит никто», слышал «детское пенье в багряном лесу», «чудное пение детского хора».

И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое.

В абсолютно безбожной среде он, не боясь осуждений и кривотолков, пошел дорогой Православия, дорогой своего предназначения, расслышал позвавший его Голос. Ведь мог же он примкнуть к эстрадной поэзии, начать так же ерничать и кривляться! Ведь бросал же ему Евтушенко упрек в «русопятстве», ведь... Многое презрел Рубцов, чтобы отстоять свое предназначение. И как тут не вспомнить Вячеслава Клыкова, который — первым и единственным! — создавая памятники русским святым и героям, так же подвергался нападкам и наветам.

Обращение Рубцова ввысь, к горным высотам, любованию «звездными люстрами», «звездными салютами», либо тихой звездой полей, которая «горит, не угасая» — не есть ли это путь к Вифлеемской звезде?

Поэт пишет о «державном Московском Кремле» с его таинственными звонами (тогда еще службы в Кремлевских соборах не шли), о Ферапонтове с изумительными фресками в храме, о древнем рукотворном чуде — храме Софии в Вологде.

Виднее над полем
при звездном салюте,

на чем поднималась
Великая Русь.

В родных местах взгляд поэта останавливается прежде всего на старинных сооружениях: «И только церковь под грозой / Молчала набожно и свято...»; «Как сон столетий, Божий храм», о кладбище в деревне Предтеча: «Таким все было смертным и святым, / Что до конца не будет мне покоя», «Каждому на Руси / Памятник — добрый крест!»

Вячеслав Михайлович Клыков, человек глубоко православный, проповедник веры среди своего окружения, хорошо знающий Святое Писание и религиозные традиции — мог ли он остаться равнодушным к творчеству своего ровесника и единомышленника? Мог ли не думать о памятнике ему?

Предварительные эскизы, пробные макеты, беседы с близкими друзьями Рубцова — все это длилось не один год. Место сначала было намечено — Вологда, но после долгих согласований с городскими властями пришлось первоначальные планы изменить: мастеру сказали, что в городе уже имеется один его памятник — многофигурная скульптурная композиция

— «Батюшков»; хватит, мол, на одного ваятеля, как бы знаменит и талантлив он ни был. (Вот бы ответили так Церетели, глядишь, и Москва была бы другой...). Мастеру предложили найти другое место для памятника.

Клыков выбрал Тотьму — здесь с августа 1950-го по лето 1952 года Николай Рубцов учился в Лесном техникуме. Потом, правда, забрал документы, уехал в Архангельск, где был зачислен угольщиком на тральщик РТ-20 «Архангельск»; проработав год в тресте «Севрыба», поэт поступил в горно-химический техникум, но тоже его не

закончил («Я везде попихаюсь!»), — говорил он). Однако в Тотмю Рубцов приезжал не раз и позднее, город он любил, посвятил ему немало поэтических строк.

Город вытянут вдоль неширокой реки Сухоны, с парохода далеко видны старинные церкви... Лесотехникум был расположен в бывшем Спасо-Суморинском монастыре, Рубцов писал о развалинах церковей. Места эти — в прошлом заповедная Русь, здесь творил чудеса святой Андрей Тотемский, ходивший круглый год босой. Он многим принес исцеление от недугов. По легенде, прослышал о деяниях слепого чудотворца татарский хан Ажбакей, страдавший глазами. Умылся старейшина водой, натаявшей в следе от ноги святого, и исцелился.

Жадно слушал Коля Рубцов легенды древней Тотмьи. Здесь была его родина: в Тотемском уезде Вологодской губернии, близ старинного села Спасское — родовая деревня Рубцовых Самылково, а в 50 верстах по прямой от нее — Никольское, где он воспитывался в детдоме и учился в школе.

Рубцов любил приходить в Тотмю на высокий берег, садился на деревянную скамью, смотрел на пристань, на желтый плес, на далекие леса.

Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотмю и леса.
...Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

(«Подорожники»)

Много серой воды, много серого неба,
И немного пологой родимой земли.

(«На реке Сухоне»)

Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

(«В минуты музыки»)

Тотьма — городок деревянный, дома здесь с резными наличниками и карнизами, с деревянными заборами и воротами, за которыми лают собаки и кудахчут куры. Все, кто вырос в таких маленьких городках, согласится: запах мокрой древесины напоминает дом, где прошло детство. А дожди тут часты! («Ветер всхлипывал, словно дитя...»).

Молодость брала свое, и Рубцов влюбился. Девушку звали Татьяна, она училась в педагогическом техникуме. Потом Татьяна Решетова напишет воспоминания, как они познакомились на танцах, как Коля хорошо танцевал. Началось обычное — встречи, поцелуи, проводы, ревность, поездка вместе в село Космово Вологодской губернии, где жила Таня до учебы в Тотьме, размолвка, отъезд девушки по распределению в Азербайджан, неожиданное появление в ее вагоне Рубцова...

Поэт описал их взаимоотношения в прекрасном стихотворении «Тот город зеленый». В нем он дает картину Тотьмы, грустит по несбывшейся любви. Это светлая грусть, кончается стихотворение так:

Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил.

Он приезжал еще раз к ней в деревню Космово, но не застал: Татьяна с мужем были в Ленинграде. Так и закон-

чился этот роман. А Тотьма еще не раз будет мелькать в стихах Рубцова: «Пусть Тотьма, тревоги не зная, /Хранит свою ласку и честь...»

Говоря о поэзии, Рубцов сравнивал труд литератора с работой скульптора:

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Вот и сошлись два творчества: поэта и ваятеля. Памятник Рубцову в Тотьме — бескорыстный дар Вячеслава Михайловича, знак его уважения и любви к Рубцову.

Потом друзья поэта скажут: «Как он угадал любимую позу Николая — сидеть нога на ногу, переплетя пальцы на колене?» И портретное сходство, и добрый, любящий взгляд в даль, спокойная, умиротворенная поза — все удалось скульптору. Ворчали, правда, некоторые критики: слишком он у Клыкова оптимистичен и одет с иголки. Но что же, мы хотим любоваться потрепанным рубищем? При всей своей бедности, Рубцов всегда был опрятен (морская ведь косточка!). А что касается оптимизма, то у поэта хватает и жизнерадостных строк, например, таких:

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!

В стихах его много пророчеств, одно из них: «Мне поставят памятник на селе!» Сейчас к подножью памятника великому поэту несут цветы и стар, и млад, тропинка к нему не зарастает. А как же иначе. Он же сам про нас сказал:

За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Глава 10

ЭТО ЖЕ МЫ, ГОСПОДИ!

Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то и людям сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая.

Из «Жития» протопопа Аввакума

Образ «огнепального» протопопа, «неистового» Аввакума (1621—1682) — один из самых трагичных и притягательных в русской истории. Его титанической личностью и гениальными литературными трудами восхищались Пушкин, Тургенев, Лев Толстой, Достоевский. Не нашлось пока Шекспира, чтобы описать его нечеловеческие страдания и духовную победу, его стойкость и страсть в отстаивании веры, «родной святой старины», непримиримость к недругам и любовь к «союзникам», единомышленникам.

Аввакум... Его «Житие» и другие труды, его страстные речи в защиту веры и русской нации — бесценный клад для каждого. Одна разгромная речь Аввакума в судебной палате, где он в присутствии иностранных иерархов обрушился на тех, кто посмел назвать русских дураками, — один этот поступок чего стоит...

Аввакум отстаивал свою родную речь. «Чтуции и слышащие, — писал он, — не позазрите просторечию

нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить Я не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русского». И вместе с тем его «просторечие» вошло в литературу как эталон, пример художественности.

Заживо сожженный за непокорность церковным нововведениям, Аввакум Петров, или, как он сам себя называл, Петрович, стал великим образцом мужества русского человека.

Начиналась его жизнь счастливо. Сын священника, Аввакум принял сан, женился по любви, имел двух сыновей. Его прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Московском Кремле. Начитанность, ум, великолепное ораторское мастерство молодого священника, его облик — высокий, сильный, громогласный — ничем Бог не обидел — снискали ему благосклонность царской четы — Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Романовых, которые любили талантливых людей. Они (особенно государыня) не раз выручали Аввакума из смертельно опасных ситуаций. Был он поначалу любимцем и патриарха Никона, тоже нижегородца, земляка протопопа.

И все было бы в его жизни благополучно, жил бы он в «земной славе», если бы не «Память» — записка, присланная патриархом Никоном в Казанскую церковь на Красной площади в 1653 году накануне Великого поста. Никон, стремившийся в интересах внешней политики Руси сблизить отечественные церковные обряды с греческим православным канонам, в своей «Памяти» написал: «Не подобает во церкви метания (т.е. земные поклоны) творити по колену, но в пояс вам бы творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились».

Мощно и решительно выступили старообрядцы против новых установлений. Раскол, народные волнения грозили перерасти в религиозную войну. Встревоженные

царь и патриарх с неимоверной жестокостью подавляли непокорных. Им вырезали языки, отрубали руки и пальцы, гноили заживо в земляных ямах, сжигали на кострах. Во главе раскола сразу же встал Аввакум. Называя патриарха Никона еретиком, он обвинял его в церковном расколе, за который «Три пагубы будет Руси: мор, меч и разделение». Сам же он, говорил Аввакум, будет до конца стоять против «чужебесия», за «чистоту и непорочность» России. Постепенно объединяя разрозненные силы староверов, он создал мощное движение, грозившее перерасти в крестьянскую войну.

Само ветхозаветное имя его как бы говорило о непокорности: Аввакум означает в переводе «отец восстания», «сильный борец». Какие только муки и пытки может вынести человек во имя идеи! Аввакум был расстрижен, предан анафеме, отлучен от церкви. Его не сломила десятилетняя ссылка в Сибирь, где у него и его жены Анастасии Марковны умерли два сына. В Пафнутьеве-Боровском монастыре его держали на цепи в темнице, одно время там были заложены окна и двери. В темнице томились и протопопица с двумя старшими сыновьями Иваном и Прокопием. В Сибири Аввакума избивали «чеканом и кнутъем», чуть было не посадили на кол и чуть было не утопили. «И ребра ломали, и на морок голодом морили». Жизнь его проходила «в смертях многих».

Когда его с семьей везли в ссылку в Даурию и позже — на дальний Север, в заполярный Пустозерск, он пользовался любой возможностью обратиться к народу. Так, в 1664 году по дороге в Пустозерск, в Усть-Цильме на Печоре он встал на телеге, взметнул из-за стрелецкого частокола вверх руку с двуперстием, «крестом верным», и крикнул: «Этого держитесь, не отступайтесь!» В городах и селах, через которые его провозили, он произносил речи в церквях и на торгах. Проповеди его становились

все увереннее, ярче, он говорил простым народным языком, не стеснялся и крутых слов, приводил примеры из своей многострадальной жизни. Его слушали, ему верили, передавали услышанное из уст в уста.

Он начал «Житие» в 1669 году в Пустозерске до введения там тюремных строгостей. Однако известны еще три редакции произведения, относящиеся к 1672 и 1675 годам, следовательно, работал над своими мемуарами протопоп в самых жесточайших условиях.

«Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудую рекой, в селе Григорове», — это из начала «Жития». Здесь, на высоком берегу реки, в родном селе Аввакума и поставил Вячеслав Клыков в 1988 году памятник неистовому протопопу. Высота памятника 3 мета, материал — бронза. Фигура хорошо просматривается отовсюду, как бы притягивая ветры. Складки одежды героя, его вдохновенное лицо, передающее сосредоточенность внутренней жизни — все подчеркивает драматичность образа. Аввакум — самая трагичная клыковская работа. Изможденный, истерзанный, но не сломленный духом, он благословляет высоко поднятой в двуперстии рукой своих соотечественников и весь народ русский. «Персты рук твоих тонкокостные, а очи твои молниеносны. Кидаешься на врагов, аки лев...» — так Аввакум писал о своем сподвижнике, но эти слова применимы и к нему.

...За время работы ответственным секретарем Международного фонда славянской письменности и культуры я накопила, как это обычно бывает, целую папку вырезок, фотографий, черновиков, записей выступлений. Недавно, перебирая папку, я нашла несколько листков, исписанных размашистым клыковским почерком. Это оказался черновик его выступления на открытии памятника протопопу Аввакуму.

Кто хоть раз слышал речи Вячеслава Михайловича — на митингах ли, соборах, во время различных дискуссий, — не могут отказать ему в ораторском искусстве. Он говорил всегда увлеченно, очень адресно, наполненно, афористично. Может быть, поэтому и его интервью получались интересными: только знай записывай. Известны, знамениты такие его речи, как, например, на открытии Звонницы в Прохоровке в 1995 году или доклад на учредительном съезде Славянского экономического союза в Свято-Даниловом монастыре в 1993 году. Многие положения этих выступлений стали потом широко известными, часто цитировались. Сейчас же вы, дорогой читатель, познакомьтесь с речью совершенно не известной¹ и нигде не опубликованной. Приведу записки Клыкова с документальной точностью.

«Дорогие соотечественники!

Нижегородская земля подарила России двух великих сынов — гражданина Минина и князя Пожарского, объединителей и спасителей ее. Нижегородская земля явила России две грандиозные по масштабу личности — Аввакума Петрова и Патриарха всея Руси Никона. Весь XVII век на общественно-политической сцене в России главные герои — нижегородцы. Это они дали нам два великих урока: урок единения и, увы, урок раскола. Амплитуда этих уроков столь велика, что последующая история России, ее философская и религиозная мысль развивались в рамках этих двух полюсов.

Раскол — вечное предостережение для России, единение — вечный пример для подражания. От первого мы так и не освободились, второго мы так и не достигли. «Начнете менять — век менять будете», — пророчески предостерег протопоп Аввакум. Не послушали, не прислушались. Пришли прямой дорогой раскола к кровавому 1917 году.

«И выпросил у Бога светлую Россию сатана и очервленил ее кровью мучеников».

Когда это сказано, в XVII ли веке? Не о нашем ли XX веке сказаны эти слова? Не о многих и многих миллионах русских людей, погибших в нашем веке на полях Отечества и в зарубежных землях?

Братья, когда я смотрю в тот далекий век на противостояние протопоп Аввакум — патриарх Никон, я вижу характер и природу одного человека — русского человека.

Это же мы, Господи!

Раскол в XVII веке повредил наши души, раскол 1917 года помрачил и ослепил наше национальное зрение. Мы, как осатанелые, крушили и резали друг друга, и эту осатанелость сохранили до наших дней.

Враги России запасли для нас множество ярлыков — им несть числа, и, дождавшись удобного момента, бросили их в народ, только что начавший прозревать. И опять пошла предреволюционная свистопляска: правые, левые, интернационалисты, националисты, коммунисты, либералы — всех не перечислить. Не успели мы собраться с мыслями, а у всех на лбу уже ярлыки. Делается это для того, чтобы мы забыли, что у нас одна мать — Россия, а мы все ее кровные дети.

Братья! С презрением отбросим от себя эти мерзкие ярлыки, не дадим стравливать нас друг с другом! Мученическая смерть Аввакума взывает к этому. Его жизнь, его подвиг вдохновляют нас на нашем пути.

Самое дорогое у нас — это Россия. Мы все ее сторожевые, каждый на своем посту. «Не в силе Бог, а в Правде», — сказано так потому, что на силу найдется еще большая сила, как это не раз случалось в истории.

Опаляющие слова Аввакумовой Правды дошли до нас через века, сжигая в нас ложь, трусость и лицемерие, будя нашу затоптанную совесть и человеческое достоинство.

И как необходимо нам в раздираемом и разоряемом Отечестве по-христиански братское, любовное обращение Аввакума, отлитое в бронзе: «Свете мой, молитесь Бога о мне, а я грешный благословляю вас».

Низкий поклон тебе, отче Аввакум, за эти смиренные слова. Ты, бронзовый, благословляешь нас, а мы, грешные твои потомки, будем молиться о тебе».

В селе Григорове в день открытия памятника протопопу Аввакуму собрались сотни людей: местные жители и приезжие, в основном старообрядцы. Были паломники из Ставропольского края, Прибалтики, с Дальнего Востока, из Воронежской области, других краев. Как они восприняли речь Вячеслава Михайловича! Как благодарили скульптора!

Мы все — сторожевые России, каждый на своем посту.

Протопоп Аввакум и по сей день необыкновенно популярен в народе. Живут легенды, песни о нем, мне доводилось слышать устные сказания о его страданиях, его нестигаемой воле. В тех местах, которые связаны с пребыванием протопопы, вам непременно покажут церкви, где он проповедовал, темницы, где держали в заточении его близких, соратников и его самого. В некоторых из этих мест я недавно побывала.

Старинный город в Ивановской губернии Юрьев-Повольский. Он основан в 1225 году великим князем Юрием Всеволодовичем, сыном Всеволода Большое Гнездо, внуком Юрия Долгорукого. Великий князь назвал город «во свое имя», а вернее в честь своего небесного покровителя. А приставка «Повольский» дана была Юрьевцу, чтобы не повадно было путать его с другими так же названными городами, и означала: «по Волге». Сразу скажу, что богатая история Юрьевца давно влекла меня в эти места, но то, что довелось увидеть... расстроило до глубины души.

Разрушенные или разрушающиеся дома, выбитые стекла бывших фабрик и заводов, чахлый рыночек на площади, пьяные, валяющиеся на улицах, почти полное отсутствие молодежи и детей — город умирает. У берега бросается в глаза дамба, ограждающая нижние кварталы от затопления: в начале 50-х годов прошлого века было осуществлено заполнение Горьковского водохранилища, которое затопило треть города, под водой оказались некоторые монастыри и церкви.

Некогда средневековый посад Юрьевца окружали монастыри, входившие в систему обороны города наряду с крепостями и гарнизонами в слободах: Ломпова пустынь на севере, Тихвинский монастырь на юге, Богоявленский на западе, а на востоке — Кривозерский монастырь, где Исаак Левитан писал свои картины «Вечерний звон» и «Тихая обитель». Сейчас на месте затопленного Кривозерского монастыря над водой виден высокий деревянный крест. Его показывают приезжим как место, где «служил протопоп Аввакум».

Юрьевец — город для России достопамятный, здесь родился Ермак Тимофеевич, жил и творил чудеса блаженный Симон (вторая половина XVI века), который, согласно легенде, переходил Волгу «яко по суху» и указал место для строительства Кривозерской пустыни. Праху блаженного можно поклониться в Богоявленском монастыре, у его могилы и сейчас совершаются чудеса.

Местная интеллигенция кое-как борется с гибелью культуры. Здесь работает музей архитекторов братьев Весниных, земляков юрьевчан, музеи историко-художественный и кинорежиссера Андрея Тарковского, который родился недалеко от Юрьевца, жил тут в годы войны и потом воссоздал картины детства в своих фильмах.

Раньше Юрьевец был городом ремесленников, бурлаков и купцов; «гости» разъезжали по Волге «куплетворения ради».

Вот в этот-то город и велел ехать Государь Алексей Михайлович 32-летнему священнику Аввакуму Петрову протопопом. Сан был для него большой честью: самым большим, до чего мог дослужиться «белый поп», т.е. женатый; город входил в патриаршую область, следовательно, батюшка наделялся многими правами — он отвечал за порядок и вообще осуществлял власть наравне с воеводой.

Аввакума поразила волжская местность: с одной стороны полноводная красавица река, с другой — высокие зеленые холмы. Но вот что было не по сердцу протопопу, сразу восстановило его против юрьевчан, так это отсутствие у населения святости, богобоязненности, распущенность нравов. Позже, уже во время своей последней ссылки в Пустозерск, начав писать свое знаменитое «Житие», Аввакум подробно опишет нравы и быт горожан, чего не сделает ни для Мезени, ни для Тобольска: видимо, первый этап «хождения по мукам», впечатления молодости остались для него самой яркой страницей. Воспоминания о Юрьевце протопопа стали для нас ценным источником сведений о жизни русских провинциальных городков XVII века.

Как так, недоумевал Аввакум в Юрьевце, почему есть тут жители, не посещающие церкви, по воскресным дням занимающиеся хозяйственными делами, топящие бани, где моются совместно мужчины и женщины? Почему некоторые пары живут невенчанными? Почему пьют, потом дерутся «с бесстрашием»? Почему проходимцы в рясах побираются якобы на нужды церкви, а сами эти деньги пропивают? Почему парни безобразничают (безобразие, как судил Аввакум, означает без образа и подобия Божия, это мрак, дорога в никуда). Почему не изгоняются из города скоморохи, почему можно услышать, как расппеваются непотребные песни?

Житъя не стало юрьевчанам. Протопоп ходил по домам, стыдил, поучал, налоги ввел за проступки, в том числе и «подвенечный» — с незаконно сожительствающих пар, таскал блудливых попов за бороды... Поучал: «Еже хочеши прохладиться, изыди на преддверие храмины твоея и виждь: небо, солнце, луну, звезды, облака ове высоты, смотри прохладжайся, прославляй творца их Христа Бога. Еще хочеши прохладиться, обойди кругом храмины твоея, такоже и двор твой и поновляй ветхое, укрепи что разсыпая, прах и гной загребай в место, се к плодоносию вещь угодна будет, а еще хочеши прохладиться, изыди на поле, сядь и зри сюду, как умножает плоды своея пшеница, такожда ячмень, рожь, и траве зеленеющуюся... прохладжайся и прославляй Господа Бога, иже тебя ради вся сия сотворшаго».

На восьмую неделю жители взбунтовались. Никто не хотел так «прохладаться», все привыкли отдыхать весело, жить вольно. Избили протопопа батогами до полусмерти, всего в толпе было, как он потом вспоминал, до полутора тысяч человек.

А Аввакум хотел вывести заблудшую паству на верную дорогу, мечтал о всеобщей святости, равенстве всех перед Богом. Избитый и оборванный добрался он до Москвы, но и там его не поняли ни царь, ни высшее духовенство: «Пошто бросил службу, пошто город оставил?» Вердикт был суров: сослать в Сибирь, на реку Лену. Начались гонения на Аввакума, неприятие его как снизу, так и сверху.

В Сибири, в Тобольске протопоп так же принялся смирять вольницу, не зная меры в своем рвении: «унимал от блуди», обличал с паперти неблагочестивых прихожан — также нажил себе врагов; но вера в идею, в справедливость была для него дороже жизни.

Раскол — страшное слово: русский против русского. Мне приходилось бывать в церквях старообрядцев, где богослужение отличается от нашего, в их домах; особенно запомнилось посещение приверженцев древнехристианской религии в Прибалтике (Латвии и Литве); мне показывали богослужебные книги, утварь и одежду, иконы, вывезенные предками нынешних старообрядцев из России во время гонений на раскольников. Сердце щемит от мысли, что разговариваешь с «отколовшейся частью» твоего народа. Со временем, конечно, острота проблемы смягчается; будем верить, что она разрешится окончательно.

В наши дни мы стали свидетелями отрадного явления: воссоединения Московского Патриархата и Русской православной зарубежной церкви (РПЦЗ). Этот процесс начался в 2003 году. Созданные за это время комиссии провели множество встреч, решив важные спорные вопросы, в том числе о восстановлении евхаристического общения, то есть возможности членам одной церкви молиться и причащаться в храмах другой. Недавно достигнута договоренность об объединении «разлученных» церквей.

Вот порадовался бы Вячеслав Михайлович этим событиям! Он, как никто, ратовал за единение Православной церкви.

Это же мы, Господи!

Глава 11

ПОБЕДИШИ ВРАГИ ТВОЯ!

Время общественных бедствий есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергей!

А.Н. Муравьев

Смешно читать в старых книгах: «Среди заповедных Радонежских топей, непроходимых лесных дебрей, далече от людей основал Преподобный Сергей свою обитель». Сейчас и Троице-Сергиева лавра, и близкий к ней Радонеж — рукой подать, какой-нибудь час от Москвы на электричке или машине. И нет такого человека, прибывающего в столицу, кто не хотел бы посетить лавру — кто экскурсантом, туристом, кто любителем старины, знатком-историком, кто — смиренным паломником, жаждущим прикоснуться к величайшей русской православной святыне — мощам Преподобного Сергия Радонежского, любимого нашего святого, заступника Руси, рассадника иночества, поборника Отчизны, святого Угодника и Чудотворца, вечного Игумена лавры, светлого нашего Старца. На поклонение Преподобному Сергию шли из Первопрестольной многотысячные Крестные ходы — с иконами, хоругвями, песнопениями. Дважды в год совершали такие пешие паломничества со всеми своими чадами и домочадцами цари и императоры, в том числе и Государь Император Николай II со своей семьей. Далекой казалась

паломникам дорога по подмосковным кручам, и строили они для отдыха путевые дворцы — в Тайнинском и других попутных селах.

«Если бы возможно было, — писал сто лет назад историк В.О.Ключевский, — воспроизвести писанием все, что соединялось с памятью преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет (со дня его кончины) было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды».

Сейчас в лавру мы уже не ходим пешком, а ездим — в электричках, машинах, автобусах. Здесь, в этом дивном, живописном краю, сердце Московского княжества, Московского государства и России, появился еще один центр притяжения и поклонения — памятник Сергию Радонежскому, шедевр Вячеслава Клыкова.

— Я давно люблю Радонеж особой любовью, преклоняюсь перед преподобным Сергием, — сказал однажды скульптор.

Древний Радонеж... В мелодичном сочетании этих звуков слышится нежный звон струн старинных гуслей, поющих о славных делах наших предков. При взгляде на Радонеж, холмы, покрытые вековыми лесами, на речку Пажу, неслышно петляющую меж этих холмов, на церковь Преображения, радостную и торжественную, как солнечное воскресение, сердце переполняется неизъяснимой

любовью ко всему сущему, всему, что было на этой земле, что есть и что будет. А с высокого древнего городища в стыке двух окомов синих лесов, вдруг под разноцветной лукой радуги вспыхивает светлая красота церкви Воздвижения, и растревоженная душа рвется одарить эту сказочную красоту одним вздохом: Радонеж... Да, Радонеж, другое придумать бессильна душа. Вот что означает это слово: радость, радуга, нега, нежность, дождь, жатва — все бытие заключено в нем. И как великолепная дорогая оправа этому драгоценному камню — слово «Древний».

«Только в этом поле узнаешь травинку, примятую стопами Преподобного Сергия Радонежского, только здесь, в уже обмелевших водах реки Пажи увидишь отражение припавшего испить ее чистой струи гениального Андрея Рублева, а на коре радонежских деревьев узнаешь борозды-морщины у переносья Епифания Премудрого. Святые имена эти являют все вместе и каждое в отдельности живое воплощение в истории России изначального завета христианства — единства и гармонии всего сущего в мире — Святой Троицы», — говорил Вячеслав Михайлович.

Вот уже две тысячи лет, со времени первых христиан, поклоняются люди Святой Троице. Сколько притч и сказаний говорят о непостижимости этой глубочайшей из тайн (вспомним хотя бы блаженного Августина) и сколько совершалось и совершается попыток проникнуть в нее. Не счесть светлых умов, силившихся объяснить явление. Толкование Святой Троицы оставил Святой Кирилл (Константин Философ) и многие другие любомудры. Примечательно объяснение Максима Грека: «Якоже глаголем дискос, свет, луча — едино солнце трисия, а не три солнца, сице и таинство Святыя Троицы: аще бо глаголем Бог Отец, Бог Сын и Слово Его, Бог Всесвятый Дух, но не три Бози».

Древнерусская поэзия называла князей трисветлыми, обращаясь таким образом к христианскому завету: Бог

Отец — дискос (диск), Бог Сын — свет и Бог Дух Святой (Слово) — луча (луч), как мать, ласкающий живительным теплом Землю.

Исследователь Г.С.Белякова в своей замечательной книге «Славянская мифология» приводит примеры образов Троицы в русском фольклоре. Вот одно из песнопений, записанное в начале XX века: «Прилетела птица, золотой сокол; садится птица в кипарис-дерево. Крылышки у сокола бриллиантовые, с алмазными камнями драгоценными, перышки унизаны крупным жемчугом, в сердце Соловушко — сударь Дух Святой». Здесь триада Древо — Сокол — Соловушко соответствует образу Диск — Свет — Луч, поскольку кипарис в русских сказках всегда «утвержден корнями в бел-горюч камень», соотносимый с белым светом, солнцем.

Троице-Сергиева лавра привлекает к себе художников, скульпторов, архитекторов, которые любят ее незабываемыми соборами — памятниками русского зодчества шести столетий, рисуют, фотографируют все, что связано с памятью Преподобного, Иоанна Грозного, Бориса Годунова, Петра Великого, русских патриархов, наших знаменитых полководцев и деятелей искусств — все приходили сюда, к Сергию, в его Дом, его Обитель, чтобы помолиться, испросить мысленно совета, очиститься перед решающим шагом, ответственным поступком в любой области: будь то на поле брани, за письменным столом или за мольбертом. Всем помогал Преподобный, как помогает и сейчас, и не счесть исцелений и чудес, которые он дарует людям.

Вход в лавру под надвратной башней расписан сценами из жития Преподобного: вот он уединяется в глуши вместе с братом, чтобы слать небу свои пламенные молитвы за всех без различия людей — за князей и нищих, русских и нерусских. Вот он делится пищей с дикими зверя-

ми, приручает их. Вот собравшаяся возле него братия просит его стать их наставником, и он прозревает, как много у них будет последователей, видя огромную стаю птиц, слетающих к обители. Вот он отказывается возложить на себя святительский крест митрополита, оставаясь с братией среди построенного их руками монастыря, где игумену сослужит Дух Святой. Вот принимает он посольство от Вселенского Патриарха и грамоту с благословением основать общинное житие. Вот в засушливый год припадает он к безводному оврагу, и, на радость погибавшей от жажды братии, по каменистому руслу бьет святой Сергиев источник, почитаемый по сию пору. Вот... Но нет, об этом мы нужно рассказать несколько подробнее.

Бьет колокол на главной — Троицкой церкви обители. Заслушав вестовой набат, стекается на площадь братия. Монастырские воротники поднимают кованые врата, и на обительскую площадь вступает отряд конных воинов. Они в блестящих латах, кольчужных рубахах. Впереди на вороном коне гарцует светлоокий, ладный князь Дмитрий Иоаннович Московский, будущий Дмитрий Донской. Впереди у них битва не на жизнь, а на смерть с непобедимыми доселе ордами хана Мамай.

Спешившись, воины просят благословения у Преподобного. После молебна и скромной трапезы в монастырской гриднице князь подходит к игумену для напутственного слова.

— Победиши враги твоя! — слышит он вещие слова. Окропив ратников и князя святой водой, Сергей выделяет им для битвы двух иноков — Пересвета и Ослябю, надев им на головы вместо шлемов схимы с Животворящим Крестом.

Не посрамили монахи-воины чести своего наставника, они храбро бились с татарами, а Пересвет пал в поединке с Челубеем: перед Куликовской битвой схватились

два богатыря и пали оба. Но русское войско победило! Сбылось пророчество Сергия Радонежского.

Преподобный с братией горячо молился Богу в своей обители, прося даровать князю победу. Он как бы тоже мысленно участвовал в битве: в разгар ее, когда для нашего войска наступило тяжелое время, послал к великому князю инок Нектария с благословением, грамотой и просфорой. В момент победы Сергей возвестил о ней братии.

Некоторые священнослужители еще при его жизни, да и в наше время, упрекали и упрекают Сергия в том, что несовместимо служение Богу с таким «святотатством», как благословение князя Дмитрия Донского на кровопролитную битву с Мамаем. Да он и своих монахов — Пересвета и Ослябю — послал на бой с врагом! Дерзнули, мол, броню на себя возложить и принять оружие в руки — а как же Божеская заповедь «Не убий»?

Вот как объяснял это «противоречие» Вячеслав Михайлович Клыков:

— Преподобный Сергей воспринимал Святую Троицу как живое и вечное начало, неразрывное с его духовной сутью. И потому естественно его отношение к нашествию Золотой орды, которое он считал чем-то чуждым, противным законам бытия, а стало быть, и учению христианства о Святой Троице, ибо оно несовместимо с любой агрессией, любым закабалением одного народа другим. Вот что давало Преподобному Сергею Радонежскому право в сознании своем вершить справедливое, богоугодное дело.

При всех напастях, которые обрушивались на Русь, лавра, основанная великим Сергием, всегда оставалась островком свободы. Ни разу нога завоевателя не коснулась священной земли обители. Словно отгребал от нее Преподобный шквалы жизненных бурь. Нашествие Крымского хана, выжегшего посады Москвы, не коснулось лав-

ры. В 1612 году под стены ее подошли войска под водительством гетмана Сапеги и пана Лисовского. Взять лавру значило не только разграбить богатейший монастырь, но и прервать сообщение между северными и восточными областями Руси. 16 месяцев длилась осада, стойко держались иноки, отвлекая на себя большое войско. И лишь отряды князя Михаила Шуйского, разгромив литовцев, освободили обитель. Отсюда, от стен лавры, ушло, приняв благословение и помолившись Преподобному, ополчение Минина и Пожарского.

В 1770 году, когда в столице и ее окрестностях свирепствовала холера, многие горожане нашли спасение за монастырской оградой; тогда в лавре не умер ни один беженец. Чудо случилось и в 1812 году, когда французы, занявшие Москву, направили на разграбление лавры большой отряд. Иноки обнесли на праздник Покрова Богородицы Крестным ходом вокруг обители иконы — и французские погромщики повернули назад с полдороги, получив приказ вернуться.

Здесь, в лавре, Преподобному и его келейнику Михею явилась Божия Матерь — в сиянии солнечных лучей, с посохом, в сопровождении апостолов Петра и Иоанна. Сергей, в то время хворавший и скорбевший об обители, которая осиротеет после его кончины, услышал вещие слова: «Я пришла к тебе, услышана твоя молитва. Не скорби об обители твоей. Отныне будет она иметь изобилие во всем и после твоей кончины. Я неотступно буду покрывать ее».

У всех нас с детства в памяти рассказы о Сергии Радонежском и его обители, иконы с изображением святого, картины известных художников, вдохновлявшихся его светлым образом: М.В. Нестерова, А.Н. Новоскольцева, К.П. Брюллова и многих других. Особенно популярен триптих Нестерова «Труды преподобного Сергия» и

«Видение отроку Варфоломею» (другое название картины — «Явление Ангела отроку Варфоломею»). Поля, луга на Радонежских холмах, вдали сельский храм, крестьянские избы. В центре картины — мальчик лет семи, подстриженный под горшок, в косоворотке и лаптях, ненужный уже кнут волочится по земле. Это Варфоломей, будущий преподобный Сергей. Несчастье у мальчика: не нашел он коней, за которыми был послан. Зато увидел чудесного незнакомца — старца в монашеском одеянии, который горячо молился на опушке. Долго ждал Варфоломей окончания молитвы, не сводил глаз со старца. А не может ли монах и за него помолиться, за несмышленного, не способного одолеть Священного Писания Варфушку? Молитвенно сложив руки, мальчик просит старца послать ему разумение в грамоте. Забыты и пропавшие кони, и надобность домой бежать. Надежда в глазах мальчика. Из широких складок ризы монах достает маленький ларец, протягивает отроку. Тот поднимает крышку и видит на дне кусочек просфоры, подносит ее к губам.

Так осенила Сергия Радонежского благодать Святого Духа. Необыкновенно легко преодолев трудности грамоты в детстве, он прошел свой жизненный путь честно и праведно, поражая окружающих высокой образованностью и мудростью.

Образ Сергия Радонежского был всегда, с раннего детства, близок Вячеславу Клыккову. Но лишь пятидесятилетним он нашел в себе силы воплотить в камне любимого святого. Отправной точкой для него стал отрок Варфоломей. Бог Сын, несущий икону, — образ Бога Отца, осененный старцем — Святым Духом, — вот мысль скульптора. Три ипостаси сливаются в единое Божество — раскрывают смысл Троицы. Памятник был открыт в 1989 году в Радонеже Московской области. Высота его 3,5 м, материал — камень. Установлен он перед храмом на откры-

том месте, холм под основание насыпан Клыковым и его помощниками. Фактура камня, шероховато обработанного, углубленное в себя, устремленное в горние выси лицо пресвитера, русские черты мальчика — все это трогает душу чрезвычайно.

Ну хорошо, спросит читатель, так понимают мысль автора памятника верующие люди, но ведь к Сергию идут и неверующие; что они находят для себя в этом образе, какие сокровенные заветы?

Порыв к Богу, взлет человеческого духа, глубочайшая философия, мысль о том, что человек нуждается в защите, поддержке, духовном наставничестве, — разве этого мало?..

Впервые я увидела этот памятник в Радонеже уже после его официального открытия. Было безлюдно, по осеннему небу катились серые облачка, прекрасный окружающий пейзаж притягивал взор, его не портили даже покосившиеся избы поодаль. И гордый храм, который так и не смогли осквернить в 39-м году, надолго потом заколоченный, и на фронте призывные бессмертные слова: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы».

И вдруг среди безмолвия и запустения этот памятник — взлет духовности, каменное чудо воскресения! Хотелось на колени упасть, поклониться творению человеческих рук, человеческого сердца, которое выразило и тебя тоже, твое личное, сокровенное...

Если вы, читатель, поедете в Радонеж, возьмите с собой сына или дочь — пусть испытают они здесь чистое и святое чувство. Не для этого ли создавал Мастер свой шедевр?

Мастер сделал памятник — и какой! Что остается? Конечно, установить его на родине Преподобного Сергия, в Радонеже.

О если бы все у нас думали так! История с установкой Сергия настолько значительна в памяти современников, что это по праву можно назвать одним из переломных этапов в развитии нашего самосознания.

Весть о том, что Вячеслав Клыков будет открывать в Радонеже памятник Преподобному Сергию, молниеносно разнеслась в кругах интеллигенции. Каждый хотел поехать. Во что бы то ни стало присутствовать при таком важном историческом событии. Быть свидетелем и соучастником. Прикоснуться к святому имени. Все ожидали, что власти тоже примут участие в торжествах открытия.

Но не тут-то было. Началась травля Клыкова и его детища. Радио, телевидение, газеты — все было брошено на то, чтобы очернить творца, «прославляющего религиозного деятеля». Бодрые молодчики-агитпроповцы поносили Клыкова, как хотели. Открытие было велено перенести. По дороге в Радонеж, на Ярославском шоссе, памятник был арестован. На месте прибывшие из Москвы и других городов увидели стройную милицейскую цепь. По близлежащим кустам прятались молодчики в штатском с собаками.

Что же все-таки спасло памятник? Не что, а кто. Народ. Интеллигенция. Москвичи, иногородцы, крестьяне окрестных сел. Более трех тысяч участников церемонии открытия и освящения собрались в тот день в Радонеже. И власти не могли их разогнать, не смогли испортить праздник. Открытие и освящение памятника шло на самом высоком — народном уровне.

Люди поклонились заступнику Руси, вдохновителю победы над Мамаем. Поклонились великой истории Отечества.

Глава 12

«С НАМИ БОГ! РАЗУМЕЙТЕ ВСЕ ЯЗЫЦЫ...»

Крепче и сильнее почувствует себя Русская народность, сознавая свое духовное единство со Славянским миром.

И.С. Аксаков

Еще в глубокой древности европейское искусство в качестве символа славянства изображало золотой шар, олицетворяющий солнечный свет. Уже в те времена мы, оказывается, воспринимались окружающим миром как солнцелюбивые, открытые «миру и городу» люди. Культура наша, душа славянская и сейчас продолжают оставаться чуткими ко всем мировым веяниям и бедам, ко всему общечеловеческому. Славянские народы связаны не только удивительной похожестью национальных характеров и языков, но также сопредельностью территорий, общностью исторических судеб. Сейчас, «разбежавшись» по отдельным квартирам, распавшись «в надежде на князи», не слишком ли мы стали подчеркивать свои различия, свои национальные особенности?

Некогда все славяне воспринимались как один народ. Видимо, различия между языками и укладами жизни были у наших предков не столь существенны, как ныне. Либо ими можно было благоразумно пренебречь. Теперь эти различия — религиозные, политические, диалектные — дают о себе знать гораздо сильнее. И все же у нас осталось главное — и общие границы, и общая историческая

память, и общность культур, и «загадочная славянская душа». Да и духовный наш союз не отменишь никакими указами, мы всегда будем находиться в едином культурном пространстве, атрибут которого — притяжение единого языкового союза, общего языка — русского. Все взаимные счеты и обиды, все споры «славян между собой», по словам А.С. Пушкина, мы выражали и будем выражать на русском языке. Общность культуры — такая «узда», которая и впредь будет «держат» славянство, являясь единственной «великодержавной» скрепой. И праздник у нас есть свой, особый, уникальный — День славянской письменности и культуры, День Кирилла и Мефодия,

Наверное, нет в истории культуры других таких гениальных деятелей, которые бы привлекали к себе такое пристальное внимание и сведения о которых были бы столь противоречивы. Братья Кирилл и Мефодий, канонизированные Православной Церковью как святые и равноапостольные, — славянские просветители, проповедники христианства. Они первыми ввели богослужение на славянском языке, составили славянскую азбуку (863 г.) и перевели священные книги, без которых не могла совершаться служба, — Евангелие, Апостол, Псалтирь и другие.

За великий апостольский подвиг Кирилла и Мефодия чтят люди всех конфессий, всех рас и культур. Их имена в раздираемом смутой славянском мире являются объединяющим началом, единственно надежным связующим звеном.

В то же время именно Кирилл и Мефодий, как никто другой, окружены сумятицей мнений и разногласий сведений. Разные, даже церковные источники дают такое разночтение: Кирилл и Мефодий были детьми болгарского воеводы (греческого вельможи), Мефодий закончил свое высокое земное служение в возрасте, близком к шестидесяти (в 75 лет), монастырь, принявший Мефодия, на-

ходилась в Малой Азии (на горе Олимп, значит, в Северной Греции) и т.д. Порой источники более честно сомневаются: Мефодий, находясь на военной службе, правил одним из подчиненных Византийской империи славянских народов, возможно болгарским. И мать Кирилла и Мефодия различные исследователи называют «возможно, славянкой (болгаркой?)». Конечно же, дело не только в древности эпохи, когда жили братья. Притягательность и значимость их личностей заставляют различные народы невольно считать их «своими», спорить за родство с братьями.

Между тем все, кто был на севере Греции, в районе Салоник и в самом городе, не могли не заметить, как много там славян, как родственно звучат названия некоторых деревень, рек, гор, как часто даже улицы обозначены на двух языках: греческом и македонском. Не случайно, что Кирилл и Мефодий, как и пятеро их братьев (Мефодий был старшим из детей, Константин, в монашестве Кирилл, — младшим), родившиеся в знатной и богатой христианской семье в городе Салоники (Солуни), с детства хорошо говорили по-славянски.

Одно время жизненные пути Кирилла и Мефодия разошлись: Мефодий пошел на военную службу, стал правителем княжества, но через десять лет оставил княжение и постригся в монахи на Олимпе. Константин, будучи необыкновенно способным ребенком, получил блестящее образование в Константинополе. Он обучался совместно с наследником престола Михаилом, а одним из его учителей был Фотий, будущий патриарх. За глубокие знания в различных науках и языках Константин еще в детстве был прозван Философом. Перед ним также открывалась прекрасная жизненная дорога: приняв сан иерея, он был назначен хранителем патриаршей библиотеки при соборе Святой Софии — величайшем православном храме того времени, христианской святыне. Однако и младший

брат вдруг резко меняет жизнь: может быть, под влиянием старшего, как знать? Удаляется в монастырь на Босфоре, затем, когда его разыскали посланцы императора, возвращается в Царьград, участвует в громких и трудных богословских диспутах, одерживает в них блестящие победы, за что противники пытаются его отравить. Но, слава богу, Константин Философ возвращается невредимым и... удаляется к брату на Олимп. Поддерживая друг друга, братья углубляют свои теоретические, богословские знания.

Император Византии Михаил поручает братьям трудную миссию: проповедовать Евангелие у хазар. Преодолев на судне Черное море, братья делают остановку в Крыму (Херсонесе, или Корсуни, как говорили раньше). Здесь они обретают мощи Святого Климента и после завершения со славой хазарской миссии возвращаются в Константинополь.

Затем началась их просветительская деятельность среди славян — главное предназначение братьев. По приглашению моравского князя Ростислава они направляются проповедовать Слово Божие на родном для славян языке. Но тут оказывается, что у моравлян нет своей азбуки. Константин недоумевает: «Кто может написать Евангельскую беседу на воде и хочет заслужить себе прозвище еретика?» Император ободряет его, ссылаясь на Бога: «Господь отворяет всем стучащим, дает всем просящим, поможет и тебе, если захочешь».

Константин решает сам составить славянскую азбуку. Пройдя пост и укрепившись, он с помощью Мефодия и нескольких учеников строит ее на основе византийского устава: 25 греческих букв он дополняет 18-ю новыми буквами для передачи звуков, отсутствующих в греческом, но имеющихся в славянском. Всего его азбука, таким образом, состоит из 43 букв. В целом она дошла до наших дней, правда, графика у нас не раз менялась — устав в

XIV веке сменился полууставом, затем Петр I ввел гражданский шрифт. После революции были упразднены некоторые буквы. Всего азбука, изобретенная Кириллом, потеряла 12 букв, но обрела две новые: «й» и «е». А сам Кирилл по заслугам получил великий памятник — его азбука названа славянами «кириллицей».

В 863 году братья закончили перевод Священного Писания, многих других трудов, которые широко разошлись, прежде всего по славянским странам. Вся жизнь братьев была беззаветным трудом во имя просвещения славян. Гонения, которым они подвергались со стороны ярых противников славянства, преследования, аресты, тюрьмы — все это вполне подтверждает пророчество Константина: «Заслужить себе прозвище еретика».

Предчувствуя скорое отшествие, Константин принял схиму с именем Кирилл. В 869 году он был похоронен в Риме в соборе Святого Климента, где покоятся его мощи, от них же совершаются чудеса. Здесь, в базилике Санта-Климента, в 1992 году установлен благодарственный рельеф с изображением Святых Кирилла и Мефодия работы скульптора Клыкова. Вячеслав Михайлович написал на рельефе: «От русского народа».

Перед кончиной в 869 году Кирилл обратился к своему любимому брату Мефодию, и это обращение воспринимается как завет всем нам, ныне живущим:

«Тако исповедую я свою веру, с Мефодием, присным братом моим и поспешником в Божией службе. В сей вере состоит спасение и упование, и сию передаем мы ученикам своим, да тако веруя спасутся; в страшный же день судный паки передадут нам оную веру — истинну, неизменну, совершенну, ставши одесную страну пред Иисусом Христом Господом, истинным Богом нашим».

Святой Мефодий хотел похоронить брата на родине, но по решению папы мощи его остались в Риме. А по-

сле кончины Мефодия было совершено отпевание на трех языках: славянском, греческом и латинском; погребен святой в соборной церкви Велеграда, столицы Великой Моравии.

«Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостолы и богомудрыи учителя».

Каждый год мы празднуем День славянской письменности и культуры, День Кирилла и Мефодия.

Начинается праздник утром 24 мая, когда церковно воспоминаются «иже во святых равноапостольные Мефодий и Кирилл, учителя Словенские». Так было всегда, так всегда и будет. А затем широкой волной праздник идет по стране. Школы, институты, библиотеки, музеи, театры — все в этот день отдают дань уважения и признательности нашим духовным отцам Кириллу и Мефодию.

Что может сделать маленькая группа писателей? Оказывается, очень многое: зажечь народ высокой идеей, возродить праздник. Вековая российская традиция проведения народных торжеств в честь Кирилла и Мефодия была насильственно пресечена после революции. 70 лет День славянской письменности и культуры не проводился. И вот в 1986 году в заполярном Мурманске несколько русских литераторов-патриотов решили вернуть праздник. Эти люди достойны самой большой благодарности: Виталий Маслов, Виктор Тимофеев, Валентин Распутин, Василий Белов, Дмитрий Балашов, Семен Шуртаков. Был организован оргкомитет, который затем преобразовался в Международный фонд славянской письменности и культуры, потом много лет возглавляемый В.М.Клыковым.

Идея праздника получила широкий отклик по всей стране, многие города стали бороться за право быть его столицей. Труд и место проведения Славянских дней взяли на себя Вологда (1987), Новгород Великий (1988), Киев (1989), Минск (1990), Смоленск (1991). В 1992 году празд-

ник принимала Москва.... В 2006 году столица перешагнула за Урал, в Ханты-Мансийск, в 2007 году ею стала подмосковная Коломна.

История возобновленного праздника писалась на наших глазах. Его устроители всегда стремились к тому, чтобы он не превратился в чиновничье мероприятие, казенное театрализованное представление раз в году, а стал подлинно народным торжеством, в основе которого — обращение к нашей письменности и культуре, то есть основам бытия и славян, и всех наций, населяющих Россию. Именно поэтому праздник и вошел в нашу действительность как органическая составная часть. Возможно, со временем нам не нужно будет выбирать его столицу — он станет таким же привычным, как Новый год, Рождество Христово, Святая Пасха.

Разумеется, государство не могло оставаться в стороне, подключилось к проведению торжеств. 30 января 1991 года было принято постановление президиума Верховного Совета РСФСР об объявлении 24 мая Праздником славянской письменности и культуры. Пока что это рабочий день, но уже несколько лет ставится вопрос об объявлении его «красным днем» календаря.

Главная идея праздника — единство. Культурное. Духовное. Общеславянское. Славяне, переживающие не лучшие времена своей истории, демонстрируют стремление к единению. «Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, нерозмежованною останеться от моря и до моря славянска земля», — писал Тарас Григорьевич Шевченко, и эти его слова никогда не утратят актуальности.

24 мая — духовный праздник, а не сугубо религиозный. Мы ставим на первое место культуру, науку, духовные достижения славянских народов. Звучит великое русское слово. Мы говорим о значении просвещения, о благородных идеалах возрождения славянства, о заве-

те Кирилла и Мефодия хранить в чистоте православную веру, ибо, если ослабеет она, ослабеет и мы и станем легкой добычей других народов. Мы обращаемся к культуре, той основе, которая поможет нам возродить и государственность, и экономику, и образование.

Кирилл и Мефодий всегда воспринимали славянство как единое целое, великое и, благодаря своей духовности, прогрессивное. Создав славянскую письменность, то есть азбуку и литературный язык, они перевели на него книги Священного Писания, обратив свои труды ко всем славянам. Идею Всеславянства поддержали лучшие умы — философы, писатели, просветители славянских народов. В мае 1867 года в Москве состоялся Славянский съезд, на котором прозвучали идеи равноправия народов-братьев, необходимости их объединения, были выдвинуты предложения о проведении праздников Всеславянства. На съезде с вдохновенными словами к собравшимся обратился Федор Иванович Тютчев:

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славящины концов.
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!..
Хотя враждебную судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны.

...И вот московский Праздник славянской письменности и культуры 1992 года. У многих он еще в памяти, этот майский светлый день. Но, уверена, мы еще не отдали должное тому, что принес он в нашу жизнь, не осознали до конца. Одно ясно: он вошел в историю как пример единения самых разных людей — всех конфессий, нацио-

нальностей и возрастов, единения во имя святой славянской идеи.

А в историю нашего Международного фонда славянской письменности и культуры Праздник вошел как необыкновенный взлет мысли, инициативы, энергии, вдохновения нашего президента. На Вячеслава Михайловича легла основная тяжесть организации широкомасштабного, столичного Праздника. И это при том, что он напряженно работал над величественным памятником Кириллу и Мефодию. Сам сваривал каркас, изменял композицию, много времени уделял благоустройству территории. Небольшой скверик с унылой доской почета надо было превратить в достойную великолепного памятника площадку, оформить ее, продумать фонари и т.д.

Очень много усилий потратили мы (я в то время работала у него ответственным секретарем) на то, чтобы составить и разослать необходимые бумаги, добиться разрешения на Крестный ход, проведение многих акций, финансирование, переименование площади Ногина в Славянскую, объявление дня 24 мая государственным праздником. Бумаги на выделение денег были подписаны за неделю до Праздника, но мы работали как одержимые в надежде, что все это когда-нибудь состоится. Впервые пришлось видеть, как очень многие организации, учреждения, союзы, движения и комитеты поддерживали нас, помогали, чем могли. Думаю, авторитет Клыкова сыграл тогда решающую роль.

Мы провели Конгресс славянских культур, на который съехались представители почти всех славянских стран; открытие и закрытие Конгресса проходило в Колонном зале Дома союзов. Направили миссию Фонда в Иерусалим, где от Благодатного огня у Гроба Господня была зажжена Негасимая лампада; наши товарищи пронесли лампаду через все славянские страны, и 24 мая мы встречали мис-

сию в Москве. Устроили Праздник славянской молодежи на Воробьевых горах (его открывал Святейший Патриарх Алексей), День славянской поэзии, гала-концерт в Кремлевском Дворце съездов и многое-многое другое.

Особо хотелось бы выделить такое важнейшее мероприятие, как I Международный конгресс славянских культур. Огромное его значение состоит в том, что при рассмотрении славянской проблемы с самых различных точек зрения — от экономики до возрождения духовности — участники форума пришли к единодушному заключению о необходимости в наше время единения славян на основе сопредельности территорий, общности культуры, языка, исторической памяти. На Конгрессе подчеркивалось, что процесс расслоения, распада славян не фатальное явление, а четко спланированная акция в геополитических интересах США, Германии, Турции и других стран «мирового сообщества». Новый порядок, навязанный нам диктатором идеологии «золотого тельца», не может быть принят славянским миром как основное условие выживания славян на нынешнем этапе истории.

На Конгрессе были выработаны очень нужные резолюции. Их осуществление, несомненно, сыграло объединяющую роль для славянских стран и народов. Во исполнение резолюций I Конгресса славянских культур была создана Международная молодежная организация «Витязи», основан земельный банк «Русский чернозем», открыт (согласно распоряжению Президента Российской Федерации) Международный славянский культурный центр со штаб-квартирой в Москве, набирает силу Международная славянская академия культуры, науки и искусства. Была подготовлена учредительная конференция Славянского экономического союза. Создано Славянское информационное агентство «Славинформ».

Конечно, апофеозом праздника стало открытие на Славянской площади памятника Кириллу и Мефодию. В постаменте монумента скульптор предусмотрел место, где была помещена Неугасимая лампада. На открытии и освящении памятника выступали Патриарх, мэр Москвы Ю.М.Лужков, другие руководители страны и города. В честь организаторов праздника было сказано много теплых слов, а Святейший назвал освящение памятника «переломным моментом в истории славянства».

В своем слове на открытии монумента Клыков сказал: «Пусть прозвучат в этот день слова нашей братской благодарности Святым Кириллу и Мефодию: «Величаем вас, Святые равноапостольные Мефодие и Кирилле, вся словенские страны учеными своими просветившие, ко Христу приведшие». Пусть же отныне и все мы, исповедующие православную веру в животворящую силу Слова Божия, не забудем вовеки и то, что Славянство и Православие — слова однокоренные».

Праздник шел своим чередом. Был фейерверк, запускали в голубое небо воздушные шары с именами спонсоров, была общая трапеза в гостинице «Россия», где жили и питались наши гости (только 70 человек представителей наших региональных отделений!). Среди общего веселья мы как-то не обратили внимания на такую «мелочь»: во время митинга по случаю открытия памятника вдруг отключился микрофон и выступающие вынуждены были свои речи почти кричать, чтобы быть услышанными огромной толпой народа, собравшегося на площади. Да, внимания на это мы тогда не обратили, вспомнили потом, когда Клыкову позвонили в мастерскую и огорошили известием: «Стреляли в Неугасимую лампаду, повредили постамент!»

Да, есть еще у нас враги. Но друзей-то неизмеримо больше!

Бронзовые Кирилл и Мефодий стоят в центре Москвы в свободных одеждах, с непокрытыми головами. Они поддерживают высокий крест, держат в руках Священное Писание и свиток с родными славянскими буквами. Эта часть Москвы, Славянская площадь с памятником, давно стала любимой народом, здесь собираются по праздникам и будням, у этой скромной надписи на постаменте: «Святым равноапостольным первоучителям словенским — благодарная Россия».

Мы чтим заветы Кирилла и Мефодия: «С нами Бог! Разумейте все языцы», «Мир вам!», их призыв к добрым делам, без которых нельзя жить, надеяться на будущее. Отдавая честь жизненному подвигу святых братьев, их пророческому предвидению, мы стремимся продолжать замечательные традиции русской культуры, гуманные и благородные.

После 1992 года, освящения памятника солунским братьям на Славянской площади в Москве, стало доброй традицией открывать памятники или памятные доски Кириллу и Мефодию в каждом городе, который объявляется столицей праздника Славянской письменности и культуры. Так, в Самаре был открыт монумент работы Вячеслава Михайловича, ставший украшением старинного города на Волге. В 2007 году столицей объявлена подмосковная Коломна, здесь также будет освящен памятник Святым учителям словенским. Но над ним работает уже другой скульптор.

Глава 13

ЗА СЛАВЯН, ЗА РОССИЮ, ЗА ВЕРУ

Одно из самых светлых имен героической истории русского народа — князь Дмитрий Иванович Донской, спаситель и защитник Отечества, канонизированный Русской православной церковью. В 1380 году по пути на Куликово поле полки Дмитрия Донского, пройдя маршем из Кремля по Варварке и Солянке, «у Котлов» близ Москвы-реки разделились по направлениям на Коломну и Каширу.

На этом историческом месте близ нынешней Котельнической набережной, в створе улиц Ульяновской и Интернациональной, долгое время находился ничем не примечательный сквер. Так бы и оставался он безымянным и неприметным, если бы не пришли сюда люди, подвижники идеи восстановления исторической правды, воспитания новых поколений на славных примерах отечественного прошлого. В связи с 800-летием преставления преподобного Сергия Радонежского здесь был установлен закладной камень с большим каменным крестом и словами: «На сем месте будет воздвигнут памятник святому благоверному князю Дмитрию Донскому, защитнику Земли Русской. В лето 1992, сентября 5-го».

Внук Ивана Калиты, великий князь Димитрий (1350—1389) — выдающийся государственный деятель России, прославленный полководец. После смерти своего отца Иоанна II Иоанновича Кроткого, а потом и матери, он, девятилетний, остался старшим в семье, ответственным за бра-

та Иоанна и двоюродного брата Владимира. Великим князем Димитрий был провозглашен в 1363 году. Всю жизнь он боролся за объединение русских земель, вел войны с Тверью, Литвой, Рязанью, заставляя противника признать себя «младшим братом».

Димитрий начал строительство каменных стен Кремля, заменивших сгоревшие деревянные и укрепивших оборону столицы Московского княжества. Бросив клич встать под знамена великого князя в борьбе против ненавистного татаро-монгольского ига, Димитрий начал собирать войско. Из всех русских городов в Москву шли дружины во главе с князьями и боярами. Вскоре у Димитрия было 150-тысячное войско. Собрав силы удельных князей, Димитрий подготовился к решающему сражению с войском «стоглавой» Орды. Битва произошла 8 сентября 1380 года на обширном, в десять верст шириной Куликовом поле и закончилась полным разгромом татарских войск, за что получила в народе название Мамаева побоища.

Перед битвой великий князь посетил обитель Преподобного Сергия Радонежского, о благочестии, родолюбии и прозорливости которого шла слава по Руси. Игумен ласково принял Димитрия и его воевод, предсказал великому князю кровопролитие ужасное, в завершение его — победу, смерть многих героев православных, но главе войска — спасение. Преподобный пригласил гостей на монастырскую трапезу и, провожая их, окропил святой водой. В помощь воинам он дал двух иноков — Пересвета и Ослябю.

После молебна над гробницами предков в церкви Михаила Архангела, Димитрий поспешил в подмосковную Коломну, где собиралось его войско. 20 августа дружины выступили из Коломны и стали на Оке. 1 сентября великий князь отдал приказ переправиться через Оку, 6 сентября дружины подошли к Дону. Тут Димитрий получил

письмо от Сергия Радонежского, благословлявшего князя на битву: «чтоб еси, госоподине, таки пошел, а поможет ти Бог и Святая Богородица». Это письмо сыграло большую роль, ободрив воинов перед решающим сражением.

Летописи рассказывают о Куликовской битве, что такой еще не бывало на Руси. Как и предсказывал Преподобный Сергей Радонежский, в сражении пали многие герои православные, в том числе Пересвет и Ослябя. Останки героев-монахов покоятся около Симонова монастыря, над их могилами Вячеслав Михайлович водрузил надгробия, они стали первыми памятными знаками религиозным деятелям в современной России.

С обеих сторон в Куликовском сражении погибло 200 тысяч человек. Героизм русских воинов вошел в легенды. Всемирно-историческое значение битвы заключается в том, что оно положило начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига, спасло Западную Европу, все ее складывающиеся институты от азиатского нашествия. Русские дружины выступили единым войском, распри (которые) князей Димитрию удалось преодолеть. В стремлении к победе не было никаких котор, и это стало залогом успеха.

Подвиг великого князя Димитрия на Куликовом поле народ обессмертил, дав герою название Донского, а его двоюродному брату, Суздальскому князю Владимиру — название Храброго.

Куликово поле, как магнит, притягивает к себе всех, кто чтит память о великих делах прошлого. Наш Международный Фонд славянской письменности и культуры во главе с Вячеславом Михайловичем ежегодно 8 сентября участвовал в памятных мероприятиях, которые проводятся в этом святом для каждого русского месте.

Инициатива сооружения памятника великому князю Димитрию, проведения торжественной церемонии уста-

новки и освящения закладного камня, наименования площади именем Дмитрия Донского, а близлежащих улиц именами Осляби и Пересвета принадлежит Международному Фонду славянской письменности и культуры. Работал над памятником Вячеслав Михайлович Клыкков, которого газеты всех направлений по праву называли бенефициантом тогдашнего скульптурного сезона — 1992 года. Вслед за монументом святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве — к созданию часовни «Прощеный колодец» на Куликовом поле, а затем памятника Дмитрию Донскому — таковы творческие шаги Мастера, внесшего бесценный вклад в развитие отечественного монументального искусства.

Освящению закладного камня предшествовала литургия в Покровском соборе (храм Василия Блаженного), где служил архиепископ Солнечногорский Сергей. Затем Крестный ход по Варварке и Солянке повторил путь защитников Руси XIV века. На закладке памятного знака выступали представители мэрии Москвы, историки, общественные деятели. Председатель Сербского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры, профессор Радмило Мароевич подчеркнул связь между Куликовской и Косовской битвами, глубокие корни дружбы славянских народов. Ораторы напомнили имена полководцев, прославивших нашу Родину в годину Великой Отечественной войны и вставших в один ряд с Дмитрием Донским, Суворовым, Кутузовым. Выступление В.М.Клыкова было проникнуто мыслью о доброте русского народа, который даже в тяжелые, смутные времена готов откликнуться на благое дело, тянется душой к святому и прекрасному. Повторив слова Ф.М.Достоевского о всемирной отзывчивости русской души, он сказал, что только славяне, русские способны объединить всех для «общего дела».

Закладка памятного знака прошла как настоящий праздник: играл военный оркестр под управлением Н.М.Михайлова, полевые кухни раздавали кашу с мясом и горячий чай.

Потом состоялся большой концерт на Славянской площади, а в зале Центрального Дома Российской Армии — вечер, посвященный памяти другого славного сына нашего Отечества — незаслуженно забытого композитора, дирижера, полковника Василия Ивановича Агапкина, создателя бессмертного марша «Прощание славянки».

Ровно 80 лет до описываемых событий, осенью 1912 года, штаб-трубач кавалерийского полка В.И.Агапкин написал марш, прошедший три войны — Балканскую, Первую мировую и Великую Отечественную. Он и сейчас популярен и любим народом — и не только в России, но и в других славянских странах. Созданный, по словам автора, во славу русской женщины, провожавшей своего мужа, сына, отца, брата, ушедшего добровольцем помогать братьям-славянам в их освободительной борьбе против захватчиков, этот марш вскоре стал символом воинской доблести, самоотверженности, единения славян.

Тот долгий и радостный день прошел под девизом «За славян, за Россию, за веру!» — он объединил не только все акции, задуманные и осуществленные нашим Фондом, но и их участников и зрителей. Как сказал на вечере Вячеслав Михайлович: «Хотелось бы сохранить и впредь такое единодушие, такой сердечный порыв».

Что же изменилось за истекшее с того дня время? Верный слову, Вячеслав Михайлович создал монумент Дмитрия Донского. Неоднократно наш Фонд обращался в правительство и мэрию с просьбой решить наконец вопрос об установке памятника. Но с тех пор — ни слуху ни духу.

Площадка у «Котлов», на Швивой горке все еще ждет своего героя. Крест, водруженный там в 1992 году, сделал

ее святым местом Москвы, и люди приходят сюда за поддержкой и силой.

Клыков говорил: «В этом — Божий промысл». В отличие от тех, кто придерживается светской морали, верующему человеку дано зрение особой остроты. То, что одному покажется пустяком, верующий прочтет как знамение. В дальнейшем жизнь подтверждает его правоту. Примеров можно привести немало. Один из них — история, происшедшая при установке закладного камня на Котельнической набережной.

В тот день Клыков с группой помощников приехал пораньше на место закладки памятника. В этом небольшом скверике, как злословят старожилы, любил собираться питейный народ. Выполнив необходимую работу, Клыков «со товарищи» присели отдохнуть. Разговорились. Вячеслав Михайлович тогда впервые сказал: «Хорошо бы улицы Интернациональную и Ульяновскую переименовать в улицы Александра Пересвета и Родиона Осляби — героев Куликовской битвы, а саму площадь назвать в честь князя Дмитрия Ивановича Донского!»

Обычная картина: сидят на траве мастеровые люди в комбинезонах, разговаривают. Не заметили, как рядом пристроился коренастый мужичок лет пятидесяти. Достал хлеб, два банана, бутылку и начал свою привычную трапезу. Все бы ничего, только он вдруг — как бултыхнется на колени, да давай бормотать одному ему известные молитвы, а слезы ручьем текут. Они спохватились, поднимают его, а он подполз к Кресту, крестится и повторяет: «Мужики, да вы что, я ведь русский, знаю, для чего Крест стоит!» Только тогда они сообразили, что эта его коленопреклоненная молитва не случайна. И слезы тоже. А он между тем встал, еще раз перекрестился и пошел к лестнице.

Тогда, в 1992 году, памятник Дмитрию Донскому пока только складывался в воображении Мастера. Он продол-

жал работать над ним и сделал его как прекрасный символ русской воинской славы. Святой князь Димитрий, молодой, решительный, прекрасный, стоит в полном боевом облачении; сильная рука сжимает меч, прижимая его к груди, в другой руке щит. Конечно, такой памятник не мог где-то пылиться, он должен был быть установлен, чтобы видел и гордился своим героем народ. Так и не дождавшись соизволения на установку монумента в Москве, Клыков воздвиг его в 1997 году в Угреше (современное название города — Дзержинск). Закрытый город оборонщиков долгое время затруднял доступ в располагающийся в его пределах старинный Николо-Угрешский монастырь, в прежние времена место массовых паломничеств верующих. Сейчас, после установки здесь памятника Святому князю Дмитрию Донскому, и новый городской центр преобразился, выглядит не так однообразно и казенно, и ставропигиальный мужской Николо-Угрешский монастырь, построенный, по преданию, князем Дмитрием, открыл свои врата молящимся.

Но все же Вячеслав Михайлович до последнего времени не терял надежды, что памятник великому князю будет украшать и Москву. Прошло много лет с тех пор, как был заложен памятный камень, и вот, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки: вышло постановление мэра Москвы об установке памятника Дмитрию Донскому на Котельнической набережной. Дай Бог!

Глава 14

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

3 мая 1995 года, в канун 50-летия Великой Победы ударил колокол над Прохоровским полем, вошедшим в народное сознание как Третье поле ратной отечественной славы. Куликово, Бородино, Прохоровка — символы беспримерного мужества защитников Родины, глубокой печали россиян по своим сынам, сложившим головы за свободу и счастье грядущих поколений.

Этот малиновый звон — поминальная молитва о героях-воинах. Память о жертвах, принесенных народом в противоборстве с захватчиками. Набатный призыв к сплочению во имя Родины, ее возрождения, ее могущества. Далеко слышен звон колокола на Монументе Победы, взметнувшемся над Прохоровским полем. Звон плывет над бескрайними белгородскими нивами, над Россией, над всей землей. Он отдается в душе каждого из нас, в сердцах бывших соотечественников по СССР — ведь наши братья, отцы и деды вместе сражались против фашизма и спасли человечество от «коричневой чумы». Словно спрашивает колокол: «А не очерствели ли ваши сердца в послевоенных передрягах, способны они еще откликнуться, как встарь, на набатный призыв?»

Через каждые двадцать минут бьет колокол на Прохоровской Звоннице.

Первый звон — память о героях Куликовского сражения, избавивших Русь от татаро-монгольского ига.

Второй — память о кровопролитной Бородинской битве, об освободителях России от французских оккупантов.

Третий — память о Прохоровской победе, обо всех, кто пал в единоборстве с фашизмом.

В июле 1943 года здесь, под Прохоровкой, решалась судьба страны. В беспрецедентном в мировой истории встречном танковом сражении был сломлен хребет гитлеровской военной машины, наступил перелом в Курской битве и во всей Великой Отечественной войне. Отныне наши уже не отступали, они шли только вперед и добились врага в его собственном логове. Тот меч, с которым к нам пришли завоеватели, повернулся против захватчиков. Прохоровская битва стала началом конца фашистской Германии.

«Запомните, друзья, 12 июля 1943 года, запомните этот день и это местечко под названием Прохоровка. Здесь впервые за всю войну лето стало по-настоящему нашим» — так обратился к бойцам командарм 5-й танковой армии Павел Алексеевич Ротмистров.

Противник понёс потери в живой силе до 10 тысяч убитыми и ранеными, было уничтожено около 400 немецких танков и штурмовых орудий. Наши потери оказались не меньшими.

5 августа 1943 года наши войска штурмом взяли Белгород. В тот же день — Орел. По старой российской традиции, эта победа была отмечена салютом: двенадцать артиллерийских залпов из 120 орудий расцветили московское небо. Белгород по сей день гордится званием Города первого салюта. Так же, как и высокой наградой — орденом Отечественной войны I степени.

23 августа 1943 года освобождением Харькова завершилась Курская битва. Упорная и многокровая, она дала потомкам пример бескорыстной любви к Родине.

Страшную цену заплатил наш народ за победу на Курской дуге, понес неисчислимые жертвы. Прохоровка, Прелестное, Сторожевое, Андреевка, Васильевка, Козловка, Юдинка, Кострома, Ильинка — поселки, хутора и деревни, попавшие на огненный рубеж Курской битвы. Все хаты в окрестных хуторах смерч войны спалил дотла, не осталось ни живности, ни птиц. Из крестьян спаслись только те, кто попрятался подальше от Прохоровского поля. По свидетельству очевидцев, грохот, скрежет металла, разрывы снарядов были слышны в радиусе 20 километров. Неделю над Прохоровским полем стоял столб черного дыма. От содроганий почвы вода ушла из колодцев, не было ее целый год. Вернувшиеся после сражения в свои села и хутора люди увидели Прохоровское поле, покрытое трупами, искореженным железом, кровью и пеплом. Ни былинки живой на нем не оставалось. В блиндажах, окопах, по яругам лежали трупы, висели на колючей проволоке, быстро разлагались на июльской жаре. Воды Псела текли красные от крови. Таким предстал перед местными жителями апофеоз войны.

Как увековечить подвиг защитников Отечества, мирного населения, чьи села были буквально сметены с лица земли? Как передать нашу гордость их беспримерным мужеством и нашу горькую печаль о павших?

Эти два чувства — гордость и печаль — подвигли соотечественников на то, чтобы увековечить память о Куликовском и Бородинском сражениях, создать величественные памятники героям. И Брюлловская колонна, и вдохновенный бородинский обелиск поражают своей красотой, светлой печалью.

Таким создал Монумент Победы на Прохоровском поле Вячеслав Михайлович Клыков.

Взметнулась на 50-метровую высоту четырехгранная белокаменная Звонница. Ее венчает золоченая сфе-

ра — символ солнца, исторический символ Российской державы. Над сферой — тоже золоченая скульптура, образ Божией Матери, несущей людям весть о мире на земле, простирающей над Россией Свой Омофор. Образ Покрова Богородицы, защитницы и заступницы России, воспринимается как сама Родина-Мать, как самое дорогое на свете для каждого русского. На круглом барабане монумента высечены слова из Священного Писания: «Большая любовь никому не имеет, дакто душу свою положить за други своя».

И шестиметровая скульптура Богородицы, и царь-колокол в центре, и рельефы четырех сторон Звонницы, идущие до 30-метровой отметки, — все выдержано в национальных традициях, опирается на тысячелетний русский художественный опыт, народную символику, свободную от идеологических догм.

24 рельефа выполнил скульптор. О том, какая титаническая работа проделана, говорит хотя бы тот факт, что все они — многофигурные, насчитывающие до 130 образов. Выбрав клеймовое решение, мастер передает каждому клеймом определенный символ, выражает определенный духовный пласт. Основные четыре рельефа венчают арочное полукружье. Их тематика отражает православное миропонимание русского народа, его понятие троичности мира, заложенное в генетическом коде, — то, что помогло нам выстоять в войне, быть сильнее немцев духом изначально. Первый рельеф посвящен началу войны — это Собор Всех Святых, в земле Российской просиявших. Здесь пророки, святители, священномученики Петр и Павел, Борис и Глеб, Владимир Креститель, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Николай II, царевич Алексей, великая княгиня Елизавета Феодоровна. Над ними — распятый Спаситель. Война, начавшаяся в День Всех Святых,

закончилась в День Святого Георгия. Вот почему на победной, восточной стороне Звонницы — Святой Георгий Победоносец. Южную сторону венчает изображение святыни, чтимой всей Русской Православной Церковью, — иконы Коренной Божией Матери, называемой еще Курской Коренной иконой Знамения. На четвертой стороне в арочном полукружье — Святая Троица, по иконе Андрея Рублева.

Сквозным рядом через четыре пилона проходит скульптурный рельеф «Российские священномученики». Здесь изображения наших подвижников — от Феодосия Печерского до Иоасафа Белгородского, от Сергия Радонежского до Серафима Саровского. Ниже ряд — «Святые воины»: Михаил Архангел, Архангел Гавриил, Дмитрий Солунский, Дмитрий Донской, Ослябя, Пересвет, Александр Невский и другие.

Еще ниже — опоясывающий ряд «Труженики фронта и тыла»: фигуры пехотинца, танкиста, летчика, артиллерииста, связиста, санитарки, партизана, крестьянки. Это тоже герои, тоже праведники и, хоть нет над их головами нимба, тоже святые, ведь для народа свят каждый, кто пал за Отечество, кто помог отстоять его свободу.

Тематические клейма: «Вестник», «Объявление войны в городе», «Нашествие», «Благословение», «Атака», «Поединок», «Возвращение», «Победа».

Мирная картина: крестьянин на лугу косит траву. Но мчится на коне встревоженный вестник — война! Тут же на рельефе — стол военкомата, запись в армию и колонна добровольцев, уходящих на фронт — в небо, в вечность. Нашествие. Мы видим первую жертву — труп нашего солдата, старую крестьянку, оплакивающую свой дом в огне (этот дом — вся Родина, вся Россия), сиротливо жмутся к матерям дети, словно предчувствуя черные дни оккупации и эвакуации — наших воинов напутству-

ет священник, их благословляет и скорбная солдатка. Возвращение — тощая коровенка, разоренное село, сожженный семейный очаг.

Полны динамизма клейма, изображающие единоборство наших воинов с фашистами: вот политрук (по известной фотографии) поднимает солдат в атаку. Он будет убит в этом бою. Поединок. Здесь сшибка врукопашную — как на Прохоровском поле, а еще раньше — на Куликовом.

Победа. Какой образ вызывает в сознании каждого из нас это слово? Да, конечно, маршал Г.К.Жуков, гарцующий вдоль Кремля во время исторического парада. Скульптор изобразил его несущим в руке цветущую яблоневую ветвь как символ мира, а у Кремлевской стены — воинов, бросающих под копыта коня полководца фашистские штандарты.

Почему именно яблоневым цветом передал скульптор ощущение Победы и мира? По рассказам ветеранов, май 1945 года был таким обильным и цветущим, что у людей создавалось впечатление: природа как бы благодарит Русскую землю, стремится возместить ей тяготы и невзгоды, выпавшие на ее долю в этой тяжелейшей из войн.

Скульптор разворачивает перед нами каменные жития народа, повествуя об основных событиях войны: начале, противоборстве, Победе. Как белые свитки, текут пилоны Монумента. А он — весь воздушный, сквозной, изящный, его створки — словно открытые на все стороны света двери...

Звонница — едва ли не самое личностное, выстраданное творение В.М. Клыкова. На церемонии открытия и освящения памятника он сказал: «Звонница, взметнувшаяся на 50-метровую высоту, могла родиться только от любви к этой прекрасной многострадальной земле, к многострадальному русскому народу».

Не случайно некоторые фигуры на рельефах несут черты портретного сходства: родственники, а вот и он сам в пору послевоенного детства — на руках у опечаленной мамы, за юбку которой ухватился старший братишка. Не случайно скульптор из всех рельефов Звонницы выделяет рельеф с изображением Курской Коренной иконы: ведь родное это его, близкое.

В работе над Монументом Победы как бы соединились две главные темы клыковского творчества — героико-патриотическая и православно-историческая. Найден синтез двух тем, их органичная связь с русскими художественными традициями. Как знать, может быть, Звонница — знак возрождения нашей культуры во всей ее православной и исторической полноте, знак спасения нации. Разорванные нити самосознания народа да скрепятся.

Сколько бы раз ни приезжал человек к Монументу Победы на Прохоровском поле, он не может налюбоваться, нарадоваться. То открывается он глазам посреди бескрайнего зеленого бархата всходов, горит как свеча под солнцем; то в пасмурный день в стальном покрытии створок врат и арок отражаются бегущие облака и кажется, что Звонница плывет в небе; то из окна ночного поезда вдруг встает она, подсвеченная прожекторами, как чудесное видение. Но, пожалуй, самые запоминающиеся встречи с этим свечеподобным образом — во дни торжеств народных.

24 мая 1995 года, День славянской письменности и культуры. Возле памятника — официальные делегации, группы ветеранов, море школьников, прибывших сюда сразу же, как отзвенел последний звонок. Целые классы особенно торжественно одетых ребят, с повязками «Выпускник» через плечо, с приколотыми к костюмам колокольчиками. Стоят, смотрят, слушают рассказы учителей

и экскурсоводов. У подножия Монумена живые цветы, венки, стеклянные баночки с зажженными свечами, с тщательно уложенными денежными купюрами. Родные мои соотечественники! Как же мил этот обычай, это стремление на все откликнуться всем миром, поделиться, может, последним, помянуть героев по-людски, по-доброму...

Жаль, нет часовни близ Монумена. Было бы где запалить свечу, молитвенно обратиться к павшим. Пусть хоть маленькая часовенка — всех она будет манить, и верующих, и неверующих, и русских, и нерусских, просто всех добрых людей, чье сердце не очерствело, чья память не умерла.

Впрочем, участок Прохоровского поля вокруг Звонницы продолжает благоустраиваться. Проложены три аллеи, вдоль которых будут разбиты три рощи — березовая, липовая, дубовая. Аллеи увенчают три фигуры — Дмитрия Донского, Михаила Кутузова и Георгия Жукова. Образы героев трех кровопролитных войн в отечественной истории станут символами, связующими три поля ратной российской славы — Куликово, Бородинское, Прохоровское. Три поля — опоры моста через пространство и время, опоры национальной памяти, российской истории. Над образами трех полководцев работал Вячеслав Михайлович.

Десять лет жизни отдал скульптор созданию Звонницы. Он готовил его проект для Всесоюзного конкурса на лучший памятник Победы, предназначавшийся для Поклонной горы. Проект Вячеслава Михайловича лидировал на протяжении всех трех туров, за него голосовали до 80 процентов посетителей. Газеты отмечали его как удачный народный символ, отражающий соборность нашего стремления к миру на земле, его соответствие характеру московской архитектуры — белокаменной и златоглавой. Проект предусматривал также создание пятнадцати скульп-

птур, символизирующих вклад каждой советской республики в победу над фашизмом. Увы... Жюри, как обычно тогда бывало, без обсуждения приняло постановление, что «ни один проект не выражает...», «в целом конкурс не отвечает высоким идейно-творческим критериям советского искусства». Выручили земляки — куряне, белгородцы, предложив установить этот монумент на Прохоровском поле, торжественно отметить его открытием 50-летний юбилей Победы. Надо ли говорить о том, что скульптор с радостью согласился! Хотя поначалу дело шло медленно: местные власти тянули, не давали Звоннице зеленую улицу, куда-то делись деньги, отпущенные на строительство правительством. И лишь когда администрацию возглавил Евгений Степанович Савченко, с воодушевлением воспринявший клыковскую идею, все стало на свои места: было открыто финансирование, стали проводиться еженедельные планерки, стройка осуществлялась под постоянным контролем. Упущенное время пришлось восполнить напряженной работой в сжатые сроки.

Сейчас на Звоннице установлена доска: «Памятник Победы на Прохоровском танковом поле. Сооружен к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Начало строительства — октябрь 1993 года, окончание строительства — апрель 1995 года. Авторы проекта: Клыков В.М., Симержиев Р.И., Силохин Г.К.» Три фамилии — скульптор, архитектор, конструктор. Они по праву делят успех своего детища. Но сроки! Год и семь месяцев — это ли не рекорд возведения монументальных объектов?!

Весть о строительстве Монумента Победы разнеслась по стране. В адрес авторского коллектива стали поступать добровольные пожертвования от ветеранов войны, от всех, кто решил внести посильный вклад в увековече-

ние подвига наших предков, в том числе и от зарубежных предпринимателей — сербских, греческих.

Имя Вячеслава Михайловича Клыкова навсегда вошло в современную историю Прохоровского поля, его мемориального обустройства. И не только благодаря Монументу Победы.

«Этот камень освящен 14.06.1992 года архиепископом Ювеналием для закладки Храма Святых апостолов Петра и Павла в память погибших на Прохоровском поле летом 1943 года». Сразу же после закладки в поселке Прохоровка, отстоящем от поля сражения на 3—4 километра, а значит, неподалеку от Монумента Победы, началось интенсивное строительство. Активно действовал Попечительский совет обустройства Прохоровского поля (председатель Совета Н.И.Рыжков, заместитель — В.М.Клыков), были привлечены спонсоры, по-хозяйски расходовались народные пожертвования. Начав с нулевого цикла, рабочие вначале закончили малый храм, затем большой, основание которого представляет собой крест, возвели четыре придела. Местное население — из Прохоровки, близлежащих сел, многочисленные переселенцы из Киргизии, Казахстана, других стран СНГ — сразу после ввода в строй Малого храма потянулось на церковные службы. В мае 1995 года, в праздник 50-летия Победы, была проведена служба и в Большом храме.

По традиции, русский народ отмечал ратные подвиги возведением православных церквей. Впервые в нашей послевоенной истории память павших прославляется в храме-памятнике. В этом — вновь параллель с Куликовским и Бородинским мемориальными комплексами. Это именно комплексы — ведь рядом с монументами на полях российской ратной славы построены православные хра-

мы. Победа на Курской дуге, одержанная 12 июля, в день славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла ознаменована освящением храма в честь этих святых.

Помню разговор с покойным Николаем Петровичем Ефименко, тогда заведующим отделом культуры администрации Прохоровского района. Он увлеченно рассказывал о районе, об этом участке на восточной окраине Прохоровки, где прежде земля планировалась под строительство частных особняков и коттеджей, а сейчас заложен православный храм, начинается большая стройка. «Приезжайте через два года — не узнаете здешних мест», — сказал Ефименко. И действительно, ровно через два года, как по волшебству, преобразилась округа. Белоснежный православный храм во имя апостолов Петра и Павла в память о погибших на Курской дуге, храм во имя Святителя Николая, дом причта с гостиницей, школой и библиотекой для духовного воспитания подростков, дом настоятеля храма, Дом ветеранов войны — для одиноких пенсионеров, за которыми ухаживают опытные сестры. Курско-Белгородская епархия прислала в Прохоровку несколько монахинь. Иными словами, вокруг храма вырос крупный мемориальный комплекс, в котором память о погибших соединена с заботой о ветеранах, о духовном, нравственном и патриотическом воспитании. Работы продолжаются: вокруг храма будет разбит парк.

Мемориальное обустройство Прохоровского поля объединило в единый комплекс Монумент Победы, храм и все сооружения вокруг него. Прохоровское поле получило статус Государственного военно-исторического заповедника. Изменился и поселок Прохоровка. Здесь вырос Дом культуры с залами на 600 и 300 мест, библиотекой, школой искусств и центром эстетического воспитания, появи-

лись Музей Прохоровского сражения, загс, Зал торжеств. Со временем эти новостройки превратились в уникальный центр культуры и искусства. Вырос также поселок для русских беженцев из стран СНГ.

К примеру Прохоровки, наверное, не раз будут обращаться и политики, и строители. Она доказала, что, увлеченные благородной идеей, светлой целью, мы можем творить чудеса.

В Прохоровке всегда тепло встречали Вячеслава Михайловича Клыкова. Оно и понятно — чуткий был, душевный человек, земляк. По обычаю, крестьяне близлежащих сел 12 июня, на Петра и Павла, выносят за ворота столы, накрывают их, ставят угощение, всех прохожих приглашают помянуть погибших, фотографии которых здесь же, на каждом столе. В селе Сторожевом проживают сейчас одни солдатки, вдовы бойцов, павших в годы Великой Отечественной войны. После знаменитого танкового сражения женщины стали убирать с Прохоровского поля мертвых. Вначале прикапывали землей, а по первому снегу переносили в братские могилы. Женские похоронные бригады собрали тела, а партийные и комсомольские билеты сложили в пять мешков, отправили их в Курский обком партии. Только в одной братской могиле похоронили 500 наших воинов. С тех пор, с 1943 года, заботливо ухаживают за ней они сами, их дети и внуки.

И не просто ухаживают. Летом 1994 года в Сторожевом были захоронены останки еще тринадцати наших воинов, найденных в Прохоровской земле, в том месте, которое указали солдатки — они сносили сюда в 43-м тела убитых. И вот братская могила, что на попечении женщин Сторожевого, пополнилась тринадцатью безымянными героями — лишь на одном из найденных жетонов сохранились слова «...из Орловской области».

В 1998 году — новое пополнение братской могилы. Похоронили еще 50 человек, останки которых нашли поисковые отряды. Когда же, когда будет погребен последний солдат проклятой войны?

Да, герои в этой братской могиле безымянны. Но осеняет ее замечательный памятник — шестиметровый медный крест с фигурой распятого Спасителя.

Когда-то в Сторожевом скульптор В.М.Клыков пообещал местным жителям установить на этой братской могиле традиционный православный памятник — Крест. Свое обещание Мастер исполнил день в день! Впервые после Великой Отечественной войны появился такой памятник на братской могиле. С тех пор все, кому довелось бывать в Сторожевом, не могут не отдать должное этому вдохновенному произведению высокого искусства. Крест здесь встал навсегда, навечно.

Как часто в применении к работам скульптора Клыкова мы произносим слово «впервые». Короткое это слово, но расплачиваться за него приходится жизнью.

У Вячеслава Михайловича было много друзей и в Прохоровке, и в Прелестном, и в Сторожевом. Он любил подолгу рассказывать о местных женщинах — Марии Федотовне Ждановой из села Прелестного, несмотря на годы и инвалидность она все хлопотала об увековечении памяти погибших в Великой Отечественной войне солдат и прохоровских жителей; об Ольге Никифоровне Король, «главной хранительнице памяти» из Сторожевого — ей помогала ухаживать за братской могилой дочь Евдокия Костенко. Вячеслав Михайлович не раз делил с женщинами поминальное застолье, расспрашивал о 43-м годе, о послевоенных мытарствах. Особо выделял Клыков одно их наблюдение.

Когда женщины пришли на Прохоровское поле убирать погибших, то увидели, что все наши воины — тан-

кисты, орудийная прислуга — лежали лицом вверх, а все немцы — ничком, уткнувшись в землю.

— Почему так? Почему наши навеки уснули лицом к свету, солнцу? — размышлял Вячеслав Михайлович. — Последним усилием воли хотели соединиться с Небом? Не в этом ли выразилась уверенность в собственной правоте, ясность, открытость наших воинов, их христианское мировоззрение — все зависит от Всевышнего?

Бывая в этих краях, не устаешь поражаться трудолюбию, гостеприимству, дружелюбию белгородцев. Как они любят свою землю, с ее спокойной, величавой красотой, ширью большаков, шелестом дубовых рощ, пением соловьев. Как бережно хранят они народное искусство, песни, предания. Все, что относится к Православию, волнует наш народ, живо воспринимается им. В этом мы убедились, когда 24 мая 1995 года шли Крестным ходом по Белгороду к месту установки Поклонного креста в честь святых Кирилла и Мефодия (Крест отлит по модели скульптора В.М.Клыкова.) Весь город, несмотря на рабочий день, присоединился к нам, освящение Креста стало поистине массовым и волнующим.

Веками по этой земле проходила линия обороны Российского государства. Помните: «Куряне славные, бывалые, с конца копья вскормлены». Да, мужество и стойкость курян-белгородцев (до 1954 года это была одна область) воспели и «Слово о полку Игореве», и современные романисты. Дважды прокатился по краю огненный смерч Великой Отечественной войны, почти полностью был разрушен Белгород (в руинах лежало 85 процентов зданий), ко дню освобождения в нем оставалось лишь 150 жителей. И сейчас еще здесь снимают страшный урожай войны: в реках находят затонувшие танки, при земляных работах — неразорвавшиеся снаряды, траки танковых гусе-

ниц, крупнокалиберные пулеметы. При копке фундамента под храм во имя Петра и Павла в Прохоровке обнаружили фронтовой окоп, а в нем солдатские кости, патронные гильзы, смятую каску, котелок, остатки обуви. Получается, что храм сооружен на крови и костях защитников Родины.

Строители рассказывают. Для того чтобы благоустроить территорию мемориального комплекса, завезли чернозем. Стали разбрасывать — нашли останки нашего офицера... Даже деревья хранят военные отметины. Недавно над целебным Пантелеймоновским источником, что недалеко от Прохоровки, возвели часовню, дуб для которой завезли из Прохоровских рощ. В стволах деревьев обнаружили вмятины, пули, осколки снарядов.

Белгородцы свято хранят память о войне. Работают поисковые отряды, готовятся новые захоронения. Поиск продолжится до тех пор, пока не будет найден прах последнего из убиенных, не станет известно его имя.

Всего на земле Белгородчины 1000 памятников воинской славы — стелы, обелиски, мемориалы, музеи. Все памятники в отличном состоянии, к ним не зарастает народная тропа. Освящая Монумент Победы, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II специально отметил любовь белгородцев-курян к своей земле, сельскому труду, их скромность, совестливость и честность.

Да, мы многое потеряли за последние десятилетия, но сберегли главное: душу, сострадание, сочувствие. Во всяком случае, здесь, в Белгороде, тебя не покидает чувство удовлетворения и гордости за Россию.

В августе 1995 года Белгород отметил 1000-летие со дня основания как города Киевской Руси. Так хочется, чтобы была счастлива эта древняя славянская земля, чтобы рождала она России новых героев и гениев, таких как

ее дети — полководец Ватутин, актер Щепкин, скульптор Клыков.

...Бьет колокол на Прохоровском поле. Через полвека глядят нам в глаза погибшие герои-воины, защитники и заступники наши. Нет, они не стали прахом, пылью, землей. Их души — в голубом небе над нами, память о них — в наших сердцах. И пока жива Россия, будет не-тленна эта память.

Глава 15

НАШ ПОБЕДОНОСЕЦ

Мы всегда будем вспоминать, какие качества нашего народа помогли одолеть врага, — это терпение, мужество, величайшая стойкость, любовь к ОТЕЧЕСТВУ. Пусть эти, проверенные огнем войны качества, нам сопутствуют. И Победа всегда будет за нами.

Г.К. Жуков

Полвека мы ждали этого известия. Ждали ветераны, прошедшие с Непобедимым Маршалом фронтовыми дорогами, люди, помнящие войну и полководца, участвовавшего в 58 сражениях и ни одного не проигравшего, свято чтущие Великую Победу, все, в ком жива память о народном подвиге, кто любит свое Отечество. И — вот!.. Торжества открытия памятника были приурочены к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Вспомним: почти все работы Вячеслава Михайловича Клыкова — образы преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского, святой княгини Елизаветы Феодоровны, равноапостольных Кирилла и Мефодия, святого князя Владимира Крестителя — имеют долгую и трудную историю. Их запрещали, снимали, переносили, замалчивали в прессе и официальной критике. Но «Жуков»... Наблюдая титанический труд скульптора в последние годы, могу сказать, ничуть не поступаясь истиной: самые мучи-

тельные треволения выпали на долю именно его замысла воплощения образа Г.К. Жукова.

Когда у Клыкова родилась мысль о создании памятника маршалу Жукову? Наверное, очень давно. Тема была ему близка с детства. Пятилетним мальчишкой в глухой курской деревушке Мармыжи Клыков встречал возвратившихся с фронта солдат — своего отца, прошедшего и финскую, и германскую войны, родственников, односельчан. Жадно слушал их рассказы, воспоминания. А какие тогда были разговоры? О боях, о фронтовых товарищах, о людях, внесших такой весомый вклад в Победу. Жуков, Рокоссовский, Ватутин — они были именно товарищами солдат, не грозными командирами, а близкими, родными, хлебнувшими лиха со всем народом. Жуков уже тогда стал живой легендой, особенно в сознании молодежи, детей.

Каким мы представляем Георгия Жукова? Мужественным, решительным, волевым, с открытым, типично русским лицом. Собирательный образ народного героя. Для большинства из нас война сейчас, по прошествии стольких лет, ассоциируется с какой-то книгой, песней, фильмом, кадром кинохроники. Стали классикой эпизоды фильмов: командир поднимает бойцов в атаку, жены и сестры встречают солдат на Белорусском вокзале... В ряду таких исторических кадров и маршал Жуков, принимающий Парад Победы на Красной площади в Москве. Это был апофеоз ратного подвига народа, личный апофеоз Георгия Константиновича, его судьбы и жизни.

Таким и создал скульптор Жукова. Он много читал, смотрел хронику, беседовал с ветеранами, встречался с дочерьми маршала, пытаясь уловить мельчайшие черточки характера. И вот модель памятника в десятую величину — в клыковской мастерской на Ордынке. Образ выполнен в русских художественных традициях, это конная статуя (вспомним хотя бы памятники Юрию Долгорукому,

Петру I), копыта коня попирают фашистские штандарты. Первая же ассоциация — Георгий Победоносец! Любимый Православной Русью образ.

Где должен стоять памятник такому герою? Вопрос о месте — сложнейший не только для автора, который видит своего героя вписанным в окружающее пространство, это вопрос общественный, общенациональный: ведь любой памятник отражает не только нашу «память», но и сознание, устремления, чаяния, нашу душу, а значит, нам небезразлична его судьба. Клыков высказал мысль: установить монумент на Красной площади перед Историческим музеем. Бронзовый маршал должен словно выезжать из истории, нашей памяти, снова гарцевать на коне, как во времена Парада Победы, напротив навечно застывших героев Отечества К.Минина и Д. Пожарского, спасших Русь в Смутное время. Идею скульптора поддержали Президент России, мэр Москвы, ветеранские и другие организации.

Но не тут-то было! Нашлись ярые противники и маршала Жукова, и Победы, и установки памятника на Красной площади. Бюрократы-чиновники, ряд военных историков и ретивых журналистов вдруг выказали ревность об историческом облике Москвы, призвали в помощь ЮНЕСКО. Клыков, не привыкший отступать, на этот раз был вынужден смириться — чтобы спасти не просто свою работу, а народную идею. Новый указ: установить памятник в комплексе на Поклонной горе, в Галерее героев. Клыков не считал это место удачным. Четыре года назад он отказался участвовать во Всесоюзном конкурсе на памятник Г.К.Жукову, ибо устроители выбрали местом установки Смоленскую площадь. Как на таком пятачке, среди невообразимого движения транспорта не затеряться любой скульптуре? Не годится и Поклонная гора — скрытая, напичканная чуждыми народной символи-

ке объектами. Манежная площадь! Это известие доброе: близ Красной, у Вечного огня. А вот если еще Манежную площадь переименуют в площадь маршала Жукова! Идею о переименовании, высказанную журналистами, разделял Клыков, поддерживают ветераны. Опять будет борьба за воплощение идеи в жизнь? Да, пока у нас без борьбы ни одно хорошее дело не утверждается.

В Калуге, на скульптурной фабрике, где он работал над образом Жукова, Вячеслав Михайлович показал нам, группе журналистов, модель памятника в натуральную величину, вылепленную в глине. Он не изменил своему особому методу работы: никогда не прибегать к помощи простого увеличения макета, полагаться на интуицию, чувство вкуса, доверять импровизации. Изменив в каркасе композицию, видоизменил и образ. Одно изменение продиктовало Мастеру последующие. На модели Жуков привстал в стремени, конь получил новое движение, он уже не гарцует, не скачет легко, а мерно ступает в ритме барабанного боя, чеканит шаг. Копыта коня попирают не только фашистские флаги и вымпелы, но и символ рейха — орла с зажатым в когтистых лапах дубовым венком, несущим свастику. Конец орлу — наш Победоносец обломал ему крылья, вот они, раздавленные копытами коня. Композиция подсказала скульптору другой поворот головы героя, другой жест руки — он стал более спокойным, умиротворяющим. Изменилось и лицо маршала — стало строже, значительнее, мудрее. Вечный, собирательный богатырский образ...

Скульптурную композицию высотой 5,45 м решено было поставить на пьедестал тоже внушительных размеров (5x2,5 м) — такой получился величественный памятник. Глину для работы над моделью Клыков выбрал местную, из Калужской области. И в этом есть своя символика: маршал Жуков — уроженец калужского села Стрелковки,

родина дает материал его образу. Отливался в бронзе памятник на петербургском заводе «Монументальскульптура», а постамент готовился в Житомирщине, на Украине — серовато-коричневый гранит житомирского карьера хорошо гармонирует с бронзой композиции. Снова символ: словно вся наша бывшая великая страна участвовала в создании памятника Освободителю!

— Я думаю, — сказал журналистам Вячеслав Михайлович, — что масштаб личности маршала Жукова и его вклад в Победу до конца нами еще не оценен. Нами и нашей военной историей. Россия в лихую годину рождает богатырей, обладающих той силой и мощью, которую таит в себе она сама. Жуков — один из них. Имя его уже стало синонимом стойкости, отваги, синонимом самого русского народа — я не побоюсь высоких слов. Он стоит в одном ряду с такими народными героями, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов, Нахимов. Может быть, он еще большего масштаба и значения, ибо и масштаб войны, в которую он покрыл себя бессмертной славой, был велик, ни с чем не сравним. Великая Отечественная началась 22 июня 1941 года, в день Всех Святых, в земле Российской просиявших. Завершилась она в день Святого Георгия Победоносца. Вот почему образ Маршала-победителя органично сливается с образом этого святого. Я думаю, что такие люди, как Георгий Константинович Жуков, рождаются, чтобы свершить свою историческую миссию. Он сознавал эту миссию, не мог не сознавать: два Георгиевских креста, полученные до революции, что-нибудь да значат. Простой человек из глубинки, плоть от плоти, кость от кости народа, он от унтер-офицера вырос до маршала крупнейшего масштаба. В чем основная роль Жукова? Он развеял мифы, о которых шумела пропаганда за рубежом: о непобедимости Квантунской армии и о непобедимости вермахта. Я часто думаю: а

как бы он поступил в нынешнее время, в создавшейся обстановке? Очень такой человек нужен народу, и сейчас — не меньше, чем в войну. Маршал Жуков должен одержать еще одну победу — помочь нам одолеть разруху, обрести достойную нашего народа жизнь. Не он, конечно, а образ его, память о нем.

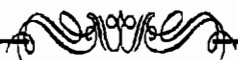
Как и все настоящие творцы, Клыков не любил говорить о памятнике Непобедимому Маршалу: сделал работу для людей, зачем им что-то объяснять, пусть судят сами, и каждый найдет в образе героя что-то свое, личное...

Открытие памятника состоялось 8 мая, в канун замечательного праздника — 50-летия Великой Победы. И проходило оно очень торжественно...

Вот уж мы и 60-летие Великой Победы отметили, а споры вокруг этого памятника не утихают. И дело не только в том, что есть люди, которые образ не одобряют: «нравится — не нравится» в искусстве вещь обычная, на то оно и искусство. Дело в том, что критики и некоторые представители «интеллигенции» пытаются этой работой противопоставить Клыкова другим скульпторам, выделить его как особую, неуправляемую и никому не подчиняющуюся единицу. Крупные неудачи московской монументальной пропаганды последних лет они хотели бы свалить исключительно на него: «А вот Жуков...» Обвиняя Клыкова, они стремятся поставить ему в вину даже... его общественную деятельность: мол, отстаивал свои убеждения для того, чтобы быть на виду и, значит, «проталкивать» работы. Одно время даже «волну гнали» за снятие памятника, подписи начинали собирать. Да только, как говорится, кость жидка, кишка тонка. У памятника собираются люди и в Жуковские годовщины, и в различные праздники. Приходят ветераны и молодежь, безусые воины и седоголовые генералы. К пьедесталу возлагаются букеты и венки цветов, поэты читают у памятника стихи.

Что же касалось Вячеслава Михайловича, то он на все наскоки — ноль внимания. Если люди не могли понять, почему он был занят по горло общественными делами, то они, видно, своей меркой меряют жизнь, им не объяснишь то, что они постичь не в силах. Конечно, памятник во многом бы выиграл, если бы был установлен там, где задумал Мастер: и освещение, и фон, и перспектива — все бы работало на него... Но что же поделать, раз так распорядились «отцы». Такая, вишь, «загогулинка» у них вышла.

Для людей во всем мире Клыков теперь — автор памятника маршалу Жукову. Знаю, например, что к нему поступали просьбы: «Вам, автору замечательного памятника Г.К.Жукову, мы хотели бы поручить выполнить наш заказ...» Были такие письма из Греции, с Украины, из многих наших городов...

Глава 16

ДВА ИМПЕРАТОРА

«Светел сердцем и лицом», — писал о Петре Великом А.С.Пушкин. Со школьных лет у нас в сознании запечатлелся образ великого государственного деятеля России:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.

Развитие промышленности и системы государственного управления, создание регулярной армии и флота, подъем наук и искусств — в любой области жизни России было ощутимо влияние Петра. В 1996 году, когда мы отмечали 300-летие Российского флота, имя Петра Первого было у всех на устах. Вспоминалась та смутная пора,

Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Преодолеть экономическую отсталость России, способствовать росту производительных сил страны — вот какова была цель петровских реформ. Много внимания император уделял строительству заводов на Урале и в центре России, а это привело к развитию металлургии, судостроения, текстильной и других отраслей промышленности.

Липецк. Самый центр европейской части страны, ее сердце. Здесь по указу Петра были заложены железодельные заводы, преемником которых в наше время считается известный Новолипецкий металлургический комбинат. Для молодого русского флота липчане давали металл, воронежцы — дубы, древесину, построили Адмиралтейство. Россия напрягала силы, приближая тот день, когда взамен старой морской лодки Алексея Михайловича встанет

Всей семьей наш юный флот.

Липецк обязан Петру Великому также открытием минеральных вод, на основе которых затем вырос первый в России курорт. До сих пор в городском парке бьют фонтанчики минеральной воды, открытой Петром, рядом — его дворец, неподалеку мост через реку Воронеж, носящий ныне имя Петровского. И теперь в Липецке установлен памятник Петру Первому. Заказ администрации города Вячеслав Михайлович Клыков выполнил в срок, и на Калужской скульптурной фабрике, где делались в масштабе все его последние работы, прошла приемка памятника. Липчане прибыли большой делегацией, в составе которой были архитекторы, конструкторы, литейщики.

С липчанамн Клыков сотрудничал с тех пор, когда в 1994 году на главной Соборной площади города был установлен Поклонный крест в честь святых братьев Кирилла и Мефодия, выполненный по его модели. В июле 1995 года состоялась договоренность о сооружении в Липецке памятника Петру Великому. Осенью того же года Вячеслав Михайлович сделал первые эскизы, наброски, показал их в Липецке, после чего было принято решение перейти к конкретной работе.

Как памятник вписался в панораму города? Он встал в центральной, исторической его части, там был пустырь, но вокруг — новые районы, застройка ведется не коробками, а по индивидуальным проектам — под офисы, банки, областную налоговую инспекцию и т.д. Это красивая современная архитектура, имеющая, однако, оглядку на русские национальные традиции. Памятник стал акцентом, камертоном оформления окружающего пространства. К реке Воронеж пробита эспланада, высажен бульвар, который соединил набережную с памятником Петру Первому.

Открытие монумента с самого начала было запланировано на октябрь 1996 года — на празднование 300-летия Российского флота. Отливка в бронзе была поручена Новолипецкому металлургическому комбинату. На счету тамошних литейщиков немало хороших работ, но, конечно, все они меньше по масштабу, чем Петр. Заказ такого калибра им был поручен впервые, и липчане, настоящие рабочие-мастера, с гордостью взялись за его выполнение.

Что сказать о памятнике? Думаю, это одна из лучших работ Клыкова. Он стремился в пятиметровой фигуре Петра Великого передать динамичность, энергию, напористость первого российского императора. Петр в голландских сапогах, в европейском платье, за его спиной развевается широкий плащ. В руке Петр держит еще запечатанный свиток — указ о сооружении в Липецке металлургических заводов для флота. Лицо решительное. Видимо, у человека, несущего людям высокую идею, и должен быть напор, вдохновение, энергия, воля. Огромная фигура рождает мысль о величии России, талантливости ее народа. «Встречайте, липчане!» — словно говорит Петр.

Памятнику соответствует десятиметровый постамент из белого липецкого известняка, колонну украшают позолоченные ростры с изображением русалок, герб Россий-

ской Империи, барельефы, отражающие историю создания нашего флота (автор барельефов — липецкий скульптор А.Е.Вагнер).

При работе над образом Петра Клыков сознательно не следовал предшественникам-художникам. Ему хотелось создать гиганта-императора, действительно великого царя. Такую фигуру нужно было делать в соответствующем размере. Конечно, Петр — личность не однозначная, он, как смерч, пронесся по старой России: бороды отрезал, камзолы велел надевать... Но к морям надо было выходить? Надо. Куда денешься... Это сейчас, когда мы потеряли влияние на всех четырех морях — утратили итог завоеваний Петра Великого и всех наших предков, — особенно актуальная идея. Да и то подумать: разве вправе мы критиковать царя? На Руси исстари повелось — о самодержцах и патриархах говорить плохо нельзя, они — главнейшие святыни государства. Петр был русским человеком. Вспомним его трудолюбие: приходил к рабочим, засучивал рукава, брал в руки топор...

«Я рад, что мне удалось сделать эту вещь», — скажет потом Клыков.

Между первым российским императором и последним — Царем-мучеником Николаем Александровичем Романовым — огромный отрезок нашей истории с ее противоречиями, взлетами и падениями.

Личности двух императоров отличаются друг от друга, отличаются и обстоятельства, при которых были созданы памятники Петру I и Николаю II.

Как Клыков пришел к мысли создать памятник Государю-Императору Николаю Александровичу Романову?

27 мая 1996 года исполнилось 100 лет со дня его священного коронования. Эта дата — значительная в истории России. Фигура царя до сих пор не оценена по дос-

тоинству нашими современниками, оболгана и в течение нескольких десятилетий поругаема как отечественной, так и зарубежной пропагандой. Фальсификация истории продолжается по сей день. Пришло время — а оно не могло не прийти — дать отпор клевете.

— Для того чтобы осознать, в каком направлении нам двигаться — жить ли нам по американским рецептам, руководствоваться общеевропейскими ценностями или собственным, истинным Государственным законом, в котором Россия пребывала не десятилетия даже, а столетия, — необходимо обратиться к эпохе Николая II. После отречения царя и зверской, ритуальной расправы над ним начались все бедствия и страдания XX века — прежде всего в России, в славянском мире, в христианских странах. Ни приросту, ни человеческое бытие, ни законы любого, в данном случае Российского, государства невозможно бесконечно попирают. Придет время, родятся новые люди, новое поколение, которое востребует восстановления поругаемых законов, возвращения исторической правды. Считаю, что такое время наступает: общественность нашей страны все больше и больше обращается к идеалам Русской Монархии, все больше и больше уделяет внимания эпохе Николая Александровича Романова, — сказал на пресс-конференции, созванной по случаю окончания работы над памятником, В.М.Клыков.

На II Всероссийском монархическом совещании, состоявшемся в городе Белгороде 14—17 ноября 1995 года, было принято решение торжественно отметить 100-летие со дня коронации Государя-Императора Николая II. Многие патриотические общественные организации, казачьи соединения начали подготовку к юбилею. Все отлично понимали, что если торжества не пройдут на государственном уровне, то юбилей может принять келейные масштабы, самодеятельные формы.

Начал подготовку к торжествам и Клыков, решив создать памятник Николаю Александровичу Романову. Свои планы он не держал в тайне и не раз — и на пресс-конференциях, и в частных интервью — доказывал необходимость такой акции. «Мы не должны обрубить историю, — говорил он, — необходимо жить с ней в органичной связи. Открытие памятника Николаю II явится скрепляющим звеном между прошлым и настоящим, нашим искуплением за грех цареубийства, который до сих пор нами не раскаян». Доказывая, что это дело нужное, всенародное, которое мы, может быть, оценим значительно позже, он просил не связывать акцию с собственной личностью: памятник мог сделать кто-то другой, просто судьбе было угодно дать такое право ему, Клыкову.

Международный фонд славянской письменности и культуры своевременно направил письмо главе правительства России В.С.Черномырдину, в котором предложил открыть памятник в годовщину коронации. Это открытие, писали мы, должно стать первым зримым актом покаяния нашего народа за мученическую гибель царской семьи.

Отказа не поступило. Более того, в устной беседе с Клыковым Виктор Степанович высказал полное согласие, упомянув, что правительство действительно должно принять такое решение, придать нужную форму проявлению народного сознания. Однако прошло более шести месяцев, в течение которых было послано еще два письма, но они, так же как и первое, не имели отклика. Затем состоялся разговор Н.С.Михалкова с В.С.Черномырдиным, в ходе которого наш знаменитый режиссер настаивал, что надо решать этот вопрос. Виктор Степанович вновь пообещал «определиться по данной проблеме».

У Клыкова состоялся разговор с мэром Москвы Ю.М.Лужковым. В ту пору он не возражал против уста-

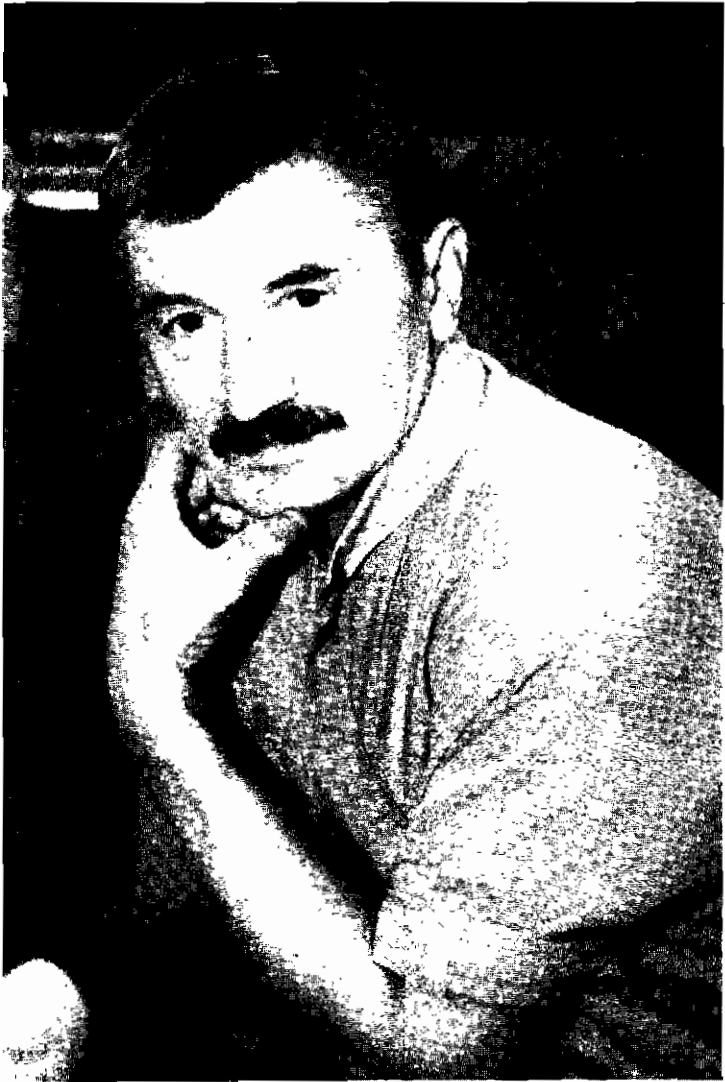
новки в столице памятника Николаю II. Было выбрано место: председатель Госкомархитектуры, главный инженер Москвы Л.В. Вавакин предложил место между Домом Пашкова и Боровицкими воротами Кремля. Слово сказано — должно последовать дело.

Но не тут-то было. Решения мэра об установке памятника не последовало. Разумеется, мэр города не может единолично принять такое важное решение, оно — в компетенции правительства России. Если же решение будет принято на высшем уровне, разъяснили нам официально в мэрии, правительство Москвы возьмет на себя отвод земли. Круг замкнулся.

Были посланы соответствующие письма и Президенту России, их передавал Б.Н.Ельцину Н.С.Михалков. Ни ответа, ни привета мы не получили. Складывалась та же обстановка, что и с памятником маршалу Г.К. Жукову. Тогда постановление правительства о месте его установки вышло только в марте 1995 года, а к 9 мая, 50-летию Великой Победы, Клыков должен был открыть этот памятник. Учитывая горький предшествующий опыт, он сделал все возможное, чтобы памятник Г.К. Жукову в бронзе появился вовремя: не дожидаясь никаких постановлений, продолжал напряженно работать на свой страх и риск. Он делал памятник для народа, для ветеранов, молодежи и не мог обмануть их ожиданий.

Аналогично он поступил и в данном случае. Со своими помощниками, коллегами, которые поддерживали морально, он сделал памятник Николаю II и перевел его в материал — медь, ибо на бронзу не хватило личных средств. Чтобы успеть к 100-летию коронации, надо было спешно определять место установки. Где?

Итак, двухлетняя переписка с властями не дала результата. Не помогла и Церковь. На Пасхальной службе в Богоявленском соборе Клыкову удалось переговорить с

иерархами, представителями Патриархии. Ответ был малоутешительным: вопрос об установке памятника в Москве, сказали ему, прорабатывается, изучается. Но ведь времени уже оставалось катастрофически мало! Он понял, что следует искать другое место.

И тут поступило предложение от церковной общины храма Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Тайнинском: установить памятник напротив храма. Здесь, на острове, долгие годы было запустение, свалка. А ведь место прекрасное: одно из красивейших в Подмосковье, исторически связанное с жизнью всех русских царей — здесь были путевые дворцы, в которых останавливались российские монархи, начиная с Алексея Михайловича. Дважды, в 1893 и 1896 годах, по пути в Троице-Сергиеву лавру Тайнинское посетил Николай II. «Сейчас, конечно, путевые дворцы разрушены, но ведь можно их со временем восстановить», — думал Клыков.

Вместе с церковной общиной они нашли приемлемую форму сотрудничества: он передает им в дар скульптуру Николая II, они распоряжаются местом установки. Об этом они заблаговременно уведомили глав администраций Московской области и Мытищинского района.

В мае, в канун 100-летия коронавания Николая II, пришел ответ от районного главы: памятник не может быть открыт, ибо нет бумаг об отводе земли, разрешения Общества по охране памятников и решения художественного совета.

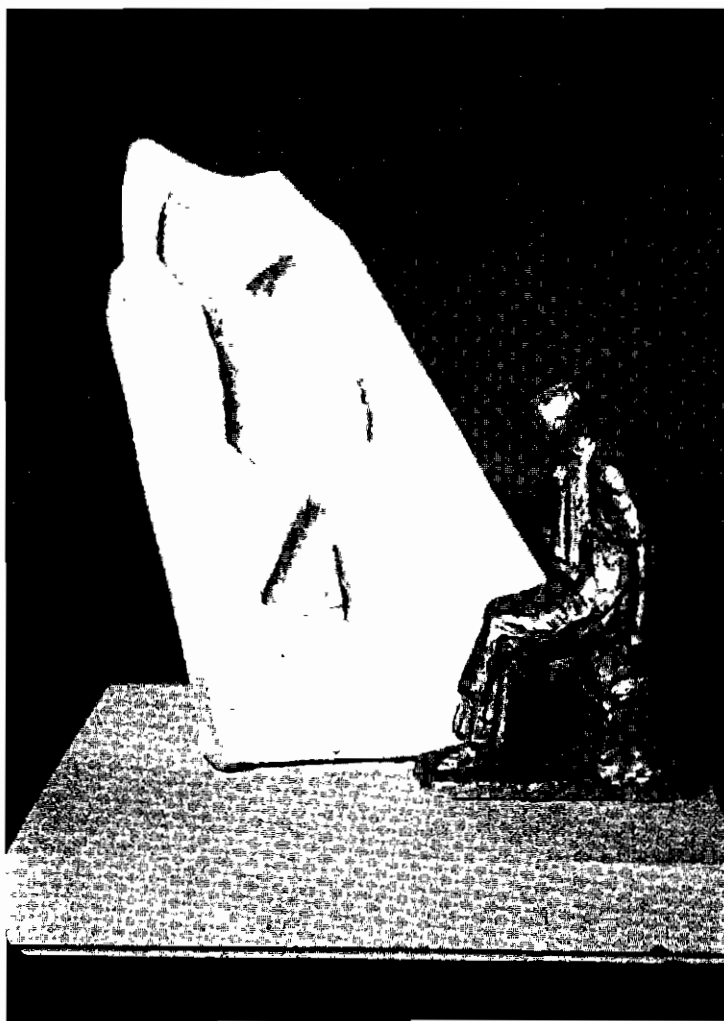
Спрашивается: а что стоило вам, господа властители, вам, называющим себя патриотами, получить нужные справки? Ясно было одно: шла игра, цель которой — отбояриться, сорвать открытие памятника. Клыкову говорили многие: власти не хотят заниматься этим вопросом, ибо до выборов боятся рисковать. Но ведь священная дата 100-летия коронации бывает раз в сто лет! И мы должны были достойно ее отметить.

Мать художника Лидия Тимофеевна Клыкова

В молодые годы

Макет памятника Советскому солдату в Афинах

«Бегущая по волнам»
у Детского музыкального театра им. Н.И. Сац

Деталь памятника К. Батюшкову в Вологде

У памятника Преподобному Сергию Радонежскому

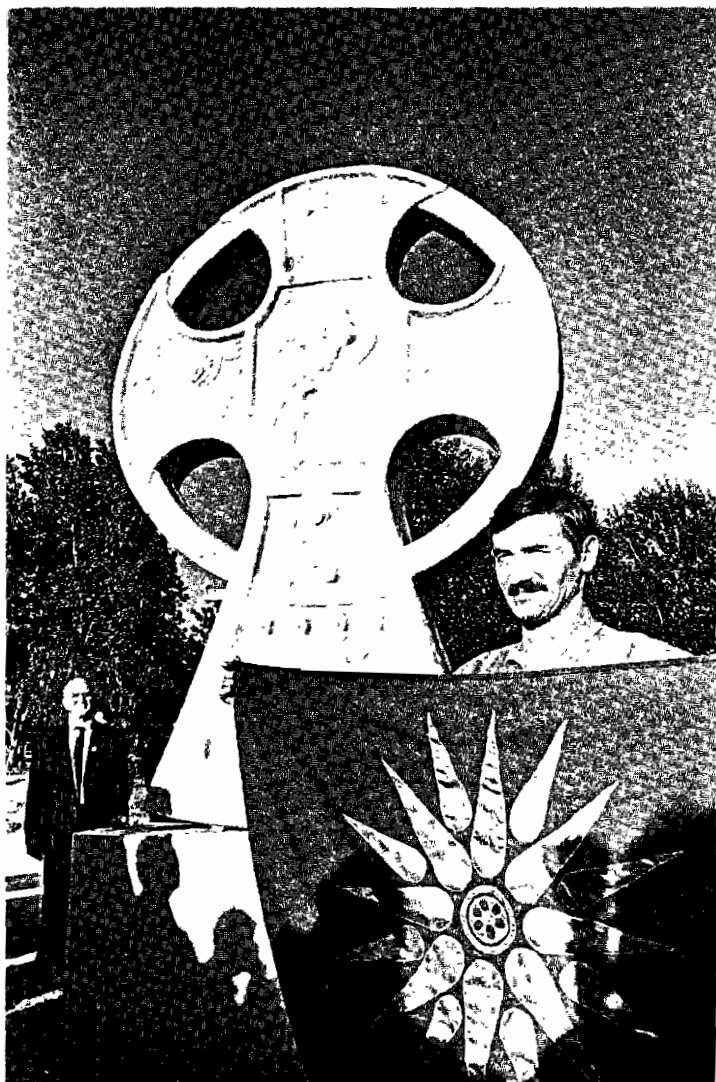
Преподобный Серафим Саровский

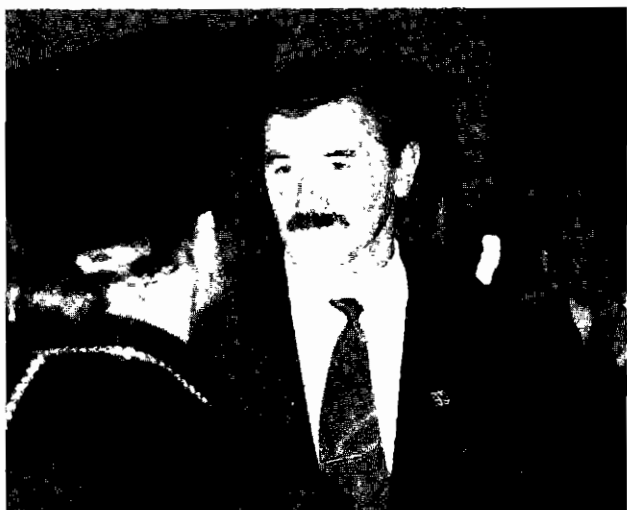
Открытие памятника
Святым равноапостольным Кириллу и Мефодию

Святой великий князь Святослав. Запорожье

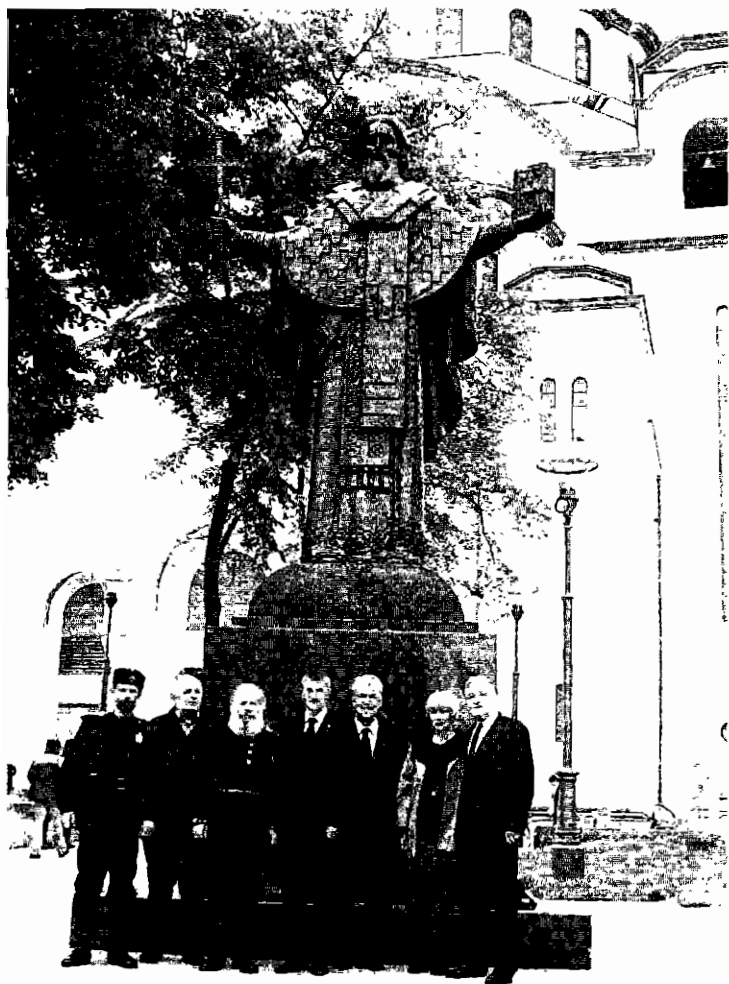
В Салониках после установки Поклонного креста
в честь первоучителей Кирилла и Мефодия

Вячеслав Клыков был участником многих православных акций

На борту фрегата «Дружба». Паломническая миссия Международного фонда славянской письменности и культуры. 1994 г.

У памятника Святому Савве Сербскому в Белграде

На Калужской скульптурной фабрике после завершения работы над памятником Петру I

Я подниму Курск!

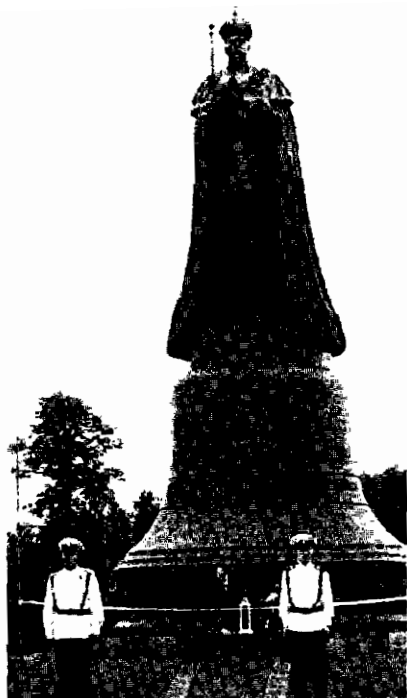
Вячеслав Клыков

В предвыборную кампанию

На Куликовом поле

Император Николай II. Московская область

Памятник поэту Николаю Рубцову в Тотъме

Крест на Красной Поляне

Памятник П.А. Столыпину в Саратове

Деталь многофигурной композиции
памятника П.А. Столыпину

В Арзамасе на Пушкинских торжествах
с автором книги Ириной Пановой

Святая княгиня Ольга. Псков

Постамент памятника Св. княгине Ольге

В селе Сростки Алтайского края,
на родине В.М. Шукшина

Православная миротворческая миссия «Свет миру».
2001 г.

Открытие памятника Игорю Талькову
на Ваганьковском кладбище в Москве

Памятник Г.К. Жукову у Красной площади

Брат Игоря Талькова Владимир во время установки памятника Маршалу Победы

Храм во имя Пресвятой Богородицы
на родине В.М. Клыкова

Он принял решение идти на открытие памятника вопреки отказу властей. Его поддержали Международный фонд славянской письменности и культуры, Всероссийское соборное движение, Молодежный культурно-просветительский центр фонда единства православных народов, Российское земское движение, Союз казачьих войск России и зарубежья, творческая мастерская «Держава», Российское и Московское дворянские собрания, Союз христианского возрождения и другие организации. Было решено открыть памятник 27 мая, в день 100-летия Священного коронования Их Императорских Величеств. Началось благоустройство территории в Тайнинке. Как изготовление памятника, его чеканку, так и расчистку территории Клыков полностью оплатил из личных средств. Поэтому смешно было читать утверждения газет, называющих себя демократическими, о том, что памятник Николаю II обойдется якобы нашим налогоплательщикам в 6 миллиардов рублей. Демпресса ссылается на Клыкова: мол, он сам назвал эту цифру. Чушь! Стоимость памятника касалась только его, бюджета его семьи.

Итак, было решено прорвать круговую поруку умолчания и провести праздник. Позиция Клыкова была прежней: хватит молчать! Настало время, когда русский народ должен сказать открыто: «Не прикасайтесь к отечественной истории! Не издевайтесь над нашими государями!»

Ему говорили, что, объявляя установку памятника и готовя торжественную церемонию празднования 100-летия коронации Николая II, он идет на риск. Но Клыков отмахивался: в чем же заключается риск? На создание скульптуры его благословил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, Государь-Император еще в 1981 году был канонизирован Русской зарубежной церковью и частично — Русской Православной Церковью. Во многих православных храмах страны имена Романовых

поминали в молитвах, по всем приходам собирались тысячи писем, в которых содержалась просьба о канонизации Царя-мученика. Все шло к тому, что Николай II будет причислен к лику святых. В то время, когда люди перед выборами метались, не зная, за кого голосовать, Клыков стремился обращением к русской идее, национальной монархии указать выход из Смуты, дать жизненные ориентиры, показать, кто подлинный хозяин Земли Русской, какая форма государственности законна и естественна.

Был продуман сценарий торжеств, встреча Крестного хода, которым казаки и представители общественных организаций должны были из Ипатьевского монастыря под Костромой через Ярославскую область, Ростов, Александров, Переславль Залесский, Сергиев Посад прийти в село Тайнинское.

На пресс-конференции, созванной в канун 100-летия коронации Николая II, Клыков специально вспомнил открытие в 1987 году памятника преподобному Сергею Радонежскому и подчеркнул: «Думаю, у нынешних властей хватит разума не разгонять народ, не выставлять солдат с собаками, милицию и молодчиков в штатском». Он выразил надежду, что власти дадут возможность спокойно провести торжества. «Ведь мы выбирали это руководство, которое полагает себя, надеюсь, не правопреемником коммунистических доктрин и тоталитарного строя в России, а заботится об укреплении нового российского самосознания», — сказал тогда скульптор.

Клыкова часто спрашивали: как он делал памятник Николаю II, какие испытывал давления, бесовские нападки? О творческом процессе вообще говорить трудно, его не выскажешь словами. «Наше искусство, скульптура, — молчаливо, зачем говорить о нем, пусть люди смотрят и судят, — считал Вячеслав Михайлович. — Другое дело — внешние обстоятельства, нервотрепка вокруг установки —

это мешает. Что же касается памятника Николаю Александровичу, то могу сказать, что делал его легко, на одном дыхании. Вместо положенных нескольких лет понадобилось для создания макета два месяца».

Государь стоит в мантии со скипетром и державой — атрибутами царской власти, он изображен в момент торжества — его личного и России, он спокоен и уверен в великом будущем Русского государства. Постаментом скульптуре служит стилизованный колокол, на котором написано: «Государю-Императору Николаю Второму. Русский народ — с покаянием. В честь 100-летия Священного коронования Их Императорских Величеств».

Не секрет, что идея Русской Монархии принимается с бешеной злобой некоторыми кругами нашего общества. Так, 21 мая 1996 г. в газете «Московские новости» журналистка Мария Чегодаева яростно обрушилась на Государя и планы открытия ему памятника. Ее статья пестрит такими выражениями, как «Николашка Кровавый», «грозный истукан», «Клыкковский идол», «маскарад в мантии» и т.д. Повторились выходки годовой давности, когда г-жа критикесса ополчилась на памятник народному маршалу Г.К. Жукову.

О риске, на который шел Вячеслав Михайлович и его соратники, водружая памятник Николаю II, все мы вспомнили, когда, через год после установки, в Тайнинском прогремел взрыв и мощным зарядом тротила памятник был разнесен на мельчайшие части, остался один фундамент. Выступая по телевидению в программе «Герой дня», Клыков на вопрос, кого он подозревает в совершенном теракте, ответил: «Пока нет доказательств — и подозрения беспочвенны».

Началось следствие, которое продвигалось ни шатко ни валко. Впрочем, оно не закончено по сей день. Но скажите, читатель, положив руку на сердце: каким следователям вы доверяете? Когда и кого им удалось разоблачить?

Так и тут: попытались все свалить на двух испуганных парней, представляющих якобы какой-то комсомол... Ребята то сознавались в преступлении, то отнекивались.

Клыков тяжело перенес случившееся, хотя внешне был спокоен. Вандализм, варварство, подлос издевательство над собственной историей — иначе этот акт не назовешь. Поддержкой Мастеру было сочувствие широких слоев общественности, осудившей бандитов.

Помню, в то время я вела вечер в Большом зале Центрального Дома работников искусств. Случайно увидев среди публики Вячеслава Михайловича, представила его: «Среди нас находится знаменитый скульптор...» Что тут началось! Овация не смолкала так долго, что Клыков вынужден был выйти на сцену, поблагодарить за поддержку, ответить на вопросы о ходе следствия.

Лишь летом 1998 года ему удалось открыть памятник Государю-Императору Николаю II. По предложению казачков и с их помощью он установил в Подольске уменьшенную копию тайнинской фигуры. По счастливой случайности, на Калужской скульптурной фабрике сохранился каркас модели, по нему и был восстановлен памятник. Калужские чеканщики, которые делали первый вариант, сказали мне: «Повторить то, что было в начале, нам все равно не удалось. Такая работа пропала!»

Увы, судьба и подольского памятника оказалась трагичной: снова взрыв, снова некого судить за варварство.

Клыков был тверд в своем решении: «Восстановим памятники и там, и здесь. В самое ближайшее время».

Итак, история создания в России памятника Государю Императору Николаю Александровичу Романову такова:

26 мая 1996 года, к 100-летию со дня коронации Николая II — открытие памятника в подмосковном селе Тайнинском.

1 апреля 1997 года — взорван памятник в Тайнинском.

28 июля 1998 года, в день памяти Святого равноапостольного великого князя Владимира — открытие памятника в подмосковном Подольске, у храма, построенного в честь Новомучеников российских на средства атамана Подольской казачьей станицы В.П.Мелихова. Материал памятника — тонированный гипс, высота фигуры — 2,6 м, постамента — 2,25 м.

31 октября 1998 года, в сатанинский праздник «хэллоуин» — взорван памятник в Подольске.

16 января 1999 года — открытие и освящение памятника в Подольске, на месте взорванного. Материал — медь, постамент из белого камня.

Середина лета 1999 года — открытие и освящение памятника в Тайнинском.

К этой хронике добавим вот что. Памятники сооружались и сооружаются на средства В.М.Клыкова и его друзей. Для охраны статуи в Подольске были приняты исключительные меры безопасности: учрежден постоянный пост вневедомственной охраны. Охраняется и памятник в Тайнинке. После открытия памятника в Подольске Вячеслав Михайлович в интервью, переданном по всем каналам телевидения (и не только отечественного), подчеркнул, что кощунственные взрывы памятников Николаю II — дело рук сатанистов. «Я готов с оружием в руках защищать свое детище, — сказал Клыков. — Каждый, кто покусится на памятник исторической государственности России, — получит пулю в лоб».

Глава 17

РАДУЙСЯ, БЛАГОВЕРНЫЙ ГРАДЕ!

Как же мы тебя восхвалим, о честный и славный среди земных владык, безмерно мужественный Василий? Как выскажем восхищение твоей добротой, крепостью и силой? Какую благодарность воздадим тебе за то, что благодаря тебе познали мы Господа и избавились от прельщения идольского, ибо по твоему повелению на всей земле славится Христос?

Иларион, «Слово о Законе и Благодати»

4 августа 1998 года в Белгороде был освящен величественный памятник князю Владимиру Святому, Крестителю Руси. «Милостыня мужа — как печать у него», — эта библейская истина передает суть дорогого всем русским, всем славянам образа — святого равноапостольного Владимира, великого князя Киевского, Крестителя и Собирателя Руси, основателя многих крепостей по ее южным рубежам, в том числе и Белгорода, — для защиты от набегов кочевников.

...Как же мы тебя восхвалим, Красное Солнышко, ласковый князь Владимир Стольнокиевский? Древнерусская литература, богатейший наш фольклор прославили тебя в веках — как мудрого самодержца, сплотившего Русь, объединившего восточных славян, как просвещенного государственного деятеля, много сделавшего для развития об-

разования и культуры, духовного лидера, при котором в 988 году произошло Крещение Руси — добровольный, радостно воспринятый акт, открывший для великой страны, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли», — закономерный и важнейший этап в ее истории.

Писатель Древней Руси называет тебя присным рабом Христовым, в котором благоверие сопряжено с властью, другом Правды, гнездом Милосердия, смело идущим «брань имети с погаными», жизнь положившим на то, чтобы «блюсти землю Русскую». Политику твою сравнивают с деяниями апостолов, обративших в христианство разные языки: «Готово сердце его уповати на Господа; отвержено сердце его и не дрогнет».

...Со всех концов пришли в Белгород Крестным ходом православные люди, чтобы отметить великое событие — открытие памятника Владимиру Святославичу. Крестный ход начался 28 июля 1998 года, в день Святого равноапостольного великого князя Владимира, а 3 августа, в канун торжества открытия, в Белгороде встретились паломники из Москвы, Тулы, Белева, Пскова, Харькова, Киева, Минска, Краснодара, Севастополя. И вот 4 августа, после литургии в Преображенском соборе, Крестный ход мощной рекой потек через весь город к Харьковской горке, где уже был установлен грандиозный памятник Владимиру Святому, выполненный Вячеславом Михайловичем Клыковым. Монумент, изготовленный из тонированной кованой меди и установленный на 15-метровом пьедестале (общая высота 22 метра), хорошо вписался в окружающий ландшафт: холмы, покрытые густым лесом, протяженный, широкий автомобильный мост, через шоссе — новые городские кварталы. Многоярусный постамент памятника богато украшен орнаментом и народной символикой. В главной его части — рельефы, изображающие наших молитвенников и заступников: святителя

Иоасафа Белгородского, преподобного Серафима Саровского, Царя-мученика Николая Александровича Романова. В центре — Крест Прोцветшее Древо, древний знак русичей, утверждающий возрождение. Следующий ряд скульптурных изображений представляет святых воинов Руси. А сама фигура Владимира...

В марте 1997 года с группой журналистов мне довелось присутствовать на скульптурной фабрике в Калуге, где Вячеслав Михайлович обычно готовил памятники в натуральную величину. Шла приемка госкомиссией фигуры Владимира, пока еще выполненной в глине. Тогда Владимир воспринимался как образ красивого, мудрого русского человека. Его задумчивое лицо, одежда, доспехи, державная осанка, величавая поза — все располагало к себе зрителя. И все же центральный персонаж будущего памятника представлялся именно человеком, в котором скульптор угадал типично национальные черты. Теперь же... Владимир взмыл на такую высоту, так прочно утвердился среди прекрасной природы, такое значение ему придали задуманные автором важные компоненты мощного пьедестала, что он как бы преобразился и стал уже восприниматься скорее как символ, как напоминание о нашей истории, глубокой духовной жизни, о Русской Правде. Как каждый символ, он побуждает задуматься, «откуда Русская земля стала есть» и как она «есть» сейчас. Словно сама Россия предстает перед нами — страдающая и мужественная, мятущаяся и озаренная, боголюбивая и нищелюбивая, талантливая и вдохновенная, победительная и пре- красная. Россия твоя и моя. Родина.

Святой Владимир уверенно стоит лицом к городу, левой рукой опираясь на щит, а правую, с православным крестом, возносит над миром. Именно возносит, поднимает, а не держит статично над головой. «И воздвиг десницу свою, и благословил, и разгна бесы, яко дым бо исче-

зоша». Увы, далеко еще нам до разгона нечисти, скверны, стремящейся залить страну. Крестом в деснице великий князь благословляет свой народ, ограждает его, утверждает истинную веру, которой «угашаются все раскаленные стрелы лукавого».

«[Пришли князья] на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю...» И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская» (*Нестор. Повесть временных лет*).

Открытие памятника — всегда торжественный, официальный, немного скучный акт, когда заранее знаешь, кто за кем выступит и что скажет. На сей раз удалось избежать официоза. Выступали паломники из разных городов, их мэры и губернаторы, архиереи Русской, Украинской и Белорусской Православных Церквей, В.М.Клыков, и все — и митрополиты, и представители общественности — говорили взволнованно, от души. Славили деяния Владимира Святого.

Белгородье — сердцевина Черноземья, Европейской России, центр русской жизни — духовной, общественной, политической, культурной. Однажды, выступая публично, Вячеслав Михайлович Клыков сказал: «От Беловежья — к Белогорью». Эти слова стали девизом 1997 года — Года единения славянских народов, провозглашенного на совещании в Белгороде главами администраций 18 центральных областей. На открытии памятника также прозвучал этот девиз, актуальность его не исчерпана и поныне: развалу, распаду, которые символизирует Беловежская пуца, мы должны противопоставить конструктивное сотрудни-

чество, совместную творческую работу, жизнь одним народом, или, как сказал гениальный писатель древности, «единым сердцем».

Высочайшую оценку выступавших заслужил памятник, его создатель и руководимый им коллектив мастерской «Держава».

«И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет, и во всем, что он ни делает, успеет» (Псалтырь. Из псалма 1).

Вячеслав Клыков был художником неожиданным. Каждая его работа, при всем их несомненном сходстве в главном — гражданский пафос, народность, щемящая лиричность — поражает новым поворотом, необычной стилистикой, оригинальностью художественных приемов. С трудной задачей — вписать образы тысячелетней истории в современную урбанистическую панораму, сочетать лики святых с классическими формами постамента и новыми материалами — мастер и его помощники справились блестяще. В памятнике Владимиру Святому В.М.Клыков показал новую грань своего таланта, художнического видения. Поражает работоспособность мастера: каждый год он открывал памятник, а то и два, что в кризисных финансовых и экономических обстоятельствах было делом просто героическим. Например, придя в Белгород вместе с московскими паломниками, он по пути следования Крестного хода открыл три новых памятника: Государю-Императору Николаю Второму в Подольске, Поклонный крест в Веневе близ Тулы и памятник преподобному Серафиму Саровскому в Курской Коренной пустыни (преподобный Серафим — курянин по рождению).

Здесь, на Белгородчине, установлены три памятника работы Клыкова, все они очень разные по языку и ритмическому построению. Памятник великому актеру, белго-

родцу М.С.Щепкину — это глубокий психологизм, тихое раздумье. Монумент Победы на Прохоровском поле. От Прохоровского поля к хутору Сторожевому ведет новая асфальтированная дорога, которую местные жители окрестили «Клыкской» — она построена после установки скульптором Креста-памятника на братской могиле наших воинов, которая ежегодно пополняется новыми захоронениями. И вот теперь был героический, монументальный Владимир. Уроженец здешних мест, скульптор словно отдает себя по частицам святой земле Белогорья...

Памятник освятил митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Деятельное участие в празднествах приняли также архиепископ Симферопольский и Крымский Лазарь, архиепископ Глуховский и Конотопский Ионафан, епископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, игумен Киево-Печерской лавры Иосиф, благочинный Севастопольского округа протоиерей Георгий и другие.

Судьба памятников непредсказуема. Никакие статьи и рецензии не способны угадать, определить ее. Лишь народ может решить: ладно ли с новым «земляком» или худо, или безразличен он, незаметен. А если полюбился он людям? Сразу же после открытия монумента святому равноапостольному князю Владимиру на красиво оформленных пандусах и лестницах, у чугунных оград и в новой ротонде (все оформление — прекрасная работа белгородских мастеров!) появились празднично одетые гуляющие — с детскими колясками, с цветами, фотоаппаратами. Памятник стал символом и визитной карточкой города, а близлежащая местность — любимым местом отдыха белгородцев.

«Веселится народ похвальному праведнику», а святой словно говорит людям через тысячу лет: «Радуйся, благоверный град, Господь с тобою!»

Глава 18

ГОРЖУСЬ, ЧТО Я РУССКАЯ

Липа вековая
Над рекой стоит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Русская народная песня

Композитор Георгий Свиридов сказал о курско-белгородских землях: «Это самый песенный край России». И действительно — как здесь поют! Как любят песню, бережно сохраняют многовековые музыкальные традиции! Не случайно народ славит курских соловьев — и залиvis-тых птиц, и голосистых деревенских певцов и певуний. Курским соловьем называли и великую русскую певицу Надежду Васильевну Плевицкую (1884—1941), талантом которой восхищались Государь Император Николай II, Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов, С.В. Рахманинов, крупнейшие писатели, актеры МХАТа... Она прославила на весь мир русскую народную песню, дала толчок ее дальнейшему развитию, осталась в творчестве нынешних музыкантов-профессионалов.

Время, когда Н.В.Плевицкая вышла на сцену, было особенным: в русском обществе ощущался патриотический подъем, возник крестьянский хор М.Е. Пятницкого, на выступления которого с трудом можно было достать билет, в Дворянском собрании Москвы при огромном сте-

чении публики выступали народные сказители и певцы... И это не было данью моде: к народу, его духовности, его культуре обращались лучшие умы России. В числе наиболее сильных эстетических впечатлений своей жизни они называли пение Надежды Плевицкой.

Будущая великая певица, а по-местному Дежка Винникова, родилась в селе Винниково, что в 18 километрах от Курска. Пятый ребенок в семье, она рано приобщилась к крестьянскому труду. Отец и мать ее, люди глубоко верующие, неутомимые труженики, любили песню, хорошо «играли». Дежка плела с подругами венки на Троицу, водила хороводы, заслушивалась пением народных исполнителей, после которого, как она потом вспоминала, «ходила как замороженная и стала гордиться, что русская». Как тут можно было самой не запеть, тем более, если у тебя такая природная постановка голоса? Такой редкостный тембр?

Окончив трехклассное сельское училище, она два года прожила послушницей в Курском Троицком монастыре, увлекаясь церковным пением. Затем попала в бродячую цирковую труппу, и — начались ее многолетние «хождения по мукам». Жизнь сложилась трагически, словно сюжет приключенческого романа.

Горничная в купеческом доме, работа в хоре Липкина в Киеве, балетная труппа Штейна, где она танцевала вместе со своим мужем Эдмундом Плевицким, с которым вскоре рассталась. Капелла Минкевича, гастроль в Петербурге и Москве уже в качестве солистки этого хора. В Первопрестольной голосистую курянку приглашают петь в ресторане «Яр». На нее ходит «вся Москва». Л.В. Собинов приглашает петь вместе, прославляя этот «талант-самородок». Перед Плевицкой открывается широкая артистическая дорога, она поет на самых знаменитых сценах страны, ее принимают при Дворе.

Осуществилась и давняя мечта Надежды Васильевны: она покупает в родном Винникове землю, строит дом (на его фундаменте сейчас сельская школа). Но начались войны — Первая мировая, потом Гражданская. Плевицкая поет перед солдатами в действующей армии, в госпиталях, пластинки с записями маршей и походных песен в ее исполнении расходятся по всей России. Она выступает затем перед бойцами Красной Армии, помогает беспризорным детям. Вместе со своим вторым мужем, поручиком Левицким, надежда Васильевна покидает Россию. Начинаются 20-летние скитания по чужбине. Плевицкая много поет в Европе и Америке, записывает пластинки, пишет автобиографические заметки, снимается в кино.

В 1937 году она была арестована французскими властями по обвинению в содействии похищению генерала Миллера, руководителя Российского Общевоинского Союза. Несмотря на отсутствие прямых улик, французский суд признал ее виновной, действовавшей по заданию московской ЧК, и приговорил к 20 годам каторжной тюрьмы. На суде певица держалась стойко, упорно отрицала абсурдные обвинения. Скончалась она в заточении во время фашистской оккупации Франции.

Творчество Н.В. Плевицкой, а в ее репертуаре было более трех тысяч песен, — свидетельство тому, что только подлинно национальное может завоевать мир. «Искусство не наука, — говорил художник И.Крамской, — оно только тогда сильно, когда национально. Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое, пробивается в искусстве только через национальную форму». Огромное разнообразие песенных интонаций, высокое артистическое мастерство, тщательная лепка образа, своеобразие трактовки народных мелодий, помноженные на глубокую любовь к родной земле, русскому народу, — вот секрет обаяния певицы.

Нужно ли говорить о том, как тяжело переживала Надежда Васильевна эмиграцию, разрыв с Родиной?

«Грозная гроза прогремела, поднялся дикий, темный ветер и разметал нас по всему белому свету. Но унес с собой каждый странник светлый образ Руси, любви к Отечеству дальнему и благодарную память о прошлом», — писала Плевицкая. Вновь и вновь возвращалась она мысленно к тому роковому дню, когда «дикий ветер» оторвал ее от живых корней: «Кто думал тогда, что погаснет моя Родина дорогая, что с голоду умрут мои сестры и братья, что смолкнет песня привольная...»

Сколько их было, в изгнании и рассеянии сущих, мучимых «великой тоской по родине», чающих возвращения домой, «в воскресающую Россию»? Многочисленны свидетельства прекрасных русских людей об этой острой, горестной, гибельной тоске по родной земле, любимой «до боли сердечной». Приведем лишь три свидетельства.

Алексей Михайлович Ремизов: «Опустела душа, и остался один телесный чехол».

Иван Алексеевич Бунин: «Боже, как тяжело! Мы отправляемся в изгнание и кто знает, вернемся ли?»

Александр Иванович Куприн: «Умирать нужно в России, дома. Так же, как лесной зверь, который уходит умирать в свою берлогу... Скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая. Ах! Есть люди, которые по глупости или от отчаяния утверждают, что и без родины можно или что родина там, где ты счастлив... Мне нельзя без России». Садясь в поезд, чтобы вернуться, он сказал: «Я готов пойти в Москву пешком».

Мы привели рвущие душу слова именно этих наших знаменитых писателей не только потому, что на чужбине они дружили с Надеждой Васильевной Плевицкой, — она поддерживала теплые отношения со многими выдающимися деятелями русской культуры, — но главным образом

для того, чтобы показать, как себя чувствовали в эмиграции люди, близкие ей по духу, схожие по индивидуальности, направлению творчества, той неистребимой русскости, которая проявляется во всем. Конечно, оторванность от России, а ей они были обязаны своим прекрасным даром, от стихии родной речи, от океана народной жизни для них была просто губительна. Там, в рассеянии, томясь жесточайшей тоской по утраченной Родине, они продолжали и жить, и дышать ею.

Надежда Васильевна взялась за перо.

«С обрыва видна дальняя даль: синеют леса святорусские, дым деревень, пески, проселки-дороги, хлеба. Вот облака-паруса осветило кротким румянцем — заря, моя зорюшка, нежная, алая, свет тишайший над Русью».

Кто еще мог так написать? Только человек, трагически переживающий эмиграцию — роковой рубеж в своей жизни, плачущий по милой Родине.

И еще: подлинный, нежный, чуткий поэт.

В эмиграции вышли четыре книжки воспоминаний Плевацкой, две первые — «Дежкин карагод» и «Мой путь с песней» изданы в 1993 году и в Москве. Сразу после появления в 1930 году в Берлине «Дежкиного карагода» книга привлекла внимание читательской аудитории, зарубежная и эмигрантская критика высоко оценила литературный талант автора. Писатели, литературоведы, певцы, музыканты, актеры, политические и общественные деятели, военные, все, кто интересуется историей России и ее культуры первой трети XX века, да и просто русские люди, любящие свою страну, свой народ, — читали и перечитывали Плевацкую, ее книги неоднократно цитировались и у нас в самых разных, в том числе академических изданиях.

Она, великая русская народная певица, слышала немало восторженных похвал своему искусству. «Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской пес-

не. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь», — пишет Плевицкая. Те же «тихие струны» затрагивает она и своими воспоминаниями.

За каждой строчкой мемуаров встает образ автора — вот она девчужкой-непоседой пасет гусей, сторожит коноплю, вот верхом на расписной палочке всю дорогу в восемь верст скачет за богомольцами в Курскую Коренную Пустынь, вот заканчивает трехклассное церковноприходское училище, вот она послушница в монастыре, вот, посетив впервые цирк-шапито, начинает мечтать о «балагане» — пении, искусстве, театральной сцене.

Всю жизнь она гордилась тем, что деревенская. «У земли и душа чище, и тело крепче: по себе знаю. Небесный деревенский простор будто заглядывал в душу, и ширилась она, и светлела, прощала и любила», — пишет Плевицкая.

О земляках: «Жадные на работу, как будто боятся, что у них отнимут ее». И хотя семья Винниковых была небогатая: семь десятин пахоты на семь человек, — родители Надежды (Нади, Надежи, Дежки) были хозяева крепкие, и при хорошем урожае у них имелся достаток, «к Покрову — всего вдоволь».

Плевицкая описывает времена года в деревне — светлую весну на дворе, зимние вечера в избе, когда при лучине она заслушивалась преданиями, сказами, несущими народные поверья (русалочки ночи, обряд кумовства), праздники Рождества, Пасхи, Светлого Христова Воскресения, подготовку к ним, церковные службы, праздничные гуляния, горячее волнение карагодов, детские игры: в «корщунна», в «пашню», в «селезня», — свадебные обряды, поминальные тризны.

«Крепко живет во мне память о светлых днях милого детства, — говорит Плевицкая. — И как крепка во мне

вера, данная моей безграмотной матерью. Сокровище, завещанное ею, я не потеряла и здесь, на чужбине. Оно дает мне силы сносить горечи обид, дает надежды дожидаться светлого будущего». Радость духа, приходящую через страдания, свет веры, помогающей жить, она считала выше радости артистической славы: это не проходит, радуется до конца дней.

Русская песня... Для Плевицкой это простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. «Русская песня не знает рабства, — отмечает автор. — Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души: нотной бумаги, нотных знаков не хватает. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу. «Ключ от песни не далешенько зарыт, в сердце русское пусть каждый постучит...»

Так она и пела — пьянея от родных мелодий и слов, от рукоплесканий. Не пела, а делилась с людьми данным ей богатством, «рассказывала свои песни так, словно вела душевную беседу с дорогим другом, открывая ему свои горести и радости», по ее словам.

И ведь не училась никогда этому искусству, никаких консерваторий не кончала. Впрочем, как это «не училась»? А мама ее, Акулина Фроловна, «большая певунья-игрунья»? А самая голосистая на селе Настена, которой стремилась подражать Дежка? А гармонист Ванька Юдич, который «как заиграет, суставы ходором ходят», по выражению сельчан. Выбивая огневую дробь под лихую Ванькину гармонь, выходит в круг танцор, да как «тряхнет головой, заломит шапку на затылок, прискажет:

Раздергало тебе,
Раздергало тебе...

Ходи хата, ходи печь,
Хозяину негде лечь.

Когда-нибудь это замечание Надежды Васильевны Плевицкой об умельцах-исполнителях непременно войдет во все учебники фольклористики — в нем необыкновенно точно подмечено главное качество нашей песни: передавать стремление к простору (объять всю нашу необъятную страну!), к расширению в пространстве, в дали поднебесной.

Как драгоценными камнями, украшены мемуары певицы русскими песнями, многие из которых она приводит полностью (какое подспорье для современных исполнительниц!). Вот скоморошья, гульбишная:

Вы, комарики, комарики мои,
Комарушки — мушки маленькие...

Вот протяжная:

Дунай-речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит;
Размолоденький солдатик
Полковника просит.

Вот выходит в круг «размолоденький солдатик», а то и почтенный, «умственный» мужик, и начинает:

В Таганроге случилась беда...

Надежда Васильевна замечательно описала свадьбу, вихрь которой был слышен всю ночь: «Гудела горница пляской, песнями, заливался гармонист, дробным жемчугом рассыпался Якушка: то соловьем засвищит, то

выкрикнет: «Раз, два, чище!» Ну и отвел же душу, ну и уважил».

Кто хоть раз бывал на сельском празднике в курско-белгородских краях, наверняка скажет, что самое большое впечатление на него произвел карагод.

Курагод, корогод, карагод — хоровод! И хоть называют его в наших краях по-разному, суть одна: люди стоят, образуя круг, исполняя то по очереди, то вместе песни и пляски. Хоровод выражает стремление к соборности, к общению, к совместной радости, празднику. Куряне долго готовятся к карагоду, обдумывают костюмы, ладят нехитрые жалейки-дудочки, изображают кто петуха, кто волка.

Плевицкая описывает карагод необыкновенно красочно: «Метет, летает кругом яркоцветный, ликующий вихрь». Горят на солнце вышитые паневы, кички, передники, звучат радостные переливы песен...

И вот еще одно верное замечание автора о русских песнях: никогда в них нет пошлых слов, скабрзных намеков.

Соловей кукушечку уговаривал,
Молоденький рябую все сподманивал...

Недаром Плевицкая вспоминает слова своей мамы о репертуаре дочки: «Песни поешь такие, что их и в церкви не грех петь да слезами обливаться».

Акулина Фроловна — один из лучших образов русских крестьянок в нашей литературе. Вечная труженица, уважаемый на селе человек, она не только пению научила Дежку — научила в мае травы собирать, которыми людей лечат, научила ценить труд крестьянский, любить родную природу. А как она тяжело переживала, что Надя «такая настырная, что даже — прости Господи Дежкины прегре-

шения — в ахтерки сбежала». Потом поняла, что можно и в балагане жить, а душу не загубить.

Прекрасны образы крестьян. Вот такие, например, портретные характеристики: «Настя — статная и румяная молодайка со смелой улыбкой, а зубы, что кипень. И когда несет она коромысло с тяжелыми ведрами, будто у нее перышко на плечах. А поступь у Насти под стать царице». Настин отец — «добродушный и пригожий богатырь». Братья-близнецы так похожи друг на друга, такие славные. «Если спросить мальчишек, как зовут, сразу оба отвечают: «Я Жахар», «Я Штепан». Невеста: «Чистое, хорошее лицо, а глаза голубые, добрые, а зубы — веселая белизна».

Картины Москвы, которую любила Надежда Васильевна, иначе как стихами в прозе не назовешь. Она стоит у окна своей квартиры (в Дегтярном переулке или в следующем от Тверской — Настасьевском), любуется зимней Москвой: «Сквозь белую дымку мелькают дуги расписные, легкие сани, седоки в бобрах. Зимнее московское утро, родимая Москва, Серебряная Царевна моя, сон далекий». В другой книге: «А сама Москва — Белокаменная, наша хлебосольная, румяная, ласковая боярыня, кого не заморозит! Кланяюсь тебе земно, издалека, матушка наша. Улыбнись мне прежней улыбкой и прости, что, может, мало тебя, родная, ценила».

Говоря о своем творчестве, певица упорно подчеркивает: «Мое простое художество, мои крестьянские песни». И хоть далеко занесла ее лукавая жизнь, все же духовное богатство, закалка характера, полученные в детстве, помогали ей нести свой крест — «украшенный песнею, волнующий, тяжкий, но радостный». «Чтобы знала я, как в труде живут, родила меня крестьянка-мать и отец мой, пахарь-труженик».

Нелегко давалась Плевицкой певческая карьера: перед выступлениями подгибались колени, холодели руки, резко теряла в весе, лечилась от нервного истощения. Но поддерживала ее мысль: люди должны знать русскую песню, дивиться ее красоте. Поддерживали умнейшие и благороднейшие русские люди, гордившиеся дружбой с Надеждой Васильевной.

Сейчас я назову некоторые имена ее друзей, представителей разных областей искусства и культуры, но объединенных одним: перед каждым именем можно поставить эпитет «великий».

Она разучивала песни и пела с Ф.И.Шаляпиным и Л.В.Собиновым, слушала советы К.С.Станиславского, которого называет «московский маг в ослепительной седине», И.М.Москвина («Замоскворечье в лицах»), М.Г.Савиной. Она хохотала на мхатовских капустниках, восхищалась на поэтических вечерах стихами С.А.Есенина и Н.А.Клюева. Дружила с членом Государственного Совета, московским хлебосолом М.А.Стаховичем и меценатом С.С.Мамонтовым.

Она была принята при дворе, ей оказывали благосклонное внимание барон Фредерикс, князь Трубецкой, московский губернатор Джунковский и градоначальник Адриано, графиня Шувалова и княгиня Васильчикова, высшие военные чины, министры, фрейлины.

Каким же чувством патриотизма, какой добротой, каким благородством нужно было обладать, чтобы так возвысить крестьянскую певицу, ободрить ее, внушить ей уверенность в собственных силах! И не только ради нее самой, такой милой и приветливой Надежды, — ради русской песни...

«Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души, величественной простотой своей и покоряющей скромностью» — так Плевицкая пишет о Государе Императоре

Николае II, который ласково относился к певице, наградил ее бриллиантовой брошью с двуглавым орлом и медалью. Она с любовью описывает встречи с Императором, его скромную особу, способность понимать шутку — простую, крестьянскую, незатейливую. «Самая простая песня в вашей передаче становится значительной и проникает в сердце», — сказал певице Государь.

Ее нежно приветила Государыня, не раз приглашала в свою петербургскую школу рукоделия, где обучались и работали девушки из всех российских губерний. Плевицкая танцевала и играла в разные игры на вечерах, которые устраивали царевны и великие князья. И, конечно, пела на всех этих вечерах — от всей души, в знак благодарности и искренней любви к Государю-Императору и его Августейшей семье...

По тексту книг разбросаны признания: «Я — вне политики», «Я — актриса, меня не убьют» и т.д. В одном месте — более определенно:

«О политике я знать не знала, ведасть не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я была в политике не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, то... была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус».

Доброта Плевицкой вошла в поговорку. Она помогала крестьянам в засуху, погорельцам давала деньги на новые срубы, бесприданницам — «на обзаведение», на ее деньги отлили новый колокол для сельского храма; несмотря на занятость, она попечительствовала в церковноприходской школе.

«Мне поныне кажется, что я не жила, а все радовалась!» — заметит она позже.

Хорошо описывает Плевицкая начало Первой мировой войны, когда «все сплотились, никто не спрашивал:

како веруешь, все были дети матушки-России». Надежда Васильевна стала сестрой милосердия, и ее долго потом преследовали мученические глаза раненых. Она отступала на юг вместе с Белой армией, пела для солдат и офицеров, пыталась подбодрить, укрепить дух. И потом давала много концертов для эмигрантов, бесплатно, конечно, как же еще...

И книги ее стали подкрепой для русских людей, оказавшихся на чужбине. «Дежкин карагод» вышел с предисловием Алексея Ремизова, которое писатель назвал «Венец». Это притча об Иисусе Христе и святом апостоле Петре, замечательное философское раздумье. В петербургском тумане, на фоне индустриального пейзажа идут святые в ночь перед Рождеством и слышат, что зовут их люди. Но Христос вошел в дом не к тем, у кого «черствое сердце» было далеко, а к тем, кто «чист сердцем, чьи песни святые». Он вошел в «дом» к Плевицкой, осенил ее книгу, ибо книга эта — «не из золота, не из жемчуга, а от всякого цвета красна и бела, и от ветвей Божия Райя неувядаем венец от слов и песен чистого сердца».

Так высоко оценил писатель литературный труд Плевицкой. И ее саму — «чистое сердце».

«Под Андрея Первозванного поставили мы в бутылку черемуховые ветви, — вспоминает Надежда Васильевна один эпизод из своего детства, — и загадали: у кого расцветет, тот будет счастлив. У сестер зачихли, а моя ветка — на удивление пышная». Символично звучит: Господь Бог пометил Дежку, осенил ее талантом, особую участь уготовил. Не то ли это знамение свыше, что и Ааронов жезл?

И еще один символический эпизод. Словно предчувствуя свою трагическую гибель, Плевицкая рассказывает вещий сон, который ей приснился после похорон Акули-

ны Фроловны. Будто стоит Надежда на колокольне деревенской церкви и видит: летает в смятении белый голубь, гонимый стаей черных птиц. Метнулся голубь и пал в когти ворону, повис бездыханный. Слышит Надя снизу голос матери: «Вот тебе, Дежечка, крылышко голубочка, которого вороны заклевали».

Как ни металась чистая душа, а попала все-таки в западню к темным силам. Заклевали они ее, погубили.

Когда я читала книги Плевницкой, все думала: где-то здесь, совсем рядом с ее любимым Мороскиным лесом, проходило детство и Вячеслава Михайловича Клыкова. Так же он гусей пас, рыбу ловил, по грибы-ягоды ходил, а на праздниках в карагоде плясал. Мне ведь довелось видеть в Мармыжах: и поет, и пляшет он непередаваемо — по-деревенски, по-местному. Вот по этой дороге, по которой «ехала» на расписной палке босоногая восьмилетняя Дежка и мечтала о новых лаптях, шел и он «учиться на скульптора». Не встретил паренька бархатный курский благовест — долетавший когда-то за многие версты голос знаменитого Чудо-колокола, давно уже к тому времени сброшенного с колокольни. Вот, направо от Московских ворот, дорога на Коренную Пустынь. По ней бежала Дежка вприпрыжку за матерью, шедшей на богомолье. Дежка запомнила на всю жизнь золотые купола Святой обители, видные за восемь верст на горе в роще, старинную длинную лестницу, внизу — часовню у Святого колодца, где явился образ Знамения Божией Матери.

Слава Клыков, тоже любивший ходить в Коренную Пустынь, уже не застал ни длинной лестницы, ни часовни, ни золотых куполов. Когда мы, делегация Международного фонда славянской письменности и культуры, осенью 1991 года приехали в Курск проводить конференцию

«Русский чернозем» и Вячеслав Михайлович привез нас в Коренную Пустынь, мы увидели руины, груды битого кирпича, полуразвалившееся здание у входа, где были кельи монахов мужского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы, и строящийся храм. Мы приуныли, но потом, слушая речи встретившего нас архиепископа Курского и Рыльского Ювеналия, который рассказывал о том, как все здесь будет через несколько лет, да так рассказывал, что и мы светлую картину представили, — все повеселели, пошли в недостроенный храм на литургию, потом сбежали по крутому склону (где она, Дежкина длинная лестница?) к Святому источнику, попили водички и, вслед за Владыкой, который бодро шел в сапогах по грязи, протопали к сельскохозяйственной ферме, где монахи держали скот и лошадей. Полюбовавшись на новорожденного теленка, пошли назад кружной дорогой, посуху: в темноте даже длинноногий Клыков не смог бы нас вытащить из жидкого чернозема, который засасывал, как болото.

Теперь не то. Летом 1998 года удалось вновь побывать в Коренной Пустыни. Тысячи богомольцев, малиновый звон колоколов, восстановленные строения монастыря, часовня, длинная лестница, ротонда, с которой открывается дивный вид на широкие курские дали. А через дорогу — современное здание музея Коренной Пустыни с прекрасной экспозицией. Здесь всегда приветливо встречает Клыкова и его товарищей директор музея Вячеслав Николаевич Лысых, друг скульптора, учившийся в одном классе с его сестрой Аллой. Осматривая музей, Клыков всегда с гордостью отмечает, как он пополняется, как хорошо научная работа ведется... Здесь много экспонатов, рассказывающих о Курской битве, об установке Монумента Победы, знаменитой клыковской Звонницы. Да и возрождение Коренной Пустыни связано с именем Вячеслава

Клыкова: еще в 1989 году он предложил установить здесь памятник великому курянину — преподобному Серафиму Саровскому. В курской библиотеке имени Н.Асеева состоялось собрание инициативной группы, на котором Вячеслав Михайлович продемонстрировал модель памятника, одобренную собравшимися и всей патриотически настроенной городской общественностью. Протоиерей Лев Лебедев тогда неоднократно доказывал необходимость установки памятника.

Конечно же... Да, резко выступили против и обком КПСС, и партийные газеты. Выпады сводились к одному: хоть преподобный Серафим и земляк наш, но ведь он рьяно поддерживал Самодержавие, царскую власть...

Но правда и тут воссияла. Через девять лет открылся памятник Преподобному на территории Коренной Пустыни. Клыков, приехавший на освящение, горячо поблагодарил за содействие архиепископа Ювеналия и областное правление Международного фонда славянской письменности и культуры. В конце своей речи скульптор повторил слова Преподобного: спасайтесь сами, и тысячи вокруг вас спасутся...

Вот как получилось: хотела рассказать о Плевицкой и памятнике ей, а разговор зашел и о памятнике Серафиму Саровскому. Это представляется закономерным: и Преподобный, и Клыков, и Плевицкая — земляки, духовно высокие, сильные люди, вокруг которых и должны спасаться тысячи.

Скорбя по утраченной Родине, Надежда Плевицкая обратила взоры к своим родным и — едва ли не к самому дорогому — русской песне. Вспомним ее пророчество: «Смолкнет песня привольная».

Великая певица ошиблась: песня, пронесенная ею по миру, не смолкла.

Бьют и бьют в нашей огромной стране родники талантов, молодые голоса подхватывают песенные традиции, завещанные предками. Среди тех, кого мы особо чтим за преданность этим традициям, — великая Плевицкая. И подтверждение тому — Всероссийский фестиваль русской песни «Курский соловей» имени Н.В. Плевицкой, который проводится на ее родине.

Мы приехали в Курск ранним утром. Так по расписанию приходит фирменный поезд «Курский соловей». Огромный и очень красивый городской вокзал (гордость Вячеслава Михайловича: «Самый лучший вокзал на всем южном направлении!» «А раков каких здесь продают!») действительно поражает своими размерами и архитектурой. Клыков, приехавший раньше, чтобы решить организационные вопросы, встретил нас на перроне — как всегда, разлитое море доброты, обволакивающее радушие. Вячеслав Михайлович был председателем оргкомитета и инициатором проведения фестиваля. Впрочем, он, как и обычно, выполнял свою роль: хозяин, организатор, лидер.

Фестивалю предшествовала напряженная оргработа: надо было созвониться, списаться, согласовать, завизировать... Мы и в Курск ездили на оргкомитет, и по музеям ходили — собирали репертуар Плевицкой. Клыков с помощниками выезжали в Винниково — установили крест на могиле матери Плевицкой, оформили могилу.

Впервые мысль о таком празднике песни, посвященном творчеству великой землячки, Клыков высказал в Винникове, куда привез группу артистов, прибывших на съемки телепередачи «Играй, гармонь любимая!» На следующий год, проездом в Мармыжи, он снова привез нас в Винниково. Мы ходили по красивой сельской местности, по липовой аллее, посаженной еще самой Надеждой Ва-

сильевой, зашли в школу, где осмотрели музей, созданный учителями и ребятами. Там большой раздел посвящен Плевицкой: ее фотографии, портреты, вид дома, построенного на этом месте по чертежам певицы. Учителя, показывавшие нам музей, сожалели, что сейчас, во время каникул, не могут познакомить с девчушками, лучшими певуньями школы. Тогда-то Вячеслав Михайлович и сказал: «На будущий год мы проведем у вас фестиваль русской песни. И здесь, на родине Надежды Васильевны, установим памятник этой великой певице».

Он и место наметил — ближе к школе, лицом к липовой аллее, ведь любимой песней Плевицкой была «Липа вековая». Что же касается времени проведения фестиваля, то сроки потом на оргкомитете называли разные, но Клыков настоял на мае: «Очень уж хорошо у нас в мае, — сказал он. — Все цветет, сады — как молоком облиты, в бело-розовом кружеве, соловьи поют — это надо слышать!» Он хотел показать в лучшем виде свою родину.

И вот фестиваль. В Винниково съехались фольклорные коллективы со всего Центра России. Задуманные выступления на открытой площадке сорвал, правда, дождь, да какой! Ливень! Пришлось всем набиться в небольшой Дом культуры. Однако настроение наше от этого не испортилось, а артисты пели на диво хорошо!

Клыков создал модель и дал по ней изготовить призы фестиваля — бронзовых соловьев. Сейчас эти изящные статуэтки украшают дома лучших из участников фестиваля.

А ровно через год, ко II Всероссийскому фестивалю русской песни, Вячеслав Михайлович открыл в Винниково памятник Надежды Плевицкой. На фоне кудрявых лип (он переменял первоначально выбранное для установки место, поставил фигуру лицом к школе) стоит прекрасная

русская женщина, с добрым крестьянским лицом, изящной фигурой, грациозная (вспомним, что Плевицкая выступала как балерина), в великолепном модном (по тем временам) платье, вдохновенная, немного грустная, как ее песни.

«Плевицкая» — самая поэтичная работа Клыкова, в ней он проявил себя тонким психологом, художником, понимающим женскую душу, воспевающим родной край.

Глава 19

А И СЛАВНЫЙ БОГАТЫРЬ ДА СВЯТОРУССКИЙ!

Где Илья твой и где твой Добрыня,
Святорусская наша Земля?

Современная песня

У каждого из нас с детства, со школьной скамьи — свой образ «старого казака», «святорусского богатыря Илюшеньки да Муромца». Так называют его былины, и нет, пожалуй, в русском фольклоре, в народном сознании более любимого, чтимого и славного героя. Принявший постриг Илья свет Иванович канонизирован как святой, день памяти преподобного Ильи Муромца Православная Церковь отмечает 1 января. В образе святого и воина Ильи народ воплотил свой идеал героя, реальное историческое лицо обрело сказочные черты.

Но не было в России памятника Илье Муромцу, да и сам образ его, как и образы других молитвенников, радетелей и защитников Руси, в наше время вал массовой культуры попытался как бы отодвинуть на задний план. Не тут-то было! Нашлись у нас и энтузиасты, и истинные патриоты, пожелавшие вернуть историческую правду. Общественность древнего Муромца вот уже тридцать лет вынашивала мечту водрузить в своем городе памятник великому земляку. Муромчане обратились к скульптору Вячеславу Михайловичу Клыкову, все творчество кото-

рого — песнь героическому прошлому нашей страны, ее высоким духовным традициям.

В Калуге, на скульптурной фабрике, где Вячеслав Клыков и его помощники работали над Монументом Победы, памятниками Г.К.Жукову, Петру I, Владимиру Святому и другими, 12 февраля 1998 года состоялась приемка памятника Илье Муромцу. Собрались представители власти и общественных организаций областного города Владимира и Мурома, шло обсуждение. Замысел скульптора был единодушно одобрен и принят с высокой оценкой.

Муром — один из древнейших русских городов, о нем и его населении — муроме упоминает «Повесть временных лет». По первому упоминанию в летописи (862 год) муромчане насчитывают возраст своего города — более 1140 лет! С X века история Мурома связана с Киевской Русью, в состав которой он вошел еще при Владимире Святом. Ему же, великому князю Владимиру Святославичу, и отправился служить «удаленький дородный добрый молодец, а и славный богатырь да святорусский Илья Муромец да сын Иванович». И служил Илья князьям стольнокиевским, а значит, всему русскому народу, верой и правдой вплоть до своей кончины в 1068 году. И похоронен он был в ближней пещере Киево-Печерской лавры, где покоятся ныне его мощи.

Однако вся жизнь Святого Ильи была связана с Муромом. Какие бы подвиги ни совершал богатырь по всей Руси, он непременно возвращался в родное село Карачарово, ставшее в наше время южной окраиной Мурома.

Ай поехал Илья Муромец в чисто поле,
Из чиста поля отправился во Муром он,
Ай во то ли во село во Карачарово.

Былина «Илья Муромец и Идолище»

Любовью — за любовь. Муромчане с глубокой древности почитают своего великого земляка. У источника целебной воды, где, по преданию, сделал «первый скак» конь героя, была воздвигнута часовня, а на въезде в город — памятный знак «Былинный камень».

Легенды, сказки, былины... Чудесным ореолом гениального творчества русского народа окутан и Муром, и богатырь Илья. Не на камне ли, что установлен на въезде в город со стороны Владимира, было написано: «Направо пойдешь — счастье найдешь...»? Устные пересказы былин о Муромце живут и в наши дни. Это и записанные еще в XVII веке сказания «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», и «Илья Муромец и Идолище поганое», и другие. А недавно на Волге, в деревне близ города Юрьевца записана редкая былина «Илья Муромец на Соколе-корабле». Здесь он — славный волжский капитан: «Надо всем кораблем Илья Муромец большой». Безудержна народная фантазия: на кафтане волжского капитана Ильи, говорит былина, нашито 40 пуговиц и на каждой посажено по льву, по заморскому зверю; при нападении на судно врагов львы волшебным образом оживают и помогают Илье одержать победу над несметными полчищами басурман. Современные исполнители былин ссылаются на предков: «Старики так сказывали, а мы вот повторяем, как давно говорили». Собиратели фольклора записали также любопытную частушку, в которой отчетливо слышны отголоски волжской традиции:

А Илья Муромец — он уехал в Юрьевец,
А Разин Степан там совсем пропал.

Муром всегда был великим православным городом. В его прекрасных древних храмах хранились святые мощи князей Константина, Федора, Михаила, Иулиании Лаза-

ревской и всероссийски почитаемые, единственные в своем роде двойные чудодейственные мощи святых угодников Петра и Февронии; печальное и мудрое житие этих двух любящих сердец поражает своей красотой и волнует многочисленных паломников, стекающихся в Муром на поклонение им.

Став нарицательным именем русского богатыря, Илья Муромец глубоко чтим современной Российской Армией, во многих частях которой сооружаются часовни и храмы в честь Святого Ильи. Его почитает и современное казачество как первого казака, родоначальника казачьих войск.

Вот поэтому так нужен был памятник Илье Муромцу — символ ратной славы Руси, залог крепости Православия на нашей земле.

...Мы снова в огромном светлом цехе Калужской скульптурной фабрики. Вот он, Илья! Не таким ли рисуют его былины? Не таким ли и мы с детства представляли Илюшеньку? Выпрямился во весь свой богатырский рост. Да, такой герой может защитить Родину от набегов басурман, а простой люд — от воров-разбойников, у такого найдут помощь и поддержку все слабые и беззащитные.

Фигура преподобного Ильи (высота 17,3 метра) пока еще в глине, но уже можно ощутить динамику, мощь, полет. Поверх монашеского одеяния Ильи — боевые доспехи, в левой руке — крест, в правой — меч (длина 3 м 10 см). Лицо решительное, мужественное, очень русское.

— Моя задача была сложной: постараться в одной фигуре воплотить образ и святого, и воина, — сказал В.М. Клыкков. — Как профессионал сужу: фигура состоялась. Конечно, сделать и установить такой величественный памятник — дело дорогостоящее. Будем собирать средства народным способом, как издавна было принято на Руси. Власти Владимирской области также примут на себя часть расходов. Может быть, поможет государство.

Да, фигура состоялась. Очень хороши и могучий разворот плеч, и грозный булатный меч-кладенец. Недаром Клыков называет памятник одним из ключевых в своем творчестве: в работе счастливо слились две основные клыковские темы — православная, святоотеческая, и героическая, богатырская. Постамент скульптор задумал цилиндрической формы, на углах цоколя хочет установить грифонов, львов со щитами — исторические русские символы мощи, победы. На пьедестал будут завозиться известняковые блоки, а фигуры, как сказал Вячеслав Михайлович, «попробуем сделать из кованой меди с серебристым отливом».

Памятник будет установлен на высоком берегу Оки в центре Муромца, на месте бывшего кремля. Сейчас там разбит красивый парк, рядом живописная набережная. Широкая панорама: памятник можно будет видеть с другого берега, с парома, со всех точек города.

Что же касается сроков установки... Конечно же, они переносились. Не успели к августу, ко Дню города, не успели ко дню Ильи Муромца. И это при том, что большой отряд действительно пламенных энтузиастов, включая мэра города П.А.Каурова, при поддержке Церкви, бился за скорейшее открытие памятника. На его сооружение было получено благословение Святейшего Патриарха Алексия II и архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия. Из Киево-Печерской лавры будет взята частица мощей Святого Ильи, перенесена в Муром и торжественно помещена при установке памятника.

Разумеется, средства на такой памятник, его доставку и установку, нужны немалые. А их, как всегда, не хватает. Да тут еще археологи задержали подготовку котлована: нашли фрагменты деревянных сооружений, относящихся к X веку. Уникальность находки — так хорошо сохранившиеся деревянные постройки у нас еще не находили! —

не может не радовать: Илья Муромец помог раскрыть седую древность!

Все, кто знает замечательных людей — муромчан, патриотов своего города, своей страны, верили, что памятник Илье Муромцу поднимется на Оке во славу всей России.

Б. А. Батманов, председатель фонда «Сооружение памятника И.Муромцу»: «Двадцать лет назад наши энтузиасты и горожане хотели поставить в честь богатыря памятный знак из бетона, но по промыслу Божьему судьба привела нас к такому великому мастеру, каким является В.М.Клыков, и теперь у нас на родине сооружен памятник И.Муромцу из ковanej меди. Он планировался не как узкогородской, а как памятник всероссийской ратной славы и торжества Православия на русской земле. Он должен объединить всех россиян».

П.А. Кауров, глава города Муром: «Задумывая установить памятник Илье Муромцу, в феврале 1997 года мы обратились с письмом к известному по всей России православному скульптору В.М. Клыкову, чтобы он выполнил памятник Илье Муромцу и умело вписал его в архитектуру нашего древнего города. Заказывая памятник В.М. Клыкову, мы учитывали, что именно им в России были выполнены памятники маршалу Г.К. Жукову, Д. Донскому, Серафиму Саровскому, знаменитая Звонница на Прохоровском поле и другие святыни нашего народа».

И вот памятник Илье Муромцу открыт — во имя духовного и нравственного возрождения России, ее народа, ее Армии. Это произошло 1 января 1999 года, в день памяти Ильи Муромца. На освящение памятника собрался, без преувеличения, весь город.

Радуются наши души на любимца-богатыря, могучего и красивого, и говорят люди в восхищении: «А и славный богатырь да святорусский!»

Глава 20

КРЕСТ НА КРАСНОЙ ПОЛЯНЕ

Возможно, что-то в этой истории читателю покажется легендой, но она, известная не столь широко, раскрывает замечательную, героическую страницу нашего прошлого и, что важно для данного повествования, нашла отражение в творчестве Вячеслава Михайловича Клыкова и... в поэзии Александра Сергеевича Пушкина, в его поэмах «Руслан и Людмила» и «Полтава».

«...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова», — писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Как знать, не посетил ли поэт во время этого «похода» Красную Поляну, о которой пойдет речь в данной главе? Во всяком случае, после Калуги и Белева, а затем Орла, где произошла его долгожданная встреча с легендарным Ермоловым (еще одним племянником Екатерины Николаевны Раевской-Давыдовой), поэту уже было недалеко до Ельца и Ливен (сейчас Орловская область), а там рукой подать до Красной Поляны на Курщине — ведь мы же знаем из слов самого Александра Сергеевича, что он мог себе позволить и «200 верст лишних».

Географический экскурс нам был необходим для доказательства, что Пушкин видел (во всяком случае, мог видеть) места, связанные с Полтавской битвой, сведениями о которой живо интересовался. А если он, работая над

«Русланом и Людмилой», слышал о битве на Красной Поляне, об огромной голове поверженного супостата, то его, естественно, тянуло посетить данные места. Восприимчивый ум поэта впитывал, как губка, яркие впечатления, живое воображение дорисовывало картину.

Что же такое Красная Поляна и чем она славна в истории?

В начале XVIII века обострение отношений между Россией и Швецией достигло предела — на пороге была война. Готовясь к ней, «надменный сосед» Карл XII, отдавая дань могуществу Петра Великого, искал союзников среди других государств и кочевых орд. Эмиссары шведского короля вели переговоры с Турцией, королем Польши, Крымским ханом, стремясь заручиться их поддержкой, мутили Малороссию, поощряли измену Мазепы и части казачества. Большие надежды Карл возлагал на кочевников, в частности, на ногайские орды, которые должны были ударить в тыл русским и облегчить шведам победу. А в том, что Москва будет повержена, Карл не сомневался: он уже предвкушал, как будет пировать в Белокаменной, в шатре Петра — император ставил свой шатер ежегодно в день Петра и Павла, не делая исключения даже во время боевых действий.

Итак, стоял июнь 1709 года. Собрав «птенцов гнезда Петрова», император обратился к ним с такой речью: «Король шведский и самозванец Лещинский привели к своей воле изменника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россию, учинить из одного независимое княжество под властью того изменника, присоединить к оному Волынь и подчинить ему же, Мазепе, казаков запорожских и донских. Такою надеждою льстясь, изменник уповал собрать казацкого войска до 200 тысяч, подкупил Порту, крымского хана и орды «на нас», для исполнения своего замышления призвал в Малороссию короля швед-

ского со всеми его силами и Лещинского, поспевшего уже в соединение, и с ним 2500 польского войска».

Война началась. Огромное, стотысячное войско Мамай, предводителя ногайцев, пошло на соединение с армией Карла, но было остановлено в Ливнах, где стойко держалась крепость, защитники ее успешно отражали атаки конницы орды. Мамай повернул на Красную Поляну.

Это место недаром так зовется: живописная долина окружена лесами и рощами, отсюда, из водораздела, вытекает множество рек: какие в Днепр впадают, какие в Дон. Именно здесь и произошло сражение, да такое грозное, кровопролитное, что стала называться Красная Поляна Урочищем Побойшем.

Русские воины, а среди них было много местных, курян, расположились по лесам, а отряды регулярного войска Петра, которые передвигались с тремя пушками, соединились с ними после Ливен — император вел солдат на подмогу гарнизону Ливенской крепости, да поспел к другому сражению — на Красной Поляне.

Надо сказать, что в орде был необыкновенный ногаец. Легенда говорит о нем так: «Мерою татарин был трех сажень (т.е. 6 м 39 см. — *И.П.*), голова на нем, как пивной котел, промеж плечей татарин во косую сажень» (что равнялось расстоянию от пятки до конца поднятой с другой стороны руки. — *И.П.*). Одет великан был в железную кольчугу, на голове его был железный шлем, в руках он нес щит и четырехпудовый меч (весом в 65,5 кг. — *И.П.*). Возили его в арьергарде на огромной повозке, запряженной тремя парами лошадей. Не верите, что существовал такой громила? Почитайте отчеты экспедиций наших археологов, которые раскопали в Сирии могилы шестиметровых людей, нашли остатки великанской утвари. Возможно, и в других местах проживали такие «крошки».

Да, это был противник серьезный, один он стоил целого басурманского войска. Да куряне-то были молодцы! Вот как писал о них автор «Слова о полку Игореве»:

А мой-то куряне — опытные воины:
Под трубами повиты,
Под шлемами взлелеяны,
С конца копья вскормлены,
Пути им ведомы,
Овраги им знаемы...

(Перевод Д.С. Лихачева)

Раз пути курянам были ведомы, они и заманили великана в ловушку, возможно, и в «овраг знаемый» — благо его тащили позади ордынцев. Заманив, убили, а голову отрубили и поместили ее на холме (потом его прозвали Безголовым верхом).

Сеча была лютая, наших много полегло, а от орды не осталось ни одного ногайца.

На следующий день на Красной Поляне собрались местные жители, оказали помощь раненым, похоронили убитых на погостах церковей, а мертвых ордынцев закопали в огромной яме. Голову великана покатали по полю, в одном месте укрепили, поставив памятный знак — Голубец. Проводили войско наше — впереди у него была Полтавская битва. Много с тех пор воды утекло, столько событий — войны, революции, опять войны... Может, и забылось бы сражение на Красной Поляне, не случись заняться этой историей замечательным людям, патриотам России. Вячеслав Михайлович Клыков (его родное село Мармыжи находится в 10 км от Красной Поляны) с помощью знакомых краеведов поднял документы Курской археологической комиссии 1909 года и на основе доклада члена этой комиссии Ростислава Маркова написал большую статью

«Битва на Красной Поляне», опубликованную в ряде центральных газет.

В своей статье автор подчеркнул значение одержанной победы, обратился к археологам с призывом провести раскопки в местах боев 1709 года, привлек внимание властей и общественности к героическому эпизоду нашей истории. Скульптор Клыков стал также автором монументального памятника на Красной Поляне — двадцатиметрового медного Креста с изображением Спасителя и святых воинов, великих князей Александра Невского и Дмитрия Донского. Этот памятник, установленный 10 мая 2002 года, виден даже из отдаленных мест округа, он символизирует героизм русских воинов, вставших на защиту Родины, «за други своя».

Видел ли Александр Сергеевич Пушкин эти места, голову великана? В тексте поэмы «Руслан и Людмила» есть удивительные совпадения с историческими событиями.

Вот Руслан встречается с огромной головой. Она кажется ему холмом, который дышит и храпит, «качая шлем пернатый». Это «диво», «чудо», «пустыни сторож безымянный». Ах, почему Руслан не удержался и пощекотал ноздри головы копьём? Голова чихнула, «поднялся вихорь, степь дрогнула, / Взвилась пыль; с ресниц, с усов / С бровей слетела стая сов, / Проснулись рощи молчаливы». А потом голова стала дуть на Руслана, он, конечно, не стерпел и вонзил в нее свой булат. Голова покатила. Не так ли и куряне с ногайцами расправились?

Но голова в поэме не умерла, она взмолилась о пощаде и рассказала Руслану о коварстве злобного карла Черномора (шведского Карла?), погубившего своего огромного брата. А о себе голова поведала так: «И я был витязь удалой! / В кровавых битвах супостата / Себе я равного не зрел». Когда же Черномор отрубил ему голову, его «стов тернием оброс». Не правда ли, почти история ногайско-

го вояки? Правда, фантазия великого сказочника — Пушкина — придала новые, волшебные черты всей истории. Православный скульптор, водрузив на Красной Поляне (Курская область, Черемисиновский р-н) величественный Поклонный Крест, придал всей местности новые черты. Он не раз говорил, что здесь находится Четвертое Поле России, после Куликова, Бородинского и Прохоровского: так же полито оно кровью защитников Родины... На Красной Поляне проводятся многолюдные встречи, в 2004 году тут прошел Всероссийский Большой казачий круг. Казаки жили в палатках, пищу варили на кострах, но, по общему мнению, восторг, который они испытали близ Святого Креста, запомнится им на всю жизнь.

Вячеслав Михайлович, генерал-лейтенант казачьих войск, приложил много усилий к подготовке и проведению Большого круга. Это он настоял, чтобы сбор казаков состоялся именно в 2005 году, когда отмечались такие славные годовщины, как 60-летие Великой Победы над фашистской Германией, 625-летие победы в Куликовской битве и 1040-летие победы великого князя Святослава Храброго над Хазарским каганатом. Вот такие три славные победы праздновались в том году! Клыкков назвал и место проведения Большого круга — под сенью Поклонного Креста. Были намечены задачи сбора: определение основных векторов дальнейшего развития казачества, его идеологии. Вячеслав Михайлович ратовал за то, чтобы казаки собрались «всем миром» в условиях, как он говорил, «приближенных к боевым, походным — как встарь».

Он обратился к казакам в печати, пригласив их «на святое место водораздела бассейнов рек Днепра и Дона, где 11 июля 1709 года курские порубежники наголову разгромили стотысячное войско Ногайской орды Большого Улуса, вступившего в сговор с Карлом XII против Петра Великого и следовавшего на Полтавскую битву. Место

это издревле называется Красной Поляной» (январь 2005 года).

Далеко по Руси разнеслась молва о Красной Поляне, она стала еще одним символом мужества и стойкости нашего народа. Не могут не запомниться людям слова, выбитые на картуше постамента: «Соотечественники! Вы стоите на водоразделе бассейнов рек Днепра и Дона. В благоговейном поклоне склоните головы перед ратными подвигами наших предков...» — и дальше короткий рассказ о победоносной битве на Красной Поляне.

И приезжают, и приходят люди на Святое место, чтобы приобщиться к своей истории, подивиться мужеству русских солдат.

А «куряне славные»? Им ли не радоваться своей героической истории, им ли не гордиться ею...

Говорят, один в поле не воин. А Клыков? Воин он был, еще какой воин!

Глава 21

«БЛАГОСЛОВЕННА В ЖЕНАХ РУССКИХ...»

24 июля (11 июля по старому стилю) Православная церковь отмечает день Равноапостольной Ольги (Елены), великой княгини Российской (годы жизни ?—969, годы правления 945—964).

Ольга родилась в деревне около Пскова, там же познакомилась и с молодым князем Игорем, который приехал в те места на охоту, увидел деревенскую красавицу и влюбился в нее. Покоренный ее скромностью и умом, он и слышать не хотел о других невестах и вскоре женился на своей избраннице. В княжеских палатах, среди приближенных боярын она оставалась такой же милой и доброй, как и раньше с сельскими подружками.

В 945 году был убит ее милый муж князь Игорь. Она осталась с малым сыном Святославом на руках и приняла на себя бразды правления государством. В этом она опиралась на двух знаменитых воевод — боярина Асмуда, дядьку маленького Святослава, и Свенельда, начальника войска. Вот как повествует Житие о трудах Ольги: «И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна. Своими же людьми любима как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием и награждающий добрых. Во всех делах управления она обнаружи-

вала дальновидность и мудрость. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна нищим, убогим и малоимущим».

О княгине Ольге сложено много легенд и сказаний. И во всех повторяется определение *мудрая*: народ любил и уважал добрую мать своего государя. Вместе с маленьким сыном она объезжала Русские земли, вводила внутренний порядок в государстве. Летописи рассказывают о ее нововведениях в Новгородской области и в недавно покоренной ею Древлянской земле, которую она присоединила к своему государству. Новгородцы, пользуясь тем, что власть отошла к Киеву и они оказались от него в отдалении, решили сами выбирать своих судей и начальников. Ольга эти вольности отменила, учредила государственные дани, а земли разделила на волости (погосты). С.М. Соловьев («История России с древнейших времен», т. 1) отмечает, что путешествия княгини с хозяйственной, распорядительной целью обнимали все тогдашние русские владения, а не только землю Древлянскую и Новгородскую область. То есть можно говорить о государственной реформе, которую проводила Ольга. При ней Киевская Русь уже была вполне оформившимся и в меру исторических условий устроенным государством.

Огромной заслугой ее является то, что она первой из правителей России приняла христианство (957 г.). Крестивший ее Константинопольский патриарх сказал во время обряда пророческие слова: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Прославлять тебя будут сыны русские до последнего рода!»

Народ издревле называл Ольгу «начальницей веры» и «корнем Православия» на Руси, а Церковь возвела ее в сан Святой.

Княгиня была расположена к христианству, вот почему она просила рассказать об истинной вере воинов князя

Олега и князя Игоря. Побывав в Греческой империи, они говорили ей о добродетелях и святости истинных христиан, о том, как мужественно они переносят несчастья в земной жизни, веря в жизнь небесную. Тесные контакты с исповедниками христианства дали свои плоды: Ольга хотела креститься в Киеве, однако от этого ее удержала боязнь мести язычников. Тогда она решила заручиться поддержкой императора и патриарха и, дождавшись, когда подрос ее сын Святослав, она отправилась в Константинополь.

Император Константин Багрянородный в своих мемуарах оставил описание торжественного приема, который был оказан русской княгине. Патриарх посвятил ее в основы веры и окрестил ее. Крестным отцом был император, в крещении новообращенную назвали Елена.

Однако при Ольге Православие еще не стало у нас государственной религией, что помогло правительнице избежать вассальной зависимости от Византии. Позже, уже при внуке Ольги, Святом Владимире, когда изменились исторические условия, произошло великое событие — крещение Руси (988 год). Возможно, при выборе религии на Владимира оказали влияние пример его бабушки, ее воспитание.

Конечно, большим желанием Ольги было обратить в новую веру ее сына Святослава, но тот отказался креститься. Различные историки по-разному объясняют это: говорят о том, что князю мешала гордость, занятость военными походами, опасность осуждения дружиной, с которой он был одним целым, не отделяя себя в опасных походах от своих воинов. Возможно, действовали все эти факторы, однако нельзя не прислушаться к мнению С.М. Соловьева, который писал, что Святослав не боялся насмешек дружины, принятию христианства противился его собственный характер.

В легендах, сложенных о княгине Ольге, есть предание о том, как она перехитрила Константинопольского императора, который сватался к русской правительнице. Якобы она не ответила ему отказом, пообещав выйти за него после крещения (этот обряд был для нее важнее всего). Император, став ее крестным отцом, вновь предложил Ольге руку и сердце, однако она теперь решительно отказалась, сославшись на то, что крестный не может быть мужем своей крестницы. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» развенчивает легенду о сватовстве Константина Багрянородного, напоминая, что у императора была жена (она устраивала приемы Ольге), да и самой русской княгине было лет 60, не менее.

Наиболее известной легендой является месть Ольги древлянам. Летопись повествует: ее муж князь Игорь пошел воевать древлян, собрал с них дань, но потом, отпустив дружину, вернулся, чтобы с малым отрядом собрать дань вторично. Древляне возмутились таким его поступком, перебили отряд, а Игоря привязали к вершинам двух сосен и, отпустив их, разорвали его на две части.

Ольга решила отомстить за мужа. Она приказала убить древлянских послов, которые прибыли в Киев, чтобы просить прощения. Второе посольство (20 человек), не дождавшись возвращения первого, прибыло к Ольге с предложением ей от древлянского князя Мала. Она ответила, что не прочь выйти за него замуж, но хочет почтить его посланцев завтра перед своими людьми. Древлян, прибывших в ладье, княгиня просила прибыть на торжество именно в ней — не пешком и не верхом. «Скажите моим посланным, что хотите, чтобы вас несли в ладье», — так говорила им Ольга. И древляне послушались ее.

За ночь на теремном дворе вырыли глубокую яму и, когда принесли ладью с древлянами, бросили ее туда, засыпав землей живых посланцев Мала. Для третьего по-

сольства Ольга велела затопить баню, и когда древляне стали мыться, велела сжечь ее вместе с моющимися. Так разделалась Ольга с посольствами своих врагов. Теперь на очереди были их города.

Подойдя к Искоростеню, княгиня велела сказать жителям, что едет к ним совершать тризну по князю Игорю, погибшему тут, а их посольства придут позднее. Совершила тризну в честь мужа, пригласив на нее древлянских начальников и многих воинов. Когда гости перепились, она дала знак своим дружинникам, которые перебили всех — пять тысяч врагов легло вокруг могилы Игоря.

Настало время употребить против древлян и силу. Ольга возвратилась в Киев, собрала большое войско и двинула его против врагов. В битвах участвовал и ее молодой сын Святослав. Победы следовали одна за другой. Но вот войско подошло к Искоростеню, защитники которого чувствовали себя виновниками разгрома. Они отчаянно сопротивлялись все лето. Видя, что осада города не приносит результата, княгиня вновь прибегла к хитрости. Она пообещала снять осаду, потребовав от жителей дани. Древляне предложили ей мед и кожи, но она пожелала другого: по три воробья и по голубю с каждого двора. Радуюсь тому, что могут с легкостью исполнить эти требования, древляне передали собранных птиц и стали ждать освобождения. Не тут-то было. Ольга раздала дань своим воинам, велела привязать к каждой птице зажженный трут с серой и отпустить их на волю. Получив свободу, птицы вернулись к своим гнездам, воробьи под стрехи, голуби по голубятням, на чердаки. Загорелись соломенные крыши домов, деревянные постройки — Искоростень пылал. Жители бросились спасаться и попадали в руки Ольгиным дружинникам. Она приказала умертвить некоторых старейшин, других осудила на рабство, жителей города обложила данью.

Такова легенда, известная каждому школьнику в России. Что здесь правда, а что выдумка? Н.М. Карамзин считает, что месть древлянам Ольги — без всякого сомнения, из народной сказки. А то, что ее приводят летописи, в частности, Нестор, то здесь цель ясна: свидетельствовать о хитрости и уме Ольги.

Конечно, некоторые детали никак не согласуются с действительностью. Как можно было нести на руках большую ладью с 20 воинами? Какой глубины яму нужно было вырыть (за одну ночь!) на теремном дворе, чтобы туда бросить эту ладью?

Что же касается жестокости Ольги, то здесь надо принимать в расчет нравы вчерашних идолопоклонников, считавших месть за убийство родственника священным долгом, обязанностью его близких, причем обязанностью, не исполнять которую означало не быть благочестивым, религиозным человеком, образцовым гражданином.

Умную и решительную правительницу чтили подданные. Летописец Нестор (вторая половина XI — начало XII века) писал, что жители Пскова еще в его время хранили сани, на которых приехала Ольга, как реликвию. Во время ее объездов с маленьким сыном русских местностей, она останавливалась для отдыха, для охоты в различных местах; эти стоянки (гощения), перевозки (пересвища), села стали называть ее именем (например, село Ольжичи).

Когда пришла скульптору Клыкову идея поставить памятник княгине Ольге? Наверно, толчок дала подготовка к празднованию 1100-й годовщины Пскова. И вот в июле 2003 года вырос на центральной площади древнего города величественный памятник, надпись на картуше гласила: «Святой Равноапостольной великой княгине Ольге».

Скульптору вообще удавались женские образы; вспомним памятники Святой великой княгине Елизавете Фео-

доровне, певице Н.В. Плевичкой, «Скорбящую мать», деталь памятника нашим воинам в Афинах, «Прасковью Луполову», «Бегущую по волнам»... И на этом памятнике запоминается тонкое благородное лицо, задумчивое и вдохновенное. К Ольге прижимается маленький мальчик, постриженный и одетый по-русски, несущий большую икону — образ Христа Спасителя. Без сомнения, мальчик — один из внуков Ольги — Ярополк, Олег или Владимир, скорее всего последний, которому выпала доля стать Крестителем Руси. Ольга на памятнике сжимает в правой руке крест, а левой как бы ограждает Владимира от напастей, благословляет его на великий подвиг. Русская одежда и нимб над головой Ольги — все проникнуто величайшей любовью к Святой, к нашей истории, нашему народу.

Огромный памятник — только фигура (металл) 3 метра и высокий круглый постамент из белого камня; по окрестности идут барельефы, изображающие святых отцов.

Открытие памятника, как всегда в истории монументов, созданных В.М. Клыковым, вылилось в многолюдное торжество; выступавшие благодарили творца за любовное воспроизведение их землячки.

Все было бы хорошо, но вот беда: в то же время в городе открылся памятник княгине Ольге работы... Зураба Церетели. Какое давление нужно было выдержать городским властям, чтобы дать согласие на установку еще одной «Ольги» (кстати, переделанной из памятника царице Тамаре, который Церетели планировал установить в Тбилиси, но там не получилось, и вот вам: «гений» осчастливил русский город)... Только вот промашка случилась: псковичи полюбили не переделанную Тамару, а замечательный памятник работы скульптора Клыкова!

Глава 22

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Там, возле моря,
родимые края,
Там, далеко возле моря,
милая Сербия.

Сербская народная песня

В сербский православный крест вписаны четыре буквы «с» — само слога србина спасава (только согласие спасает сербов). Этот прекрасный символ можно было бы прочитать по-другому: только согласие спасает славян. Согласие, помощь, поддержка, дружба, любовь — на кого же еще и опираться славянам, как не на братьев по крови, по вере, по духу.

В девяностых годах прошлого века название этой славянской страны не сходит с первых полос газет мира, телекомментаторы не жалеют красок, описывая происходящие там события. В Сербии идет война — гражданская, этническая, религиозная. После распада Югославии недруги славянства успешно, результативно и методично стравливают бывшие союзные народы между собой: православных и католиков, православных и мусульман, сербов и хорватов, сербов и албанцев, населяющих Косово... Боснийский конфликт перерос в Косовский, и все так же гибнут люди, льется кровь.

Вячеслав Михайлович Клыков и руководимый им Международный Фонд славянской письменности и куль-

туры постоянно, последовательно и упорно поддерживал сербских братьев. Мы демонстрировали фотовыставку «Геноцид над сербами», проводили вечера дружбы с Сербией, принимали делегации сербской молодежи, священнослужителей, общественных деятелей. Студенты из Нови-Сада, политики из Боснии, православные священники из Косова — всем был оказан теплый прием в Славянском центре. Перед ними выступали русские поэты, певцы и музыканты, мы устраивали для них трапезы, дарили наши фондовские медали и сувениры. Особенно запомнился вечер, который прошел под девизом «Два исторических славянских поля: Куликово и Косово», на котором шла речь о том, что, кроме общности названий (по имени болотных птиц), эти районы объединяет и общность ратных традиций.

Русские и сербы всегда были союзниками. Россия в прошлом безоговорочно вступала в войны, защищала Сербскую землю, которая «много худа вынесла». Ответственность нашей страны всегда сострадала сербам («Тяжеле стонов не слышали»). Не наша вина, а беда, что «демократическое» правительство России в недавние времена занимало весьма непоследовательную позицию в Сербском вопросе, а то и открыто антисербскую. По счастью, наши братья всегда разграничивали российские власти и наш народ, рвавшийся помочь сербам.

Но и сербские братья любят русских и Россию. На протяжении веков они гордились дружбой с нами, называя себя рашка — маленькими русскими, которые для них раша.

В конце 1992 года, под самый Новый год, Вячеслав Михайлович Клыков поехал в Сербию. Это был его второй визит в эту страну, впервые он побывал в Белграде в 1977 году, когда на скульптурном квадриеннале демонстрировалась его «Обнаженная», получившая «Гран-при».

Поскольку Клыков крайне редко выезжал куда-либо за пределы России, эта новая его поездка особенно привлекла наше внимание.

В Сербию отправилась делегация Международного фонда славянской письменности и культуры в составе: писатель Василий Белов, кинорежиссер Борис Карпов, заместитель Клыкова по Фонду Владимир Большаков. Возглавил делегацию, разумеется, Вячеслав Михайлович.

Целью поездки была культурная миссия. В год 600-летия преставления Сергия Радонежского Клыков передал в дар сербскому народу изготовленный им на собственные средства памятник преподобному Сергию (копию фигуры, установленной в Радонеже). Делегация подарила также сербским братьям большую икону Святого Саввы Сербского, написанную современным иконописцем, и частицу мощей Антония Печерского, передав дар Сербской Православной Церкви.

Для Сербии это время — конец 1992 года — было, пожалуй, труднейшим. Она находилась в полной изоляции в Европе. «Чем же не угодила Сербия? — задался вопросом Клыков в интервью перед отлетом. — Только тем, что хочет быть православным государством со своим подлинным лицом и не желает, подобно нашим правителям, иметь над собой хозяев из-за океана».

За короткий срок пребывания в Сербии — неполных пять дней — делегация встретила с первоиерархом Сербской православной церкви Патриархом Павлом, президентом Слободаном Милошевичем и другими государственными деятелями Республики Сербия, общественностью городов Нови-Сад и Сербские Карловцы, посетили резиденцию наследного принца Томислава Карагеоргиевича.

Клыков встретился также с всемирно известным сербским художником М.Одмачеве, которого высоко ценит и

как творца, и как патриота, всем своим существом принявшего позицию своего народа, повернувшегося, как и большинство сербской интеллигенции, к своим истокам.

По возвращении Вячеслав Михайлович рассказал: «В Сербии есть и оппозиционные партии, бывают свои конфликты, но большого раскола — национального, подобного нашему, я не увидел. И это дает уверенность в том, что сербы отстают свою независимость. И, слава богу, у сербов национальное, сербское правительство. Я убедился, насколько сербы любят свою родину. Мы ездили по многим городам, и ни разу в автобусе я не услышал иностранной рок-музыки. Звучали национальные сербские мелодии. Слушать их было удивительно и отрадно, зная, как российский экран и эфир забиты чуждыми нашему слуху ритмами. Одна из причин такой национальной стойкости — сохранившееся сербское крестьянство, основа жизни. Огромен авторитет Сербской православной церкви, Патриарха Павла. Это понимает руководство страны и старается укрепить свои связи с Церковью. Приехав в Сербию через пятнадцать лет после своего первого визита, я увидел, что любовь к русским, несмотря на предательство наших братьев российским руководством, по-прежнему велика».

Наша делегация открыла в Сербии памятник преподобному Сергию Радонежскому. Крупнейшие югославские газеты («Политика», «Дневник» и другие) дали высочайшую оценку этой работе Клыкова: «Гранитный монумент — произведение крупнейшего из живущих русских скульпторов Вячеслава Михайловича Клыкова, переданный им в дар от русского народа», «Дивный памятник, творение одного из известнейших современных скульпторов Вячеслава Клыкова», «Великолепный «Сергий» Клыкова — символ самых важных, актуальных и вечных заветов Православия».

Нови-Сад был выбран для установки памятника не случайно. Это город глубоких славянских корней, здесь всегда были высоко развиты культура, просвещение, образование, за что город даже получил название Сербских Афин.

19 декабря 1992 года, день открытия памятника, вошел в историю Югославии как праздник славянской духовности и культуры. В нем приняло участие большое число сербских и иностранных деятелей культуры и искусства, представителей православных церквей. Сразу же после девяти часов в Соборном храме Нови-Сада началась архиерейская литургия, служил Владыка Бача Ириней Булович и многочисленные священники, а затем народ во главе со священнослужителями и прежде всего Святейшим Патриархом Сербским Павлом направился по центральной улице к Дунайскому парку, где уже был установлен памятник Преподобному Сергию.

Памятник освятили Святейший Патриарх Сербский Павел, их преосвященства Владыка Бача Ириней и Владыка Срема Василий, которым помогали многочисленные священнослужители. Обращаясь к представительной аудитории, Патриарх Сербии подчеркнул, что святые — это земные люди, которые нас связывают с Богом. Святые начинают жизнь на земле, а продолжают ее в небесных сферах. Потому что человек — это не только тело, но и душа. Вера всегда объединяла христианские народы, особенно тесно связывала сербов с русскими братьями.

Патриарх Сербии напомнил слова Преподобного Сергия Радонежского, сказанные им перед смертью, о том, что нужно хранить православную веру и жить ею, нельзя забывать о необходимости крепить ее. «Так же, как нам необходима одежда для тела, нам нужна и пища для души. Такой пищей станет этот памятник великому русскому святому и просветителю Сергию Радонежскому, объ-

единяющий духовно два братских славянских народа — русский и сербский», — сказал Патриарх.

Памятник в Дунайском парке Нови-Сада торжественно открыли принц Томислав Карагеоргиевич и министр культуры Сербии Миодраг Чукич.

— По решению ЮНЕСКО, 600-летие со дня преставления великого русского святого и просветителя Сергия Радонежского широко отмечается в разных странах мира. Нови-Саду выпала честь открыть памятник Святому Сергию, — сказал Миодраг Чукич. — Мы уверены, что этот символ сербской и русской духовности укрепит связи между нашими народами.

Принц Томислав Карагеоргиевич выразил надежду, что этот памятник принесет мир многострадальным русским и сербам, а автор памятника Вячеслав Михайлович Клыков сказал:

— Сейчас, когда наши славянские души обуревают смута, мы приносим этот памятник в дар братьям-сербам как символ нашей любви к ним. Мы убеждены, что русский народ никогда не отдаст сербов на поругание, и молим Бога, чтобы Россия помогла им, поскольку тем самым она прежде всего поможет самой себе. В самые трудные исторические моменты нас может спасти только единство и любовь, существующая между братьями, а мы ведь братья не только по вере, но и по крови.

По предложению выступавших на торжествах, решено было Новосадские дни славянской культуры и духовности сделать ежегодными и, по традиции, начинать их в Дунайском парке у памятника Сергию Радонежскому.

Вечером того же дня Вячеслав Михайлович Клыков был провозглашен почетным гражданином сербского города Нови-Сад.

Казалось бы, и нашим средствам массовой информации стоило обратить внимание на эту благородную мис-

сию, ее великолепные результаты, порадоваться за Клыкова. Увы... Как раз наоборот. Развязав кампанию против наших добровольцев, всеми правдами и неправдами прорывающихся в Сербию на помощь сербским братьям, телеведущие и Клыкова зачислили в такие волонтеры, стремясь таким образом смазать значение его акции. Ни о памятнике ни слова, ни о Празднике славянской дружбы и духовности в Нови-Саде. В телеэфире прошел лишь репортаж, похожий на слежку за Клыковым: вот русские добровольцы, вот их запись в гостиничной регистрационной книге... Впрочем, никто из нас ничего иного и не ожидал. Что же касается добровольцев, то Вячеслав Михайлович сказал по приезде:

— Будь я помоложе, пошел бы защищать Сербию.

Клыков стремился помочь сербским братьям конкретными делами. Задумал создать ассоциацию «Два ратных поля — Косово и Куликово», поехал вместе с делегацией Сербии к губернатору Тулы, договорился о развитии сотрудничества: туляки даже помещение для ассоциации выделили. Намеченные во время обмена визитами планы сотрудничества до сих пор не потеряли актуальности, только война в Косово несколько отодвинула их реализацию. А у Вячеслава Михайловича была новая идея: чтобы поддержать наших черногорских братьев, он задумал создать мост Черноземье — Черногорье, породнить области Русского Черноземья с Черногорией. Развитие связей, по мнению инициатора, должно охватывать экономику, культуру и, конечно, в первую очередь, — духовную сферу.

— Если Россия не поможет Балканам, — говорил Клыков, — то кто тогда протянет руку славянам? Экспансия в Югославии станет первым шагом на пути покорения России. Если бы наши правители задумывались о стратегических задачах Российского государства, связи между славянами укреплялись бы постоянно и на должном уровне.

Клыков считал, что самое важное — всячески развивать контакты между людьми — по линии народной дипломатии, путем обмена художниками, писателями, предпринимателями. Граждане наших стран не должны забывать друг о друге: если забудут — все позитивное, накопленное вековой историей, рухнет.

В Совет Международного Фонда славянской письменности и культуры входили три серба: профессор Радмило Мароевич, поэт Зоран Костич и публицист из Нови-Сада Владо Мичунович. Все они присутствовали и активно помогали открытию в 1992 году в Нови-Саде памятника Сергию Радонежскому. Тогда же сербские друзья договорились с Клыковым о новом даре — для черногорского города Никшича. По замыслу Мастера, это должна быть высокая фигура Божией Матери, простирающей Свой Омофор над Черногорией и всем славянским миром.

Когда в 1994—1995 годах Вячеслав Михайлович работал над скульптурным украшением Монумента Победы (Звонницы), воздвигнутой на Прохоровском поле, он на вершием памятника, его художественным и логическим завершением сделал именно фигуру Богородицы с Покровом в руках. И святой образ, и слова, высеченные под ним: «Больши сея любве никтоже имать, дакто душу свою положить за други своя» — все это замечательно подходило к тому, что Мастер хотел бы установить в Никшиче.

Работа над авторской копией скульптурного изображения Покрова Богородицы шла параллельно с завершением Звонницы. На деньги из авторского гонорара Клыков заказал калужским чеканщикам фигуру в том же размере (высота — 6 метров) и в том же материале — кованой меди. Фигура выполнена по частям, остается только отвезти ее в Черногорию и собрать на месте.

Проблемы? Как всегда, их масса. Клыков хотел бы договориться с военным ведомством о доставке скульптуры

на военно-транспортном самолете, связаться с одним из югославских архитекторов, который мог бы помочь с установкой постаментов нужной формы и из соответствующего материала. И хотя сербские друзья уверяют, что фигура Богородицы украсит город, станет его символом, все же автору надлежит самому увидеть место установки, наметить его. Когда? Времени на выполнение всех планов катастрофически мало.

И все же Клыков не сомневался, что фигура Богородицы встанет над братским славянским городом, будет свидетельствовать, что Божия Матерь приняла его под Свой покров, посылает ему мир и благоденствие.

Может ли быть для скульптора задача выше этой?

И вот май 2004 года. В День Победы 9 Мая большая делегация нашего Фонда во главе с Вячеславом Михайловичем прилетела на самолете в Белград. Впереди было открытие сразу двух памятников, над которыми работал Мастер: Святому Савве Сербскому в Белграде и Пресвятой Богородице в Никшиче. Только разместились в гостинице, а уже зовут в гости — дирекция Русского дома приглашает за рюмкой ракии отметить прилет и великий праздник.

На следующее утро, в 10 часов, начался Крестный ход, в котором приняли участие, без преувеличения, десятки тысяч белградцев. Во главе шли все иерархи Сербской Православной церкви. Крестный ход был посвящен 200-летию Первого Сербского восстания против турецкого владычества. Наша делегация участвовала и в Крестном ходе, и потом в торжественном молебне в только что построенном соборе Саввы Сербского. Состоялось освящение собора и памятника Святому Савве работы В.М. Клыкова, установленного перед собором.

Во второй половине дня делегацию пригласили на прием, который дал Патриарх Сербский Павел. Вечером вылетели в черногорский город Никшич, где проходили Дни русской культуры. Утром 11 мая друзья повезли делегацию в православные монастыри, расположенные в горах. Красивейшая местность — высокие горы, монастырские кельи, выдолбленные в скалах, глубокие пропасти, узкие дороги — все это производило большое впечатление. А вечером состоялся большой концерт в Никшиче, где исполнялись сербские и русские песни и танцы.

12 мая в 10 часов утра начался многолюднейший Крестный ход в Никшиче. 70 тысяч человек прошли по улицам города под звон колоколов всех храмов. После обеда, данного мэром и митрополитом, состоялось торжественное открытие и освящение скульптуры Пресвятой Богородицы. Создатель ее был награжден высоким орденом Дружбы и провозглашен почетным гражданином Никшича.

Все выступавшие на приемах и митингах, газеты всех направлений высоко оценили работу скульптора и благородную миссию Фонда.

Так сбылась мечта Вячеслава Михайловича о передаче его работ в дар дружественному народу Сербии и Черногории.

Глава 23

«И ВИЖДЬ, И ВНЕМЛИ...»

Казалось бы, еще совсем недавно мы «всем миром» отмечали 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина, еще свежи в памяти многочисленные мероприятия и выступления в честь нашего национального гения — а ведь поди ж ты, прошло уже восемь лет! И все же стоит вернуться к знаменательному юбилею 1999 года, ведь он многое в нашей жизни высветил — отрадное и плохое.

Бывают праздники — и праздники. Еще в памяти у каждого: «Выручи, сходи на демонстрацию!» — это профорг (комсорг, парторг) смотрел на тебя умоляющими глазами, и неловко было отказать человеку. Вот и оказывались вымученными все наши «столетия» и «годовщины» — круглые и не очень.

А тут что-то живое, родное, русское — Пушкин! И при солнечном, сверкающем этом слове не человек даже представляется прежде всего, а наша культура, которую не только мы — весь мир называет великой, наша литература, чьими идеями и образами живет мировой театр и другие искусства, наша национальная гордость, высота духа, величие народа, наконец...

Пушкин! Это как собственный день рождения, прозрения, ощущения себя гражданином мудрой и трагической, богатой и нищей, мятущейся и озаренной, единственной и любимой страны — России.

Ну, как тут не отметить было такую значительную дату — 200-летие со дня рождения нашего гения? Мы от-

метили Пушкинский юбилей как смогли: кто торжественно, на митинге или на праздничном вечере в Большом театре, кто наедине сам с собой, как свой личный праздник, духовный и душевный.

Мне повезло, я встретила 200-летие Александра Сергеевича в Арзамасе, куда прибыла в составе большой делегации поэтов, писателей, художников. Центральным событием празднеств в этом городе ожидалось открытие памятника Пушкину работы Вячеслава Михайловича Клыкова. Что такое сегодняшний Арзамас, что он и вообще Нижегородский край значил в судьбе и творчестве Пушкина — об этом я и постараюсь рассказать читателю.

«Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим», — писал Пушкин. Каждый, кому довелось посетить заповедные Пушкинские места, кто познакомился с местными краеведами, музейными, административными работниками, учителями, преподавателями вузов, журналистами, не может не восхититься их подвижничеством, глубочайшим уважением к Пушкину, который для них с колыбели — и вера, и надежда, и любовь. Вот уж, действительно, люди, вся жизнь которых повита с Пушкиным...

Думаю, в этом трудно отделить горожан от сельских жителей; предания, легенды, были о Пушкине издавна передавались из уст в уста и в Болдине, и в Кистеневке, и в Арзамасе, и в Нижнем. Может быть, селяне, носители фольклора, чувствуют эту нерасторжимую, кровную связь с Пушкиным ярче и сильнее.

И вот что интересно: во все периоды бурной истории России отношение к Пушкину тут не менялось. Даже в революцию, когда в губернии жгли дворянские усадьбы, «болдинское гнездо» уцелело. 11 апреля 1918 года собрался сельский сход и на все предложения поделить землю, парк и дом между крестьянами ответил: «Как же мы на

святыню руку поднимем?». Сход единогласно постановил: «Данную усадьбу, на ней постройки, сад и полевою землю взять на предохранительный учет, чтобы увековечить память великого поэта Александра Сергеевича Пушкина». Волостной исполком это постановление утвердил, в доме была размещена школа, ей придан парк. Так удалось сохранить заповедное место, известное ныне всему грамотному миру.

Дерновая скамейка, уголок сказок, Пушкинский шатер, лиственница, которую, как гласит устное предание, поэт привез когда-то с Урала и вместе с «дядькой» Никитой Козловым посадил маленьким саженцем — возле дома — все дышит Пушкиным. А рядом — роца Лучинник, любимое место прогулок поэта, и тихо журчит Пушкинский незамерзающий родник, такой же чистый, кристальный, прозрачный и наполняющий людей, как и стихи поэта. К 200-летию Александра Сергеевича в Болдине закончился капитальный ремонт дома Пушкиных, восстановлена церковь Успения Богородицы. Учитывая круглогодичный наплыв многочисленных гостей, здесь построили также прекрасную гостиницу на 100 мест. В честь юбилея состоялись очередные Болдинские чтения, в которых приняли участие ученые из 10 стран, по материалам их выступлений выпущен сборник.

В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны..

«ТО В КИБИТКЕ, ТО В КАРЕТЕ»

Карта путешествий Александра Сергеевича по России — это 34 тысячи верст. Москва — Петербург — Москва; Тверской край, где жили его друзья и знакомцы, навещать которых он любил и в Торжке, и в Малинниках, и

в Старице, и в Бернове; Михайловское, Тригорское, Псков; Нижний Новгород — Казань — Оренбург; Калуга, Белев, Орел, Ставрополь, Екатериноград, Тифлис — Эривань, Арзрум. Проследить все маршруты, проехать «по следам» Пушкина — увлекательнейшая задача для исследователя. Мы же выберем лишь одно направление: Москва — Владимир — Муром — Арзамас.

Почти во всех своих произведениях поэт непременно заводит речь о дорогах, их неудобствах, протяженности, скуке, о стычках с возницами и станционными зрителями, о необходимости высылки лошадей в такой-то пункт, о протяжных (чтобы хватило на большой кусок дороги) и заунывных песнях, таких же, как необозримые, ровные, однообразные просторы вокруг. В Арзамасском историко-художественном музее в юбилейном году демонстрировалась выставка «Арзамас пушкинской поры». Музейные работники — вот уж поистине подвижники, энтузиасты любимого дела, подлинные патриоты своего края, своей Родины! — собрали, подчас на собственную скромную зарплату, замечательную коллекцию декоративно — прикладного искусства, предметов дворянского и крестьянского быта. Аромат Пушкинской эпохи передают изделия из бронзы, фарфор, чайные сервизы — неперенный элемент чаепитий, этой особой формы общения той поры, литографии, портреты, картины местных художников, документы городской Думы и ... дорожные аксессуары, например, поддужные колокольчики, изготовленные валдайскими кузнецами. С разрешения любезных хозяек музея, берем один колокольчик в руки — на нем видна надпись: «Дар Валдая». А поет он как! Возможно, именно этот мелодичный звон слышал поэт на длинных лентах дорог.

В Нижнем Новгороде Пушкин был лишь однажды — по пути в Оренбург в 1833 году. Встречался с местными

властями, земством, помещиками. Со смехом вспоминал потом, как нижегородский губернатор М.П. Бутурлин принял его поначалу за специально присланного из Петербурга инспектора. Поскольку у Пушкина никогда ничего не пропадало, ни один жизненный эпизод, то и в данном случае разыгралась буйная фантазия, смешной факт оброс множеством великолепных деталей, а облик помещиков преобразился в яркие сатирические портреты. Что из этого получилось — знает каждый школьник: щедрый от доброты и богатства души, благожелательный к собратьям по перу (сколько таких примеров в истории отечественной литературы!) Пушкин поделился нижегородскими сюжетами с Николаем Васильевичем Гоголем, а тот блистательно воплотил их в комедии «Ревизор» и в поэме «Мертвые души».

«И ВЕСЬ ОН — ЧУДО!»

Так написал о Пушкине Максим Горький в предисловии к американскому изданию стихов поэта (1925 г.). Великий нижегородец назвал его «проникновеннейшим психологом, человековедцем, универсальным гением». В творчестве поэта, писал Алексей Максимович, «ярко сверкает печать неуязвимости, бессмертия, гениальной прозорливости... Для историка литературы нет темы более значительной и сказочной, чем жизнь и творчество Пушкина».

Нужно ли говорить о том, что Горький принял самое активное участие в подготовке и праздновании в Нижнем 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина? Местные газеты прошлого века рассказывают о вечере в торгово-промышленном клубе Нижнего Новгорода, на котором выступил Горький с речью о Пушкине, и «под шумные, долго не смолкавшие аплодисменты» прочел стихотворение поэта

«Деревня». Журналисты дружно отметили «сильное впечатление» от этого выступления.

О том, как проходило празднование 100-летия Пушкина в Нижнем Новгороде, стоит сказать еще несколько слов, благо была возможность воспользоваться архивными публикациями.

1899 год был на Волге голодным: засуха двух предыдущих лет, жара, стоявшая в губернии уже много дней, заставили нижегородцев бить тревогу. «Губерния в тисках голода!», «Власти должны оказать немедленную помощь жителям Болдина и всему Лукояновскому (бывшему Арзамасскому) уезду!» — писали газеты. Однако юбилей Пушкина — святое дело для русской глубинки, русской провинции — нижегородцы отметили торжественно, как величайший праздник.

По постановлению городской думы, решено было установить бюст поэта в детском садике против Лыковой дамбы (впрочем, решение об установке было принято еще в 1880 году, новое только ускорило работу над памятником); одна из школ города получила имя Пушкина; был разбит сад имени поэта; всем школьникам выдали бесплатно Пушкинские книжки.

День 27 мая (6 июня) 1899 года во всех учебных заведениях Нижнего начался с панихиды, затем священник или учитель сказали воспитанникам слово о Пушкине, школьные хоры исполнили гимн «Боже, царя храни» и несколько песен на слова поэта. Потом началось гуляние: 3500 учащихся города шли крестным ходом в Марьину рощу, где снова были выступления, звучали стихи Пушкина.

В городском театре состоялся праздничный спектакль, на котором была исполнена специально написанная к юбилею кантата директора музыкального училища В.Ю. Вилдуана «Сто лет назад родился Пушкин». Собрав-

шиеся внесли пожертвования на устройство школы в Болдине.

Вот так было в этом славном городе прежде. А сейчас? О, празднование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина прошло здесь так, что перечислить все мероприятия, а их насчитывались тысячи, нет возможности. Пушкинский год дал многочисленные инициативы «снизу», а точнее говоря, народ славил своего любимого поэта, радуясь возможности отмечать его годовщину как праздник русской культуры, как национальный юбилей. И тут уж энтузиазм ни ограничить, ни сдержать, ни забюрократить не удалось никому. Как сказал писатель Б. Зайцев: «Пушкинского в России остановить нельзя».

Отмечу лишь одну важную акцию, связанную с Нижним Новгородом.

С тех пор как в 1930—1950 годах вышло Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 19 томах, давно уже ставшее библиографической редкостью, подобная многотрудная работа нашими пушкинистами не предпринималась. Сейчас, к 200-летию вновь вышло его Полное собрание в 23 книгах (издательств «Воскресение»). Среди спонсоров — тогдашний нижегородских губернатор Иван Петрович Скляров, председатель оргкомитета празднования Пушкинского юбилея в области.

6 июня, открывая в Арзамасе памятник А.С. Пушкину работы скульптора В.М. Клыкова, Иван Петрович Скляров говорил о гуманистической ценности творчества поэта, «которое свидетельствует: русский дух сломать нельзя».

«ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ»

Арзамас — маленький (100 тысяч жителей) городок, глубинка, дальняя провинция, глухомань, как его называ-

ли прежде. Длинные улицы, одноэтажные дома, сплошь деревянные, некоторые в два окна, новые кварталы типовой застройки, соборы, церкви...

Но знает этот город, благодаря Пушкину, весь мир.

Арзамас — слово мордовское, означает: арза (эрзя) — красивые люди, мас — место. Город основал Иван Грозный во время похода на Казань на месте мордовского поселения.

А.С. Пушкин проезжал через Арзамас в Болдино 9 раз, и этим очень гордятся местные жители («Немного мест в России, которые могут сравняться с нами по числу Пушкинских посещений!» — не раз говорили они нам). Поэт останавливался в городе у «знакомцев», ходил в гости, танцевал на балах; здесь жила и похоронена его племянница, дочь брата Левушки Ольга Львовна Пушкина — Оборская (1844—1920 гг.), последние годы проведенная в Алексеевском женском монастыре в Арзамасе. В Арзамас Пушкин приезжал и по чисто практической надобности: хлопоча перед свадьбой о вступлении в наследство, он ездил сюда, в уездный центр «выправлять» нужные бумаги по родовой вотчине; с арзамасской почты поэт отправлял письма.

Нравился ли Пушкину Арзамас? Как знать, в любви этому городу поэт не признавался. Но вот свидетельства тех, кто посещал Арзамас и в Пушкинскую пору, и позже: город привлекал твердым, православным основанием жизни. Четыре монастыря, двести церквей — это ли не свидетельства высокой духовности арзамасцев?

Величественный Воскресенский собор, сравнимый разве что с храмом Александро-Невской лавры, при Пушкине еще был недостроен; возводился он целиком на народные пожертвования. Заложен был в 1814 году в честь победы в Отечественной войне, во славу русского оружия, и строил его профессор архитектуры, местный уроженец

Михаил Петрович Корифский. Строительство собора шло 30 лет, но даже в недостроенном виде он привлекал внимание путников.

Замечательными мастерицами-золотошвеями славился арзамасский женский Алексеевский монастырь, выполнявший заказы для московского Храма Христа Спасителя (ими вышита была Плащаница). И, может быть, благодаря крепкой вере, высокой духовности арзамасцев, их миновали в истории многие беды: Пугачев обошел, чума и холера так и не разразились, хотя косили многие уезды по соседству.

«СТРАШНАЯ ВОЙНА НА ПАРНАСЕ»

Арзамас вошел в историю русской литературы благодаря одноименному обществу любителей словесности, куда Пушкин был принят еще будучи лицеистом. Чем же так прославился кружок, чем он отличался от многих литературных обществ той поры?

С первого дня своего создания «Арзамас» ринулся в бой, в самую гущу «страшной войны на Парнасе», по выражению В.А. Жуковского. Обновление литературного языка, защита художественного вкуса, приближение изящной словесности и тематически, и идейно к современности, свобода выбора для творца, его право на поиск — вот что отстаивали «арзамасцы», стойчески принявшие на себя критику консерваторов от литературы, ратовавших за неизменность языка, тематики. Главным оппонентом, «символом дурного вкуса» было для группы передовых литераторов общество «Беседа любителей русского слова», возглавляемое адмиралом Шишковым.

Арзамас привлекал членов общества еще и тем, что там действовала Академия живописи, организованная ме-

стным художником, академиком живописи Александром Васильевичем Ступиным (1786 — 1861). Поначалу это была школа живописи, первая в русской провинции, ставившая целью обучение крепостных и вообще талантов из народа. Патриотически настроенные современники поддерживали в печати открытие школы — «заведения, поистине заслуживающего всякого внимания», а самого Ступина называли «заводителем дела необыкновенного, действующим как прямой сын Отечества».

Во время Пушкинских торжеств мы побывали в доме, где когда-то размещалась Академия, поклонились установленному перед зданием памятнику с лаконичной надписью: «Александр Васильевич Ступин, основатель первой провинциальной школы живописи в Арзамасе».

Здесь обратим внимание на слово «провинциальной». Арзамасцы, замечательная городская интеллигенция: учителя, преподаватели, художники, поэты, краеведы — не стыдятся, не избегают этого слова, наоборот, произносят его с гордостью. Они подчеркивали свою «провинциальность» в выступлениях на Пушкинских торжествах, встречается это слово и в специальных изданиях, публикациях, посвященных 200-летию Александра Сергеевича. В этом их союзник — Вячеслав Михайлович Клыков, от которого не раз приходилось слышать: «Духовное возрождение России начнется с провинции». Неизвестно еще, что провинцией считать...

В июле 1997 года в Арзамасе открылось отделение Международного Фонда славянской письменности и культуры. Эту инициативу одобрил и поддержал президент Фонда Вячеслав Михайлович Клыков. Отделение получило статус областного Нижегородского отделения со штаб-квартирой в Арзамасе и право работать на основе собственного Устава. Возглавил отделение Борис Сергеевич

Кондратьев, кандидат филологических наук, доцент Арзамасского пединститута. В Уставе отделения записано, что оно ставит своей задачей поднять авторитет Арзамаса как города Пушкина, возродить утраченные местные традиции, создать новые.

Началась напряженная работа. Был образован Пушкинский комитет, в который вошли писатели, поэты, музейные и библиотечные работники, краеведы, журналисты, актеры, учителя. Комитет обратился ко всем арзамасцам с призывом вспомнить отечественную традицию строительства важнейших объектов «всем миром» — возродить на народные пожертвования дом Бессоновых. Некогда именно так, «всем миром», был создан в Арзамасе грандиозный Воскресенский собор. Девиз «Дом Бессоновых — наша память!» поддержали жители города. Были изготовлены типовые подписные листы (кто сдает, сколько, кто принял, кто ревизор), начался прием денежных средств. По поручению администрации, директор местного лесхоза определил специальную делянку для сруба дома Бессоновых. Пушкинский комитет провел Декаду искусств, весь сбор с которой пошел на восстановление объекта. По окончании реставрационных работ решено было в этом прекрасном здании разместить Дом творческой интеллигенции.

EXIGIT MONUMENTUM

В связи с 200-летием со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и в память о неоднократном его пребывании в городе Арзамасе — присвоить площади на пересечении улиц Свободы и Кирова наименование «Площадь Пушкина». Такое постановление приняла городская Дума Арзамаса.

На этой красивой, уютной площади состоялось торжественное открытие памятника А.С. Пушкину работы скульптора В.М. Клыкова. Цветет сирень, белые ее кисти (здесь почему-то она сплошь белая) виднеются в зеленом обрамлении площади. Тщательно выложена плитами территория вокруг памятника, расставлены деревянные, «пушкинские» скамейки с высокими спинками... По соседству — Театр юного зрителя, кинотеатр «Юбилейный», на фасаде которого красуется транспарант: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!», через дорогу школа, чуть дальше пединститут. Соседство для Пушкина достойное.

— Поначалу идея памятника казалась нам чистой фантастикой, — говорил Борис Сергеевич Кондратьев. — Уездному городу, глубокой провинции согласился передать свое произведение известный скульптор, у которого напряженный график работы, расписание, заполненное на много лет вперед... Договориться с Вячеславом Михайловичем — такую задачу взял на себя Борис Анатольевич Батманов, председатель Муромского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры. Он учился в Арзамасе, тут у него много друзей. Общась с В.М. Клыковым по поводу создания памятника Илье Муромцу, Батманов взял на себя труд поговорить со скульптором и о Пушкинском юбилее, о памятнике поэту в Арзамасе, а мне досталась другая задача — заручиться поддержкой городской администрации. Шел я к мэру без особой надежды на успех. Но получилось все как нельзя лучше. И вот... наш разговор с Батмановым получил такое счастливое завершение — прекраснейший памятник, который сейчас перед нами.

Чудо? Разве мало в истории примеров, когда после жесточайших кризисов, войн, разрухи и нестроений мудрые правители прежде всего заботились о сплочении народа вокруг святой идеи, обращали его взоры к великим

страницам прошлого, стремились напрямь жизненную волю соотечественников, их духовные силы. Вспомним, как создавались памятник Минину и Пожарскому, Храм Христа Спасителя... Может быть, Пушкин нам и послан Богом, чтобы мы воспрями, почувствовали себя нацией, единым народом, ведь объединяющая, сплочивающая энергия русского гения так велика, так явственно ощутима!

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленья свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом, —

так писал А.С. Пушкин. Сколько мудрейших предостережений нам, своим потомкам, оставил русский гений!

Вячеслав Михайлович не раз обращался к Пушкинскому образу, памятники поэту его работы установлены в Перми и Тирасполе. Не раз в своих выступлениях Клыков говорил о значении Пушкина для русской жизни, о гармоничности его образа, в котором «проступает гармония России». И Нижегородскую землю Клыков любит: ее украшают памятники преподобному Серафиму Саровскому и неистовому протопопу Аввакуму — оба работы Клыкова. Думаю, не последнюю роль сыграла и прекрасная обстановка в Арзамасе, чудесные русские люди, которые здесь живут и работают.

Вот он перед нами, замечательный памятник, способный украсить любой крупный город. Фигура выполнена в кованой меди, ее высота 3 метра, вместе с пьедесталом — 7 метров. Постамент из красного гранита, благодного цвета, хорошо гармонирующего с фигурой; пьедестал строгих линий, украшен картушем в форме лиры: «Александр Сергеевичу Пушкину».

Пушкин изображен в сюртуке, цилиндре, скульптор запечатлел его на прогулке. Руки поэт держит за спиной, одна рука в перчатке, другая перчатка в руке. Лицо внимательное, он словно вглядывается в Россию через два разделяющих нас века.

Беседуем с архитектором проекта Андреем Николаевичем Столяренко.

— Это мой первый памятник, и сразу — такая крупная работа, с таким мастером, как В.М. Клыкков, — говорит молодой мастер. — Вячеслав Михайлович приезжал к нам в ноябре, мы с ним согласовали место установки. У нас в городе не было площади, предполагающей установку подобных сооружений, поэтому пришлось расширять участок. Эти работы планируем продолжить, четыре фонаря, установленных у памятника, заменим на более высокие, четырехрожковые с кронштейнами. Очень хочется, чтобы земляки полюбили эту часть города, как вы, москвичи, любите свою Пушкинскую площадь.

На открытие памятника собрался весь город. Прибыл губернатор Нижегородской области И.П. Складов, позже из Болдина приехала тогдашний вице-премьер В.И. Матвиенко, многочисленные гости из Москвы, Нижнего, Сарова. И хотя над Арзамасом промчался мощный ураган, причинил немалый ущерб, были разрушения, памятник (он еще был закрыт полотнищем) устоял! Видно, Богу так угодно, Господь его хранит.

Пушкинский год показал: юбилей, проведенный широко, на народном уровне, когда кажется, ни один человек не остался не причастным, всколыхнул нашу жизнь, кого — то заставил задуматься, кого — то утвердил в своей правоте. И как хорошо, что символом этих торжеств стало открытие памятников Александру Сергеевичу, в том числе и замечательного памятника работы скульптора Клыкова.

Глава 24

ЗАРЕВОЙ ДОЖДЬ

Вячеслав Михайлович — автор памятников, бюстов, скульптурных портретов, памятных досок, посвященных выдающимся деятелям русской литературы. Три великолепных памятника А.С. Пушкину в Перми, Тирасполе и Арзамасе, величественный «Бунин» в Орле, великолепный «Батюшков» в Вологде, памятники В. Хлебникову, В. Высоцкому, Н. Рубцову, И. Талькову, скульптурные портреты В.И. Белова, В.Н. Крупина...

Он хорошо знал литературу, поэзию. Все, кто слышал, как он декламирует (без всякой подготовки!) Хлебникова, Рубцова, поражаются его удивительной памяти. Из прозаиков Вячеслав Михайлович любил Василия Ивановича Белова, Евгения Ивановича Носова и особенно Василия Макаровича Шукшина.

Клыков тяжело переживал смерть Шукшина — как будто уход из жизни брата. Они были очень похожи: такая же святая, неизбывная любовь к России, к деревне, такая же тяга к природе, земле; такое же стремление сделать все возможное, чтобы людям нашим жилось на этой земле лучше, вольготнее, красивее. Без сомнения, и в области идеологии они были близнецами-братьями: когда перечитываешь, например, «крик души» Шукшина, его повесть-сказку «До третьих петухов», то невольно вспоминаешь слова Клыкова о судьбах русского народа, о бесчинствах, которые творят нынешние хозяева жизни, об упадке культуры.

Мы сидели в просмотровой Центральной студии документальных фильмов — небольшая группа сотрудников Международного Фонда славянской письменности, киношники-документалисты. Обсуждали только что показанную новую ленту режиссера Николая Филипповича Ряполова «Непокоренная Россия», посвященную Вячеславу Михайловичу. Всем запомнился эпизод, где Клыков сидит на пригорке и говорит пронзительные слова о жизни, о России, об искусстве, о 50-летию Победы (лента снималась в 1995 году). Это был для скульптора знаменательный год — открытие памятников маршалу Г.К. Жукову на Манежной площади в Москве и Монумента Победы на Прохоровском поле в Белгородской области. Клыков в этом эпизоде сидит по-крестьянски, по-мужичьи, подняв колени (какой-нибудь интеллигент-горожанин сел бы, наверно, нога на ногу.). Вокруг Вячеслава Михайловича родная земля, поля, перелески, поют птицы, у ног журчит ручей — как символ обращения к истокам, неистощимости народных талантов, возрождения Руси. А тут еще и дождик брызнул на куртку героя фильма — веселый дождик, солнечный, «грибной». И сразу вспомнился рассказ В.М. Шукшина «Заревой дождь»: «Заревая сторона неба нахмурилась тучами, начался дождь».

Вообще часто в тот день вспоминался Шукшин: и поза у Клыкова в фильме «Непокоренная Россия» была такой же, как у Егорушки в «Калине красной», когда сидит он на горушке, и пафос картины Шукшина, любовь к земле — совершенно клыковские. Заговорили о шукшинских произведениях: кому-то больше всего нравится рассказ «Критики» — о дружбе деда с внуком-подростком; кто-то сказал, что любит у этого автора повесть-сказку «До третьих петухов» — как ополчилась вся нечисть на Ивана-дурака, он же в этом противоборстве только разума набрался. А Клыков сказал: «Помните, как в «Калине красной» Егор

к березкам обращается? «Невестушки вы мои!». Это он к родине обратился, к земле своей...»

Вячеслав Михайлович любил крупные произведения Шукшина: «Я пришел дать вам волю...», роман «Любовины», хорошо знал рассказы писателя, фильмы с его участием.

Удивительное дело: между родиной Шукшина (Алтайский край) и родиной Клыкова (Курская область) — тысячи верст; казалось бы — и природа, и люди — все другое. Но характеры, облик персонажей, их достоинства и недостатки, их надежды и чаяния, их беды и радости — у них те же. Почему это? Потому что одна нация, русский народ. И творцы, воплотившие этих людей в искусстве кино, в литературе и искусстве — плоть от плоти русского народа, сами русский народ и есть, лучшие сыны народа.

Шукшин писать начал поздно, уже 30-летним человеком. Свое место в литературе определил решительно: в рядах деревенской прозы. Когда читаешь его рассказы, перед глазами встает русская деревня: многочисленные села, сельца, поселки, иногда райцентры, но чаще — именно деревни: Новая, Чебровка, Крутилино, Краюшкино, Ясное, Мякишево... Живет в них самый разный народ: талантливые и тупые, добрые и скупые, пьяницы и беззаветные труженики. И все же больше — добрых и трудолюбивых. Не случайно один плотник говорит у него: «Моим топором полдеревни построено», а хлебороб в другом рассказе: «Если собрать весь хлеб, что я за свою жизнь посеял и убрал, — весь район можно год кормить».

Герои прозы Шукшина — врачи, агрономы, учителя, но чаще крестьяне и работники: плотники, столяры, шорники, паромщики, пастухи, шоферы, механизаторы. В основном, это люди лет сорока или около того — самая зрелость, время определиться, дать мыслям «устояться». Вот они: Спирька Расторгуев, Глеб Капустин, Витька Борзен-

ков, Веня Зяблицкий, Антип Калачиков, Филипп Тюрин, Колька Паратов, Анисим Квасов, Степан Воеводин, Роман Звягин и многие другие. Однако любимые герои писателя все же другие — старики: дед Тимофей, дед Ермолай, Никитич, Нечай, Наум Евстигнейч, дед Куделька. Иногда же герои просто называются: старик, Петькин дед. Писателя привлекает их мудрость, богатый жизненный опыт, неспешное обдумывание пройденного пути. Женских персонажей значительно меньше, в основном это вдовы, потерявшие мужей и сыновей на войне. Да и некогда им расуждать с мужиками — работы еще по дому да со скотиной невпроворот.

Жертвы на войне алтайские села принесли страшные: почти каждая семья хранит похоронки. Детей здесь всегда было много, бабы рожали по пять-семь детей, одна Шукшинская героиня — Марфа Калачикова (рассказ «Одни») родила 18 детей, в живых осталось четверо.

Вячеслав Михайлович очень ценил у Шукшина «военные» страниницы. Он вообще часто вспоминал войну, рассказывал, как они убежали от немца, голодали, как встречали вернувшихся домой фронтовиков, в том числе отца Славы.

Он преклонялся перед подвигом женщин с хутора Сторожевого, которые после Курской битвы собрали тела наших воинов и похоронили их в братской могиле, за которой и посейчас ухаживают уже их внуки (Клыков поставил на этой могиле величественный Крест-памятник). Он знал много историй о героических женщинах, о подвигах русских людей во все времена истории. Например, такую:

— Недалеко от Куликова поля, в близлежащем селе Веневе, где мы заложили Крест, нам рассказали историю семьи деревенского кузнеца. В семье было двенадцать сыновей. Они все ушли на Куликовскую битву и все погибли.

На другой день после битвы здесь, у их отчего дома, забили двенадцать источников, словно бы в память об этих русских воинах. Легенда это или же быль, но меня она потрясла. И мы будем строить на этом месте часовню в честь двенадцати апостолов.

Как живут шукшинские герои? По-всякому. Достака нет почти ни у кого, но голода тоже нет. Писатель демонстрирует по-настоящему глубокое знание жизни, мельчайших деталей крестьянского труда и быта. Большинство его героев — вечные труженики: сидят вечером после работы — натруженные руки дрожат на коленях. Тюрьма... Многие прошли ее — кто за дело, кто так... Без водки не обходится на одна история. Она и лечит, и помогает забыть, и снимает усталость. А что делать-то еще в деревне вечером? В рассказах персонажи много и увлеченно рассуждают — о Боге, о религии, о Космосе, о жизни и смерти. Мужики пытливы: ищут правды, смысла существования; они любознательны, с неукротимой энергией пытаются доказать осенившие их и кажущиеся им такими ясными истины («Психопат»). Некоторые из них ярко талантливы, как, например, замечательный резчик по дереву Васека в рассказе «Стенька Разин». «Самородки», — говорят о таких мужиках приезжие из города. Писатель удивительно деликатно касается темы любви, и только в рассказе «Осенью» она передана как всепоглощающая страсть. Герои рассказов справляют свадьбы, отмечают праздники, играют на музыкальных инструментах — кто на баяне, кто на балалайке, залихватски пляшут, впечатывая сапоги в пол, поют песни — русские народные и современные, частушки; в каждом рассказе есть песня.

Среди героев Шукшина есть очень красивые внешне люди («молодой ладный парень», «правильное сухое лицо» и т.д.) Спирька Расторгуев («Сураз») — вообще красавец: приезжие называют его «красивый молодой

бог», «маленький Байрон». Размышления и «философские муки» некоторых из них наивны, писатель находит им общее определение: чудики («Срезал», «Упорный», «Микроскоп», «Штрихи к портрету»). Смеешься, например, над Монеи Квасовым, который все никак не может поверить, что вечный двигатель невозможен, — а потом сердце шепчет: ведь человек не для себя старается, для всех хочет сделать лучше, а от него отмахиваются, как от мухи. Грустно. Другие же чудики- «философы», размышляющие о государстве, о мире, об освоении Космоса, демонстрируют и логику, и желание внести порядок в мироустройство, и, конечно, отсутствие достаточных знаний. Нет, они не так просты, как кажутся, эти философы; в том, как они пытаются изложить свои теории, больше бравады, желания показать городским, что и они «не лыком шиты», и они имеют гордость.

Они задают и себе, и собеседникам упорные, но очень правильные вопросы, на которые ни они, ни кто другой не могут дать ответа: «Почему мы ничего делать не умеем?», «Почему мы пьем?», «Что с нами происходит?» Первый вопрос пытается втолковать слушателям Сергей Иванович Кудрявцев («Психопат»): ему медсестра никак не может правильно сделать укол; на второй вопрос многие персонажи, не задумываясь, ответили бы: «А как же еще жить?» Наконец, знаменитый шукшинский вопрос «Что с нами происходит?» затрагивает все стороны нашей жизни, самую ее сердцевину. От каждого из нас зависит, выйдем ли мы, наконец, на должную национальную дорогу или так и будем продолжать трястись по ухабам кое-как.

Мужики в произведениях Шукшина, все эти чудики, искатели истины, беззаветно любят свою землю. «Да если вы хотите знать, — говорит у него киномеханик Василий Егорыч Князев, — почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так, смотришь, — выходец

из деревни. Надо газеты читать!.. Что ни фигура, понимаешь, так — выходец, рано пошел работать» («Чудик»).

Некоторые критики упрекают Шукшина в том, что у него нет пейзажных зарисовок. Так, В. Курбатов в предисловии к сборнику В.М. Шукшина «До третьих петухов» (М., 1998), разбирая стиль писателя, пишет: «Никаких пейзажей, никаких обстоятельных вступлений, словно и самому автору не терпится узнать, до чего договорятся герои». Мне представляется, что это не совсем точное замечание. Конечно, Шукшин — не Тургенев, у него нет многостраничных описаний природы, но в каждом рассказе автор дает яркую картину грозы, бури, весны (любимое время года писателя), заката, восхода, вершин Алтая, вечера, опускающегося на острый хребет Бубурхана. Это помогает создать атмосферу рассказа, подчеркивает настроение героев.

Удивительно чувствуют природу герои Шукшина! Любят ее, тоскуют, оказавшись вдаль от быстрой Катунь, алтайских долин. В рассказе «Из детских лет Ивана Попова» Шукшин дает красочное описание степи:

«Вольно крутом, просторно... Степь. В травах стоит несмолкаемая трескотня: тысячи маленьких неутомимых кузнецов бьют и бьют крохотными молоточками в звонкие наковаленки, а сверху, из жаркой синевы, льются витые серебряные ниточки... Наверно, эти-то тоненькие ниточки и куют на своих наковаленках маленькие кузнецы и развешивают сверкающими паутинками по траве. Рано утром, когда встает солнце, на ниточки эти, протянутые от травинки к травинке, кто-то нанизывает изумрудный бисер — зеленое платье степи блестит тогда дорогими рядами».

В замечательном рассказе «Солнце, старик и девушка» показано, как тонко чувствует природу слепой старик. Он не только сам приходит каждое утро к реке и садится

на корягу, греясь на солнышке, он так уверенно ходит, что приезжая девушка-художница долго не догадывалась, что он слеп. Старик и девушку учит видеть и понимать природу. «Вообще красиво здесь, — говорит он художнице. — Солнце большое. А вода, вишь, какая у того берега, ровно крови подбавили».

Девушка в этом рассказе задумывается о жизни, о простой и честной крестьянской судьбе. «Может быть, они ближе к Истине? — размышляет она о селянах. — Солнце — оно тоже просто встает и просто заходит. А разве это просто!»

Вячеслав Михайлович Клыков не раз высказывался о Шукшине. Всегда в интервью, когда речь заходила о культуре, современной русской литературе, Вячеслав Михайлович вспоминал своего любимого писателя. Для него он был, как Игорь Тальков, как Владимир Высоцкий, многогранным русским талантом, дар которого отражал понимание всего народа. Россия сконцентрировала себя в этих уникальных явлениях русской личности. Вот и в большой беседе, поводом для которой послужило 20-летие со дня смерти Высоцкого, Клыков также говорил о Шукшине и Талькове (*В. Бондаренко. Последние поэты империи. М., «Молодая гвардия», 2005*):

«Бывают люди, с которыми ты не встречаешься часто, а то и совсем не знаешь, а они тебе настолько дороги, — сказал Вячеслав Михайлович. — И не потому, что это какой-то публичный фетиш. Не раздутый кумир. Впрочем, никто Высоцкого никогда не раздувал. Просто я знал, что такая личность есть. Точно так же я переживал смерть Василия Макаровича Шукшина. Я не был с ним знаком. Но с друзьями его со многими знаком был. Но было изначальное громадное доверие к этому человеку. Такая безотчетная любовь. Он появился для меня первый раз на экране. Вижу — подлинный человек. Правда во всем. Во

взгляде, в образе. И потом, у таких ярких личностей всегда облик такой, будто они из самой сердцевины народа. Из самой гущи. Шукшин — из деревенской гущи, Высоцкий — из городской... Как появляется такая любовь к яркой личности? Непонятно. Так же и к Игорю Талькову... Русские герои. Они нужны России. И все так рано гибнут, сгорают. За Россию гибнут. Внешние причины — ерунда. Пусть копаются специалисты. Они все служили народу, России. Они все — Василий Шукшин, Владимир Высоцкий, Игорь Тальков — на одной планке».

Обратим внимание на слова Клыкова о том, что герои — это люди из гущи народа. Не так ли и шукшинские мужики рассуждают?

В своей автобиографии Василий Макарович писал: «В искусстве надо быть честным. И только так. И не иначе». Хоть относятся эти слова к искусству, они применимы и к литературе, прежде всего к творчеству самого Шукшина.

Недавно в телепередаче его вдова Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина рассказывала, как любил Василий Макарович семью, двух своих дочек, как играл с ними, называл «самым лучшим своим произведением». Показывала квартиру, где жил писатель, и в маленькой кухне — столик у окна с настольной лампой: «Вот здесь он писал по ночам. Только по ночам». Конечно, когда еще было выкроить время? Актер и режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии — как Василий Макарович умудрялся обдумывать и отделять свои произведения? Видимо, не мог не писать. То, что переполняло его, он должен был выразить словом, а не только средствами кинематографа. Вот и работал на износ, сжигал себя во имя своего народа.

Его произведения надо читать и перечитывать, вдумываться в каждое слово, а не только смеяться и плакать

над персонажами. Тогда он будет постепенно открываться, этот замечательный писатель.

Стиль прозаика Шукшина самобытен, его узнаешь сразу. Рассказы небольшие, с острым развитием сюжета; тонко подмечены психологические нюансы, детали крестьянского быта; замечательно даются речевые характеристики: все персонажи говорят по-своему, но все — ярко, сочно, афористично. Писатель — великий мастер диалога, искусства, почти совсем у нас утраченного — и в пьесах, и в сценариях, и в прозе.

Василий Иванович Белов сказал о Шукшине: «Рожденному сибирской, то есть русской, деревней, ему вовсе не требовалось изучать или постигать национальный характер. Позади него громоздилась многовековая, во многом трагическая история, плескалась богатейшая культура народного творчества. И разумеется, в этом смысле появление такого художника вовсе не было для русской культуры какой-то особой неожиданностью или феноменом. Такое появление всегда бывает закономерным и, будем считать, каждый раз не последним. Вместе с тем Шукшин-художник, как это и должно быть с подлинным художником, ни на кого не похож, созданные им образы первоначально свежи и всегда неожиданны».

Не забываем ли мы, читая Шукшина, что наш писатель — еще и замечательный кинематографист? Вот именно кинематограф, мне кажется, и придает его стилю своеобразие. Как будто он ведет объективом по селу, его людям, находит искомое, укрупняет, показывает разносторонне, добиваясь правдивого психологического портрета.

И еще одно, немаловажное. Шукшина можно читать всей семьей, читать детям, у него нет скабрёзностей, тех проклятых слов, которые сейчас наваливаются на нас с

теле- и киноэкранов. Благородство души — оно проявляется и в отношении человека к окружающим, в уважении к ним.

В повести-сказке Шукшина «До третьих петухов» есть сцена в библиотеке: персонажи русской классической литературы на своих книжных полках, в своих переплетках слушают разговор по телефону библиотекаря с подружкой и недоумевают: о ком и о чем она говорит? Знакомых обзывает козлами, баранами, филинами и тюленями... А что такое «пшено», «потопчемся»?

Тут нельзя не вспомнить Вячеслава Михайловича Клыкова, последовательно и настойчиво защищавшего русский язык от искажений, предупреждавшего, что небрежности с языком могут иметь печальные последствия.

Все, кто слышал либо читал выступления Вячеслава Михайловича, не могли не отметить у него прекрасный дар слова, его чистый русский язык. Призыв беречь наш исконный язык, не портить его безобразными заимствованиями красной нитью проходит через клыковские статьи и интервью. Учиться правильно говорить и писать он призывал у наших классиков, прежде всего у Александра Сергеевича Пушкина, которого почитал началом всех начал. Для Пушкина, говорил Клыков, понятия «народ» и «язык» были равнозначны: «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Сам Пушкин учился русскому слову у народа. Преступное вытеснение сейчас исконных слов чуждыми понятиями и словами, по мнению Вячеслава Михайловича, — это не просто искажение нашего языка, это проталкивание в нашу жизнь чуждых нам представлений и понятий. Вместо хорошего слова «благодетель» сейчас повсеместно звучит «спонсор», вместо «согласие, собранность» — «консенсус», что означает отход от своих позиций, уступки, вместо «отзывчивость» — «толерантность»...

Дурашливая шукшинская библиотекаря — овечка по сравнению с современными молодыми девицами, которые не стесняются и нецензурные слова лепить в прямом эфире, слова, которые никогда не позволяют себе произносить его крестьяне. Эфир пестрит словечками: «бренд», его употребляют даже академики (Велихов), «гламур» — это какое-то поветрие, можно даже услышать выражения типа «гламурные туфли»; «вау» — то и дело слышишь по телевидению, и значит, повторяет улица.

Ну, как тут не вспомнить: «Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Будем надеяться, что внимание к нему будет усилено именно сейчас, когда объявлен Год русского языка, год чтения (2007).

...Я помню приезд Василия Макаровича к нам в общежитие МГУ, которое тогда помещалось на Стромынке, 32. Собрались студенты гуманитарных факультетов — филологического, исторического, юридического... Шукшин подробно отвечал на наши вопросы, рассказывал о своей работе в кинематографе. Он плохо себя чувствовал: только что закончил съемки очередного фильма, а, как он сказал нам, в такой период у него всегда обострение язвы. Во время приступов все раздражает. А тут еще, говорит, в магазине администраторша велела сумку открыть, пересмотрела все кульки и свертки. «Такое у меня лицо, видимо, что за жулика принимают»... Лицо было, правда, землистого цвета, усталое, но вообще хорошее русское лицо. Когда читаешь шукшинские произведения, почему-то персонажи в его облике воспринимаются. И Клыков тоже говорил, что ему нравится облик Василия Макаровича. А мне почему-то кажется, что они похожи — Клыков и Шукшин.

Удивительно много общего у них в жизни! Та же великая любовь к своему селу: Василий Макарович в де-

тстве пытался убежать из города, куда они переехали, к себе в деревню, но молодца поймали и вернули восвояси. Клыков, когда семья перебралась на станцию Мармыжи, чтобы детям было поближе ходить в школу, тоже делал попытки к бегству. Тянуло их назад, к любимым полям, речкам, степным просторам... Много позже Шукшин, уже известный актер, режиссер и писатель, делился мечтой уехать в родные места навсегда. Вячеслав Михайлович тоже сказал мне однажды (дело было в Мармыжах, куда приехала делегация нашего Фонда; мы сидели на пригорке, по ту сторону речушки виднелась его родная деревня, далеко вокруг расстилались мягких очертаний холмы, подальше намечались перелески): «Вот смотрю на эту красоту, и так хочется все бросить, уехать сюда, жить здесь, как все живут, вдали от суеты, мельтешни городской». «А как же искусство? — спросила я. — Ты же не сможешь здесь работать как скульптор». И он ответил: «За прожитые годы (тогда ему было 55) я сделал столько, что хватит на три жизни. А без дела я и тут не останусь». Вячеслав Михайлович прожил еще 12 лет, очень напряженных и плодотворных для него, но в Мармыжи приезжал часто и жил здесь иногда подолгу, особенно когда строили здесь храм Покрова Пресвятой Богородицы — по его инициативе, при самом активном участии Мастера.

Клыков, как и Шукшин, очень любил крестьянские работы, в деревне косил, копал огород, сажал деревья — сейчас на его родине целая березовая роща шумит.

Говоря о Шукшине, Вячеслав Михайлович вспоминал песню Высоцкого, посвященную Василию Макаровичу и написанную после его ухода:

Смерть самых лучших намечает —
И дергает по одному.
Такой наш брат ушел во тьму!

Здесь отметим слова «наш брат»: Высоцкий так ощущал родство с Шукшиным. Это родство можно трактовать, как принадлежность к одной дружной компании (Вячеслав Михайлович рассказывал, что в нее в какой-то период входил и Андрей Тарковский), но можно рассматривать шире — с точки зрения места в искусстве и литературе. А что касается «дергает по одному» — вот и выдернула смерть в расцвете жизненных сил и Шукшина, и Высоцкого, и Клыкова.

В уже цитированном интервью (беседа с В.Бондаренко) Вячеслав Михайлович говорит: «У Василия Макаровича было что-то глубинное, народное, корневое, чего, может быть, не хватало Высоцкому, и потому он так тянулся к нему. У Высоцкого все же была городская среда... Василий Шукшин был самым болевым нервом всей русской жизни 60—70-х годов, там уже видны были все беды и проблемы русского человека».

Причину гибели Шукшина (здесь еще не поставлена последняя точка!) Клыков определял так: «Бесы давили». Да, отрицательную роль сыграло окружение, зависть, которая у нас издавна губит талантливых людей и которую каждый из них чувствует и болезненно переживает. Неправедливая критика ранила душу — ведь писали же о Шукшине, что он никакой писатель, оставался бы в кино, зачем полез в литературу... Но, считал Клыков, все же главное было в них самих — Шукшине, Талькове, Высоцком: «В них самих было заложено это самосожжение во имя людей. Они не жили, а горели. Только чудо могло их спасти или перемена образа жизни, смена облика. А они на это не пошли бы... В русских гениях, от Пушкина до Рубцова, изначально был заложен протест против несправедливости».

— Смерть Василия Шукшина, — сказал как-то Клыков, — заставила меня многое переосмыслить в жизни.

Я понял, что художник из узкопрофессиональных рамок должен выходить в жизнь, опираясь на свою интуицию и гражданскую совесть.

Огромная общественная деятельность Вячеслава Михайловича — пример того, как он следовал этому.

Клыков гордился дружбой с людьми, близко знавшими Шукшина, подробно расспрашивал их о нем. Он восторженно отзывался об Алексее Захаровиче Ванине, заслуженном артисте России, фронтовике, заслуженном мастере спорта по греко-римской борьбе. Неоднократно Клыков (их сближало с Ваниным еще и увлечение борьбой) просил меня связаться с Алексеем Захаровичем («Вот напишешь об этом интереснейшем человеке брошюру или текст к буклету!»), рассказывал, как к нему доехать, какие у него есть фотографии, о фильмах, в которых снимался артист. По врученным мне телефонам я позвонила раза два-три, не дозвонилась, потом текучка захватила, и я так и не выполнила просьбу Вячеслава Михайловича. Каюсь и прошу прощения у его памяти. Исправлюсь.

— Мы встретились с Клыковым после того, как я снимался в фильме «Они сражались за Родину» — эти слова Алексей Захарович сказал журналистам в Сретенском монастыре 4 июня 2006 года, после прощания с великим Клыковым. — С моих слов, опираясь на массу принесенных мной фотографий, Клыков изготовил мемориальную доску в честь Василия Шукшина. Вячеслав Михайлович тоже увлекался борьбой, которую когда-то называли и классической, и французской. Может, еще и поэтому мы нашли с ним общий язык. Мы с ним два раза ездили в Мармыжи, после чего я написал маслом картину с его домом. Знаете, в человеке есть два чувства — душа, которая сама по себе, и разум. Услышать душу может только честный человек. Вячеслав Михайлович слышал ее всегда.

Пожалуй, самой характерной чертой, объединяющей такие явления нашей культуры, как Шукшин и Клыков, является многогранность, разносторонность личности. Шукшин — писатель, актер, кинорежиссер — какая ипостась превалирует? Клыков — скульптор, общественный деятель, философ, народный трибун... Оба — знаковые фигуры нашего трагического времени, мистические, редчайшие явления. Отсюда, наверно, и симпатия, любовь.

— Увидел недавно вновь «Калину красную», — делится с читателями Клыков. — Уж сколько фильмов за эти годы пересмотрел, может, более мастеровитых, с изощренной эстетикой, но такого влияния на душу не оказывали. Вот это и есть Русская Правда. И опять видишь знакомое тебе, дорогое лицо и оторваться не можешь. Как это объяснить?

А это и объяснять не надо: значит, на той самой «планке», о которой Вячеслав Михайлович говорил в применении к Шукшину, Высоцкому и Талькову, находится и он, Клыков — такое же уникальное русское явление.

В своем творчестве скульптор не раз обращался к образу любимого писателя. В 1975 году он открыл на родине Шукшина, в селе Сростки Алтайского края, памятник Василию Макаровичу. Здесь он смело и решительно открывает тяжелую дверь, словно вырывается из духоты на воздух, на простор. На лице горькое, трагичное выражение, фигура сухая, стройная, сильная. В других изображениях писателя, которые делал Клыков в 1974—1976 годах, ярко выражена привлекавшая скульптора мысль: «Шукшин — самородок». Это подчеркивают и изрытость фактуры (металл), и золотистая окраска фигуры. Тяжелые, крестьянские, висящие руки — связь с землей, весь образ — боль за безвременно ушедшего человека, напряженного, как гото-

вая порваться струна. Серия «Шукшин» привлекла внимание общественности, заставила говорить о ее авторе.

В 2004 году Василию Макаровичу исполнилось бы 75 лет. Юбилей отметили... не сказать, чтоб очень торжественно и всенародно, но все же не забыли. В столице прошла научно-практическая конференция во ВГИКе, а в Доме национальностей на Басманной улице состоялся вечер, посвященный Шукшину. На родине писателя, в Алтайском крае, юбилейные мероприятия провели: музей В.М. Шукшина и Барнаульский театр его имени.

Но, конечно, центром торжеств стало село Сростки, где ежегодно 25 июля, в день рождения писателя, собирается народ с окрестных и отдаленных городов и деревень. Мероприятие это скромно называется «Шукшинские чтения», однако их масштаб, состав участников-ораторов, страстные выступления выдающихся деятелей русской культуры, резонанс в обществе — все это позволяет назвать их не чтениями, а празднествами, Шукшинскими торжествами.

В юбилейном году здесь был открыт большой памятник Василию Макаровичу работы скульптора В.М. Клыкова.

Погода не баловала собравшихся: то дождь накрапывал, то ливень принимался, то солнце проглядывало. А народу собралось у горы Пикет, по мнению старожилов, более 30 тысяч. Приехали и издалека — из Мурманска, Дальнего Востока, Украины, Приднестровья. И ни один не ушел даже во время ливня! Смотришь сейчас на фотографии этого праздника — словно человеческий муравейник перед выступающими, улей, море голов, а в дождь — море зонтов. А, может, не муравейник это вовсе, а вече, народное русское вече?

Вот несколько фрагментов выступлений на юбилейных торжествах.

Народный артист России А.Я. Михайлов:

«Я не первый раз здесь и очередной раз потрясаюсь и поражаюсь красоте и ауре этих мест. И сегодня удивительное мы видим дополнение — взгляд Вячеслава Михайловича на Шукшина, запечатленный в бронзе. Он смотрит на нас — распахнутый человек, разорвавший свою душу ради России, ради русских людей... Я благодарю Вячеслава Клыкова, потому что его творчество длил память русских людей. Дай Бог нам не только любви и терпения, но и поступков!».

Писатель В.Г. Распутин:

«Вот я смотрю на этот прекрасный памятник Василию Макаровичу и думаю, что будет он служить здесь две службы. Первая служба — Пикет, сторожевая гора, далеко видно, как и в старину приближение кочевников... А кочевники ныне — это не какие-нибудь дикие люди, потомки Чингисхана, а, напротив, самые цивилизованные и зарятся они в жадности своей ненасытной на наши земли и в любой момент могут прискакать с грамотами от Чубайса или Грефа. Смотри, Василий Макарович! И вторая служба — гнать отсюда бесов, которые горазды были в недавние годы распевать здесь дурные песенки «для культурного развлечения» земляков Шукшина. Пикет не для этого. Здесь, на Пикете, надо говорить о главном, слушать лучшее».

Вот теперь нам ясно, почему Вячеслав Михайлович выбрал для установки своего памятника Шукшину именно гору Пикет. Отсюда вся Россия видна! И сделал он фигуру, как символ русского народа, символ Руси. Поднял ее высоко — смотрите, люди, вот каких сынов рождает наша земля, какие самородки выталкивает из глубин своих. Поза Шукшина, одежда — самые простые, народные, крестьянские. Руки натруженные, со вздутыми венами, выражение лица внимательное, сосредоточенное, взгляд

пристальный, устремленный вдаль. Шукшин завещал нам: «Ванька, смотри!» — так называлась первоначально его повесть-сказка; потом авторское заглавие заменили на более «нейтральное» — «До третьих петухов». Но все равно призыв писателя остался: смотрите зорче, русские люди, предупреждает вас Макарыч.

Всегда выбор места для установки памятника был для Вячеслава Михайловича делом ответственным: он не раз выезжал на заранее обговоренную территорию (в Сростки выезжал трижды вместе с архитектором В.В. Пасенко. А работал над памятником скульптор два года, не сразу пришел к такому решению, делал много набросков), прикидывал масштаб, величину постамента, необходимое обустройство прилегающего к монументу участка. Очень часто ему приходилось сталкиваться с противодействием властей, чиновников, «деятелей культуры» разных мастей. Нервотрепку переносил стоически, отстаивал свое мнение до конца, боролся. Так было и с памятником Г.К. Жукову, и с «Бунинным», и с «Каподистрией», да и с другими тоже. Не раз говорил, что хочет все бросить, искать другое место. Натолкнувшись на неслабое сопротивление бюрократов в Сростках, все же не принял встречного предложения — поставить «Шукшина» в Самаре. Остался непреклонен — и победил.

Историю его борьбы за установку «Шукшина» на Пикете подробно описал Анатолий Дмитриевич Заболоцкий в книге «Все отпечатано в душе...» (издание Международного Фонда славянской письменности и культуры; по словам автора книги, в ее публикации помог лично В.М. Клыков). Заболоцкий — прекрасный кинооператор, работал с Шукшиным на фильмах «Печки-лавочки» и «Калина красная», последний его кадр — сидящий босой Шукшин — из картины «Печки-лавочки», снятый именно тут, на горе

Пикет, документально воспроизвел Вячеслав Михайлович в памятнике.

Так вот о битве за место установки. Почти все чиновники и специалисты ополчились против установки на Пикете. Ссылались, как водится, на мнение общественности. Аргументы: далеко идти пешком до памятника, грунт не позволяет, не выдержит 20-тонной бронзовой машины, пьедестал может съехать, овраг у горы все увеличивает и т.д. А местные художники выдали: «Дайте нам деньги, мы сами лучше сделаем». Не понравилась им, значит, работа Клыкова. Место же для памятника определили у дороги, у Чуйского тракта. Другие говорили: в райцентре (Бийске), в Барнауле. И все сошлись на дороговизне: «Клыков деньги отнимает у учителей и врачей». Звонили Вячеславу Михайловичу, упрекали... Каково творцу выносить все это?

Парадоксальная ситуация: деньги на памятник дал сам Клыков и русский предприниматель Сергей Павлович Козубенко. У кого же они «отнимали рубли»? Я помню, когда завершалась работа над памятником Г.К. Жукову, Вячеслав Михайлович рассказывал: «Ругают меня, лучше бы, говорят, на эти деньги носки ветеранам купили...» А сейчас без клыковского «Жукова» ни один праздник не проходит. И к Пикету не зарастает тропа, всегда на пьедестале живые цветы, веточки калины.

А что было бы, если бы памятник стоял у дороги? Человек у обочины, да еще босой... Вместо цветов люди, небось, кидали бы горемычному монетки... Что же касается грунта, то тут можно полностью положиться на опыт Вячеслава Михайловича: для него пробы грунта всегда были основной задачей. И не такой уж тяжелый памятник для горы Пикет — не 20 тонн, а 12. И овраг он предложил засыпать, и построить культурный комплекс у подножия...

А Барнаул и Бийск Мастер сразу отверг: Шукшин их при жизни не очень-то часто посещал, видно не имел особого желания с властями общаться.

Клыков победил недоброжелателей, и встал над Алтаем прекрасный русский человек Василий Шукшин; твердо упирается он в родную землю — постамент, на котором издали четко читаются слова: «Василию Макаровичу ШУКШИНУ с любовью русские люди». И видны ему бескрайние дали вокруг, Сибирь, Россия.

Мы разговариваем со специалистом-шукшиноведом, доктором филологических наук, профессором В.К. Сиговым; его книгу «Русская идея В.М. Шукшина» (М., 1999 г.) читал Клыков во время работы над памятником.

— Владимир Константинович, вы часто ездите на Алтай, на родину Василия Макаровича Шукшина. Поделитесь, пожалуйста, впечатлениями от своих поездок.

— Это, прежде всего, впечатления от Шукшинских праздников. Когда мне впервые довелось здесь побывать, а это был 1984 год, то гора над Катунью была яркой и многоцветной от разросшегося и набравшего полную июльскую силу разнотравья: чабрец, душица, ромашка, колокольчики. В последний свой приезд 2005 года меня поразило, что Пикет в ту же пору — белесый. Присмотрелся и понял: нашествие тысяч человеческих ног по-настоящему выдержал только стойкий бессмертник. Жестковатые белые соцветия упрямо поднимались из-под каблуков. Вот и поседела верхушка Пикета, как голова мудрого старца.

По первому впечатлению это показалось грустным. Как это понять? Не символ ли это разрушительной силы толпы, которая даже в стремлении к истине и красоте разрушает, вытаптывает все вокруг? Слава людская — вещь не такая уж однозначно созидательная. Мы выдумываем

каждый для себя своих Пушкиных, Толстых, Шукшиных и невольно вытаптываем истинное знание о них. Но позже подумалось, что может быть и другое понимание: вынести испытание временем, даже поклонением тысяч дано не всем. Земля и язык никогда не ошибаются, вот и оставили нам бессмертник на горе Шукшина, художника, победившего время, обретшего отнюдь не легковесную славу, получившего право на бессмертие в благодарной людской памяти. Еще одним символом поклонения и любви людей стал памятник Шукшину на самой вершине холма.

— Как вы оцениваете место установки памятника и какие чувства у вас вызывает этот скульптурный образ?

— В июле 2004 года я был в Сростках не в составе какой-либо официальной делегации, на гостевом помосте лицом к массам не сидел, а ходил в толпе с друзьями, барнаульскими учеными, и сверял собственные впечатления от скульптуры Клыкова со звучавшими вокруг. Конечно, многометровому колоссу на Пикете — самое место. Лучшего постамента для столь грандиозного сооружения не придумать. А вот сама грандиозность памятника несколько настораживала. Скульптора я слышал, уважал его общественную позицию, восхищался размахом трудов на благо Отечества, возложенных им на себя. Но органично ли укрупнение и, так сказать, «монументализация» и «обронзовение» кадра из «Печек-лавочек», где то ли бо-сой герой Шукшина, то ли он сам очень просто и как-то устало говорит в объектив кинокамеры: «Все, ребята, — конец!»? И вдруг этого сидящего на земле человека — да на шесть метров над ней!

С такими, примерно, предубеждениями я приближался к Пикету 25 июля. С ними и обходил впервые памятник. Вспомнил, как Василий Шукшин с иронией относился к любым своим даже обоснованным претензиям

на величие или хотя бы память: «Надо заколачивать свой гвоздь в плаху истории (ой-ой-ой)!» Я отошел подальше, посчитал количество продольных морщин на челе памятника — пять. А на известной фотографии-кадре из фильма их только четыре! Да и то они явно мимические — софиты в глаза, на иных фото 1974 года он вовсе без морщин. Хотим мудрым Шукшина сделать, а его мудрость — в простоте и разнообразии человеческих проявлений... Правда, к иным пропорциям мне придраться не удалось. С самого начала пришлось признать органичное сочетание скульптурного и архитектурного решения композиции. Да еще на фоне людского моря, да лицом к говорящим с трибуны-помоста, как бы всем своим видом напоминая каждому, рискующему обращаться к людям: «Нравственность есть Правда». И солнце утром и днем из-за него и над ним разбрасывает лучи, напоминая об одном из немногих воистину несших людям свет истины и красоты.

Однако я как-никак профессор-шукшиновед и ревностно лелею собственное восприятие художника, в этом тоже есть опасность. В моей душе Шукшин тоже большой. Я столько знаю о нем! Легко впасть в самоуверенное предубеждение, что только мне и открыт его подлинный облик. Поэтому я с интересом прислушивался к суждениям многих и многих, так сказать, рядовых участников праздника 2004 года. А эти суждения были однозначно положительными. Начинаешь с кем-нибудь спорить, доказывать свое, а он тебе просто: «Не знаю... А мне нравится. Хороший памятник». Большинство односельчан Шукшина, по моим неформальным расспросам, восприняли работу В.М. Клыкова положительно, как и несросткинцы, из тех, с кем удалось поговорить в 2004, да и в 2005 году. Нравится — и все тут!

— Вам доводилось выступать на Шукшинских торжествах. Каково это — говорить перед тысячами земляков писателя?

— Смотреть на памятник с гостевого помоста и выступать, видя его перед собой в окружении многих тысяч, пришедших на Пикет, мне довелось в 2005 году. Первым спел свою песню для земляков, как оказалось, в последний раз Михаил Евдокимов, погибший через две недели. А следом говорил я. Там всегда волнуешься — тысячи. Но в этот раз чувство было каким-то особенным, и не только потому, что организаторы мне так доверяют. Раньше как было: говоришь для всех, их много, лиц не разглядеть. Стараешься, конечно, до каждого со своим достучаться. А в последний раз — говорю и вижу ЕГО, большого и простого одновременно, его глаза, серьезные, строгие, слегка ироничные, и глаза тех десятков тысяч, голосом которых он сумел стать. Хочется, чтобы и меня хотя бы на мгновение почувствовали родным, есть кого спросить об этом — Василия Макаровича, он передаст другим, что у меня на душе. Памятник Шукшину может стать символом, объединяющим нас в любви к родине и таким разным русским людям, как сумел это сделать сам давно уже ушедший писатель и кинематографист.

Вместе с горем оттого, что уже и великого скульптора нет с нами, приходит новое понимание его неординарных и искренних работ. Памятник писателю, сроднившемуся с алтайской землей, тоже должен поработать, враспи в эту землю, чтобы стать на ней по-настоящему своим. Подождем... Как сказал Василий Шукшин: «Важно проваться в будущую Россию».

Говоря о Шукшине, многие подчеркивают его деревенское происхождение (и в случае с Клыковым тоже). Кто об этом говорит с усмешечкой, а кто серьезно и ува-

жительно. Тогда, на юбилейных торжествах, В.Г. Распутин сказал, что выходцы из деревни — «более крепкого замеса люди». Он посетовал, что сегодняшняя деревня унижается, десятки тысяч деревень на Руси сводятся с лица земли. А между тем, подчеркнул писатель, «как нет ни одного лишнего человека в нашем народе, так тем более нет ни одной лишней деревни на наших просторах. Деревня — это, прежде всего, тот человек, который должен познать истину, исходящую из деревни».

А не о том ли взывает к нам Шукшин, не о том ли многие публичные выступления Вячеслава Михайловича? Вновь процитируем Распутина: «У нас принимается много программ, а почему бы не принять программу о спасении деревни? Программа спасения деревни — суть программа спасения России. Не будет деревни — не будет России. Без деревни Русь потеряет лучшие свои качества: совесть, человеческую близость, мастерство и просто природное чутье и любовь к природе, много чего потеряет. На такую программу стоило бы не пожалеть любых денег, чтобы деревня вышла из того положения, в котором сегодня, — кладбище за кладбищем и одни трубы торчат».

А программа спасения деревни, за которую у всех у нас душа болит, проста: проложить нормальные дороги, провести газ, дать крестьянам (почему-то их сейчас называют лишь селянами — даже президент так говорит) ссуды на постройку новых домов, освятить новые церкви, открыть школы и больницы... Начать и кончить — но ведь надо!

Мне приходилось за границей бывать в деревнях. В США деревень вообще нет, только фермы, у фермеров быт совершенно, как в городе, на фермах работают наемные рабочие. Так у американцев и корней нет, культуры исконной. Была я в деревнях и в других странах — в Бол-

грии, Испании, Греции. В Греции к себе в деревню повезли нас с мужем друзья — Лица и Димитрий. Это родина Димитрия, ехать надо к северу от Афин, в горы, в Беотию. Деревня меня поразила: асфальтированные улицы, прекрасные двухэтажные дома, есть кинотеатр, парикмахерская, химчистка, супермаркет, на центральной площади — большая церковь, стоят столики кафе, за ними отдыхают крестьяне. Работают они на фермах, куда их отвозит по утрам автобус, вечером привозит. Ночью село освещается уличными фонарями, фрукты и овощи развозит по селу крестьянин на ослике, кричит: «Инжир, инжир! Апельсины, апельсины!» Обычная деревня, затерянная в горах... Грустно было отчего-то. Конечно, другой климат, другие условия — все понятно, и все же грустно...

Вячеслав Михайлович очень любил и часто повторял строки Николая Рубцова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Это Рубцов не только о себе сказал — это он подслушал в душах Клыкова и Шукшина.

У меня есть небольшое стихотворение, в котором я попыталась соединить наших двух гениев — Рубцова и Шукшина:

Шукшин сродни Рубцову:
Такой же свет в глазах.
Весь путь — по сердца зову,
Весь путь — полет, размах.

Явились дать нам волю,
Нас вызволить из тьмы,
Но тяжкую их долю
Не разделили мы.

И оба жизнь такую
Прошли, не воротясь,
Погибнув за святую
С землей родимой связь.

Глава 25

«НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССИЯ!»

Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

П.А. Столыпин, из обращения ко Второй Думе

В июле 2002 года мне довелось предпринять большое путешествие на теплоходе по Волге. Среди массы впечатлений, которые оставил круиз, — встречи с Вячеславом Михайловичем, вернее, с его произведениями. Нельзя, конечно, сказать, что Поволжье — это специальный «Клыковский регион»; состоявшиеся там «встречи» говорят о том, что его творчеством охвачены многие места на карте Родины.

В Нижнем Новгороде нас, например, с речного вокзала повезли на автобусе в Кремль, мы вышли у Дома городского правительства, и первое, что увидели перед этим внушительным зданием — Поклонный крест работы Клыкова. В Самаре среди многих достопримечательностей тоже показали Поклонный крест, установленный в парке недалеко от памятника А.С. Пушкину. А потом в этом городе был установлен памятник Святым равноапостольным Кириллу и Мефодию перед храмом, посвященным солунским братьям. Это также детища Клыкова.

...Теплоход подходил к Саратову. Пассажиры залюбовались Жигулями. Здесь они невысокие — не выше 370 м, но очень зеленые и живописные. За ними возвышаются Хвалынские горы, более крутые, знаменитый утес Стеньки Разина как раз в этих горах. Хвалынские менее лесистые, чем Жигули, они меловые, пояс мела тянется отсюда до Белгорода, словно соединяя волжские места с родной Клыкова.

В Саратове тоже есть что посмотреть, здесь много мест, связанных с жизнью и деятельностью Н.Г. Чернышевского и других видных представителей нашей культуры. Мы, наверно, были одними из первых, кого повезли к недавно открытому памятнику на центральной площади — к «Столыпину», над которым работал Клыков.

Мне представляется, что этот памятник — одно из лучших созданий скульптора. Величественная трехметровая фигура из металла установлена на постаменте такой же высоты (коричневый гранит). Столыпин твердо стоит на крепких ногах. Он в парадной форме, с орденами, фуражку держит в правой руке, обнажив голову перед народом. Черты лица мужественные, волевые. На пьедестале значится: «Петру Аркадьевичу Столыпину благодарная Россия» и «Нам нужна великая Россия!»

Памятник решен как многофигурная композиция: у постамента, по углам гранитного четырехгранника автор расположил крупные фигуры из металла — Рабочий, Крестьянин, Воин и Священник — символы опоры Столыпина в его деятельности. Поражает тщательность отделки деталей одежды, орудий труда, разнохарактерность лиц. Вздутые вены на руках рабочего, морщины у глаз крестьянина...

Великий патриот, выдающийся государственный деятель России, Петр Аркадьевич Столыпин родился в

1862 году, был убит в 1911 году, в возрасте 49 лет. Он был столбовой дворянин, статс-секретарь. Старинный дворянский род Столыпиных имел поместья в северо-западных губерниях (Ковно, Вильна). В 1884 году будущий реформатор окончил Санкт-Петербургский университет и поступил на службу в Министерство земледелия. Через восемь лет его назначают губернатором Гродно, затем Саратова. На этом посту он снискал себе уважение как умелый политик и хозяйственник.

Особенно ярко проявился талант Столыпина-руководителя, его решительность и бескомпромиссность во время революции 1905 года. Властям было ясно, что государству нужен такой волевой и ответственный человек, как Петр Аркадьевич, — для преодоления смуты. Его назначают на пост министра внутренних дел и почти сразу же — через два с половиной месяца — он становится председателем Совета Министров с сохранением поста министра внутренних дел.

Выдвижение Столыпина было продиктовано объективной необходимостью: в России быстро развивались города, промышленность, но все же она оставалась аграрной страной с сохранившимися пережитками крепостничества. Землей владели, в основном, крупные помещики: их численность составляла 40—70 тысяч человек, а распределялись они 80 процентами пахотных земель в империи. Нужны были перемены, а значит — реформатор. Им и стал П.А. Столыпин.

Он проводит в жизнь несколько законов: «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» (1906 г.), «Об изменении и дополнении некоторых установлений о крестьянском землевладении» (1910 г.) и «О землеустройстве» (1911 г.).

Столыпинские реформы проводились на фоне ожесточенной политической борьбы (вспомним роспуски Первой, Второй и Третьей Государственных Дум), непрекращающихся террористических актов, злобных нападок на самого реформатора. И все же он смог бы осуществить свои замыслы до конца, если бы его жизнь не оборвал выстрел Богрова, приведший к гибели в самом расцвете жизни и деятельности.

Суть реформ Столыпина можно коротко определить так. Крестьянам, имеющим свои наделы, разрешалось выходить из общины или выделяться в ее составе. В первом случае это были хутора, во втором — отрубы. Крестьянскому банку передавалась часть государственных земель для продажи крестьянам, через Кредитный банк государство помогало им в приобретении земель. По новым законам селяне получали некоторые дополнительные права: отменялась подушная подать, частично предоставлялась свобода передвижения, расширялись выборные права. Поощрялось переселение крестьян из центральных губерний в Сибирь, на Дальний Восток, Северный Кавказ и в Среднюю Азию. Переселенцам полагался бесплатный проезд в специальных «столыпинских» вагонах, т.е. теплушках, в которых можно было провозить также скот и скарб.

Нельзя сказать, что реформы шли гладко: приобретать земли могли лишь состоятельные люди, «крепкие хозяева», на которых делал ставку Столыпин; просрочка платежей по кредитам означала возвращение купленных земель банку и разорение покупателей; освоение новых земель было не под силу бедным переселенцам, многие возвращались на старые места (из трех миллионов уехавших — каждый пятый).

Тем не менее реформы дали толчок укреплению аграрного сектора экономики, стабилизации внутреннего рынка страны. Крестьяне стали в три раза больше заку-

пать сельхозтехники, росли урожаи, особенно зерновых. В 1913 году производство зерна в России было на треть больше, чем в США, Канаде и Аргентине, вместе взятых. Избыток хлеба (1 млрд. пудов) позволил значительно расширить внешнюю торговлю, увеличить экспорт.

В 1917 году Временное правительство постановило аграрные реформы Столыпина прекратить.

Личность Петра Аркадьевича, его действенная политика и в аграрном вопросе, и по отношению к «бомбистам», террористам снискали ему широкую популярность. Его называли «русским витязем», «русским Бонапартом». Как всегда это бывает, у яркого человека появилось много врагов. Левоцентристы Думы, кадеты Милюкова, выражая интересы крупных землевладельцев, возражали против прихода в земство, а оттуда в Думу «крепких хозяев», пугали царя и двор угрозой монархии: «Над православной государственностью занесена Столыпинская секира». Правоцентристы, октябристы Гучкова вкупе с прогрессистами, отстаивавшие интересы промышленников и финансистов, критиковали премьер-министра за ставку на кулаков, костили его за «аграрные привязанности и забвение судеб отечественной промышленности». Приближенные настраивали против него царя: «Он развалит империю», «Его реформы — путь к диктатуре».

Левые депутаты в своих речах и в газетах называли Столыпина реакционером, вешателем, проводником беззакония и погромов. Правые полагали, что физическое устранение премьер-министра оправдывает введение чрезвычайного положения, развяжет им руки для наступления реакции.

Столыпин не мог не чувствовать, что кольцо вокруг него сжимается, что он в глазах врагов — «движущаяся мишень». Первое покушение на его жизнь произошло 12 августа 1906 года, когда был взорван его загородный дом

под Петербургом, пострадали родные, сам Петр Аркадьевич тогда, по счастью, уцелел.

Насильственный уход Столыпина с политической сцены был предрешен. Уже стали судачить о замене: активизировалась «немецкая партия», выдвигающая в кресло премьера Штюрмера, и др. Послы Англии, Франции и Германии информировали свои власти о скорой отставке «этого активного и серьезного деятеля», о том, что его пожалуют графским титулом и он будет отправлен наместником в Польшу или на Кавказ.

В конце августа 1911 года в Киеве открывали памятник Александру II, на торжества прибыл Государь и высшая знать. В этой поездке Столыпин чувствовал свое одиночество: придворные и министры избегали не только говорить с ним, но даже смотреть в его сторону; Григорий Распутин при всех крикнул ему, ехавшему на извозчике (не нашлось места в официальных автомобилях, где разместились свита!): «Смерть за ним, за Петром едет!»

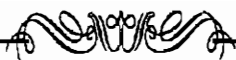
Вечером 1 сентября в городском театре все собрались на парадный спектакль. Столыпин стоял у оркестровой ямы, опершись на бортик, обитый красным бархатом. Вдруг раздался выстрел. Стрелял террорист и провокатор Дмитрий Богров. Когда Столыпин упал, к нему даже не сразу подошли и помогли встать. Придя в себя, Петр Аркадьевич нашел глазами царя и, убедившись, что он невредим, перекрестил его.

В госпитале врачи определили рану несмертельной. Столыпин быстро шел на поправку, как вдруг... неожиданно наступило ухудшение, и пациент скончался. Сейчас в литературе приводится причина: ночной сестрой в госпитале была агент охранки, исполнившая поручение заинтересованных лиц...

В советских энциклопедиях Столыпин характеризовался не иначе как «свирепый реакционер», «вешатель»

и т.д. Сейчас его личность реабилитируется, аграрные реформы привлекают пристальное внимание. В комментариях по телевидению звучит «год Столыпина», в вузах изучаются его труды.

Создав памятник П.А. Столыпину, Вячеслав Михайлович Клыков, как и во многих других случаях, выступил инициатором восстановления исторической правды, обращения к теоретическому наследию этого великого русского политика и патриота. Ему были дороги слова Столыпина, сказанные о грядущей России, «свободной в лучшем смысле этого слова. Свободной от нищеты, от невежества, от бесправия».

Глава 26

ПО ОБРАЗУ ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ

Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице; по яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто невестная.

Песнь Божией Матери

От станции Мармыжи до этого кладбища 12 километров, а от села с таким же редким, поначалу трудно воспринимаемым русским ухом названием, — рукой подать. Когда мы были здесь, на кладбище буйно цвели сирень, черемуха и вишня, пели птицы, было солнечно, красиво. Тихая обитель. Богом хранимый приют упокоения.

На площадке за оградой некогда возвышался храм Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в 1913 году на народные средства. Храм еще посещали родители и односельчане Вячеслава Михайловича, его водила туда бабушка. Храм пережил Великую Отечественную, уцелел во всех битвах Курской дуги. Но после войны, во времена ярого безбожия, пришел в запустение, и в 50-е годы крестьяне растащили его по кирпичику — на фундаменты домов и коровников. Только это не спасло село, оно, как и почти вся Русская Деревня, пришло в упадок: если в 30-е

годы тут было более 900 домов, то сейчас около двадцати, мармыжане — почти сплошь старики и старушки.

— Только мы в ответе перед Богом и перед будущими поколениями за землю, возделанную нашими предками и нам заповеданную, — говорит Вячеслав Михайлович. — В этом исконно русском месте, где метровый слой лучшего в мире чернозема, не должна угаснуть жизнь Православная.

Клыков решил воссоздать в Мармыжах храм. «Будет храм — будет и жизнь на селе» — эта мысль Вячеслава Михайловича не раз вспоминается сейчас, когда на его родине возвышается прекрасная церковь.

Храм, как и разрушенный его предшественник, посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. На Руси издревле верили, что Божия Матерь охраняет своим Покровом наш народ и, приняв его под Свой Омофор, дарует нам надежду на Свое скорое заступничество и милосердие. Праздник Покрова Богородицы — особый, святорусский, его нет ни на Западе, ни на Востоке. Только Русь, дом Пресвятой Богородицы, ежегодно торжественно отмечает его 14 октября.

До революции установка храма, жертвование денег на строительство церквей считалось на Руси духовным и гражданским подвигом. В рассказах о замечательных подвижниках, боголюбивых меценатах непременно есть упоминание о том, как они помогали Церкви. Приведем для примера воспоминания монахини Анны (Топляковой) о богатой московской купеческой семье Патрикеевых. Главой семьи считалась Анна Патрикеева, молодая вдова. К ней посватался богатый вдовый купец, которому она поначалу отказала. Но старцы благословили ее на брак, с тем чтобы все богатства семьи она «определила туда, куда нужно». Анна вышла за купца и стала стро-

ить храмы: в Тихоновой пустыни, в Сергиевом Посаде, трапезную в Киево-Печерской Лавре. Известную благотельницу любила Москва. Когда мимо ее дома недалеко от Серпуховской площади ехали на рынок огородники, они настилали солому на мостовую, чтобы грохот колес не беспокоил дарительницу...

Немало храмов во имя Пресвятой Богородицы воздвиг по лицу своей земли русский народ. Недавно мне довелось посетить прекрасные Богородичные храмы в Старице и Ярославле, они украшают Московский Кремль и другие святые места Руси.

О кремлевском храме история рассказывает следующее. При Иване Калите Москва сделалась постоянным местопребыванием русских митрополитов. Из Владимира сюда переселился и перенес митрополичью кафедру Святой митрополит Петр. Огромное политическое значение этого события трудно переоценить: издревле в народе бытовало представление: город является «царствующим», только если в нем находится глава Церкви. В 1325 году в Москве была заложена первая каменная церковь — во имя Успения Богоматери, строительство которой вскоре было прекращено: храм обрушился незаконченным. Через 11 лет Успенский собор был заложен вновь. Освящая его фундамент, Святой митрополит Петр сказал, обращаясь к великому князю Ивану Калите: «Если ты воздвигнешь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей и род твой возвеличится, кости мои останутся в этом городе, святители захотят обитать в нем и руки его лягут на плечи врагов своих».

Вячеслав Михайлович Клыков задумал храм у себя на родине по образу Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли. Этот шедевр древнерусской архитектуры всегда привлекал Клыкова. Он стал собирать о нем материалы,

сделал макет, показал его в Мармыжах. Земляки одобрили замысел. Курский епископ благословил начинание и в 1996 году освятил место для храма. Как только началось строительство, на переселение в Мармыжи записалось 90 молодых семей из соседних районов. Клыков обратился к общественности с предложением принять участие в благородном деле воссоздания храма, пригласил русских людей из «горячих точек» и из республик СНГ обрести свой кров в этом чудесном уголке Черноземья. Храм должен быть возведен, как в старые добрые времена, — всем миром.

Для украшения храма Вячеслав Михайлович выполнил скульптурные работы: большой барельеф «Знамение Божией Матери», барельефы «Святой равноапостольный князь Владимир», «Святые благоверные князя Александр Невский и Дмитрий Донской», «Преподобные Родион Ослябя и Александр Пересвет», «Благоверный князь Вячеслав Чешский», «Преподобный Антоний», «Святой Царь-мученик Николай Романов».

Над этими образами Клыков работал с огромной любовью и вдохновением. Он же постоянно руководил ходом строительства. Тут его поджидали неприятности: кирпич плохого качества, срыв сроков...

Но разве было у нас сомнение, что храм в Мармыжах будет возведен? Когда надевали купол на храм, вдруг над стройкой встала яркая радуга. Как ей радовался Вячеслав Михайлович! Рассказывал нам о ней, о том, что аисты свили гнездо на телеграфном столбе. Это он считал хорошим предзнаменованием. Особо гордился Мастер, что в Курскую Коренную Пустынь во время завершения стройки прошел большой Крестный ход. Он много рассказывал о нем, показывал фотографии.

Все, кто был на освящении храма, долго находились под сильным впечатлением. Прекрасно пел хор: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем».

А сейчас возле храма, который Вячеслав Михайлович и его друзья возвели на собственные средства, покоится прах великого скульптора — под Покровом Пресвятой Богородицы.

Глава 27

С ВЕЛИКИМ ИМЕНЕМ — ЭЛЛАДА

Народы России и Греции издавна связывают традиционные узы дружбы и взаимной симпатии. Славяне вообще — не закрытое общество, мы приветствуем всех, кто хочет дружить с нами, русские по природе своей распахнуты навстречу друзьям, восприимчивы на все то ценное, что идет к нам от близких по духу культур. Особенно мы чтим тех, кто внес вклад в развитие и укрепление на Руси Православия, православной культуры.

В своих интервью и публичных выступлениях Вячеслав Михайлович Клыков не раз подчеркивал эти качества нашего народа. Свои мысли он подкреплял мнением философа Ивана Солоневича, чрезвычайно чтимого им: «Весь смысл бытия русского народа, весь «Свете тихий» Православия погибли бы, если бы мы хотя один раз, единственный раз в нашей истории... сказали бы себе и миру: мы есть высшая раса»...

При контактах с представителями любой нации нельзя не учитывать стремление даже малых народов обрести независимость, самостоятельность, что вызывается желанием сохранить сейчас, в период глобализации, самобытность, национальные особенности — язык, культуру, искусство. Что же касается культуры, то здесь вообще нет ни малых, ни больших наций. И пример тому — маленькая страна с великим именем Эллада, родина Аристотеля и Гомера, Фидия и Эль Греко, Пифагора и Платона, роди-

на понятия «демократия», родина театра и всех основ европейской культуры.

Вячеслав Михайлович неоднократно подчеркивал тот большой вклад в развитие на Руси Православия, науки и искусства, который внесла Греция. Он говорил, что его тянет на землю Эллады, чтобы не спеша побродить среди античных руин, походить по музеям, где собраны древние статуи, посмотреть, как их авторы предавали соединения частей тела, повороты голов и туловищ. На ранней стадии своего творчества Клыков не раз обращался к античной тематике.

Ялта, бывшая гостиница «Интурист», ныне она называется «Ялта». В огромном вестибюле журчит фонтан, много растений в кадках, зелени — этот уголок отеля называется Зимним садом. Подняться на несколько ступеней — и можно пройти в ресторан. Люди спуют, каждый занят своим делом, в основном это отдыхающие — с купальными принадлежностями в сумках. Однако нет-нет да и остановится курортник, посмотрит на прекрасный барельеф, украшающий стену Зимнего сада. Это огромное панно «Времена года» — работа молодого Клыкова (дипломная работа в институте, 1976 г.). Она изображает прекрасных девушек в античных одеждах и с греческими прическами; они улыбаются, танцуют, радуются жизни, солнцу, молодости. Легкие одежды подчеркивают стройность фигур. Тут же фрагменты античных храмов, мифологические символы, древние вазы, музыкальные инструменты. Движения девушек, их позы напоминают рисунки на краснофигурных и чернофигурных вазах. Гармония движений, настроения и его отражения, стремление к счастью — эти черты великих греческих мастеров, подхваченные русским скульптором, так понятны нам именно здесь, на земле древней Тавриды, солнечного, любимого Крыма, где хороши все времена года, похожие на вечную весну.

Мрамор барельефа (любимый греками и самый распространенный в Элладе материал!) полон музыки — виден Пан, играющий на свирели, плывущая по воздуху лира. Здесь столько цвета: венки, цветы на белоснежном рельефе — их так и представляешь в красках; столько воздуха — развеваются одежды танцовщиц... Иначе как вдохновенным это панно не назовешь.

— Я воспринимал Крым как Аркадию, — рассказывал Вячеслав Михайлович. — Хотелось изобразить красивые лица, красивых людей, одухотворенных музыкой и танцем. С каким очарованием изображались времена года в античной пластике, фигурных росписях ваз! Но, вспоминая греков, я все же думал о наших днях.

В Ялте мы поняли: бесполезно спрашивать у курортников, чья это работа — они не знали, как и руководители Ялты и Крыма, с которыми мы с мужем общались в 2004 году. Договариваясь об устройстве в Ливадийском дворце персональной выставки фоторабот Вячеслава Михайловича, нам пришлось сказать директору тамошнего музея, что именно работа Клыкова украшает «Ялту».

Одним из самых популярных произведений скульптора является бронзовый Гермес, изящный посланец богов. Летящий с доброй вестью к людям, покровитель торговли и пастушества. Установленный перед Международным торговым центром в Москве, он так хорошо смотрится на фоне строгого темного здания, так горят на солнце оперения его сандалий и шлема! Блестит и золотой наконечник жезла-кадуция, обвитого змеями — глашатай Зевса поражает на своем пути дерущихся гадов, чтобы они не мешали свободной, честной торговле, мирной жизни людей.

Греческий бог Гермес (римляне называли его Меркурий) считался также покровителем путников, на дорогах ему ставились путевые знаки гермы (каменные столбы), он также помогал магам, поэтому алхимики ввели термин «герметичный» — покрытый тайной, закрытый.

Клыковский «Гермес» широко тиражируется на календарях, открытках, в рекламе как символ справедливой и эффективной торговли. Жаль только, что так часто приходится сообщать людям, что это статуя — произведение Вячеслава Михайловича. «Как, и это — Клыков?» — говорят обычно собеседники.

В 1987 году вологжане поставили памятник Константину Николаевичу Батюшкову, своему знаменитому земляку, поэту и воину.

Скульптор Клыков, удостоенный за эту работу Государственной премии РСФСР, решил образ выразительно и оригинально. Скульптурная композиция из четырех фигур расположена на высоком берегу реки, на Соборной площади, так что фоном ей служат православные храмы и улицы древнего города. Композиция — фигура Батюшкова, его конь и две Музы — расположена горизонтально и свободно на постаменте. Поэт в штатском платье, кудрявая голова не покрыта, в руке листы бумаги (со стихами?). Но ведь он — воин, герой, хотя войны, брани позади; военную ипостась символизирует боевой конь, наклонивший голову к поэту. Музы — тоже символы различных сторон творческого мира Батюшкова: вот строгая, мужественная Афина Паллада, богиня мудрости и справедливой войны; она в шлеме и со щитом (эгидой). Этим символизируется античность лирики поэта. А другая Муза — русская девушка, символ связи Батюшкова с родным краем, русским народным творчеством.

Издавна ставили на Руси Поклонные кресты в честь святых, на нашей земле просиявших, в честь героев, заступников народных, мучеников за веру. И места для крестов выбирали красные, самые видные. Подойдет к кресту россиянин всяк — поклонится, о добре вспомнит, пройдет мимо Божий человек — молитву сотворит...

Возрождение исконных обычаев, а значит, и духовности нашей, было бы пустым призывом, если бы не подвижники, болеющие душой за Отечество, делающие конкретные дела. Благодаря им возобновился Праздник славянской письменности и культуры, вошли в сознание народа многие забытые имена. И вот Мастер сделал модель, а по ней тщанием его единомышленников изготовлены белокаменные Поклонные кресты с изображением Спасителя, Святой Троицы, преподобного Сергия Радонежского, равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Сорок русских городов изъявили желание установить у себя Поклонные кресты. Они уже украшают центральные площади Липецка, Орла, Белгорода, Нижнего Новгорода, Астрахани...Надо надеяться, что после кончины Вячеслава Михайловича его ученики продолжат эту благородную акцию.

В мае 1994 года паломническая миссия Международного фонда славянской письменности и культуры доставила на паруснике «Дружба» и водрузила Поклонный крест в греческом городе Салоники, на родине Кирилла и Мефодия, в знак признательности за тот вклад, который святые солунские братья внесли в славянскую и мировую культуру.

Первоучители Кирилл и Мефодий, даровавшие славянским народам азбуку, положившие начало литературному языку, переложившие на него священное Писание и многие важные книги, глубоко чтимы всем культурным миром, людьми разных конфессий и национальностей.

Успех миссии «Из варяг в греки» во многом определило то, что ее подготовил и возглавил Вячеслав Михайлович Клыков. Поклонный крест в Салониках был установлен в самой престижной части города — на красивейшей широкой и всегда оживленной набережной, недалеко от храма Кирилла и Мефодия, единственного в Греции, таких больше нет и в других странах, он один из самых по-

читаемых храмов в городе, украшение северной греческой столицы, жители полюбили его и часто посещают.

После торжественной церемонии освящения и открытия памятного креста состоялся многолюдный митинг. С большой речью к присутствующим обратился мэр города Константин Космопулос. Он рассказал о святых братьях Кирилле и Мефодии, об их родине — городе Салоники, тепло приветствовал создание памятного креста, назвал миссионеров, доставивших его, продолжателями дела солунских братьев. Вячеслав Михайлович поблагодарил власти города, рабочих, участвовавших в установке креста, за радушный прием, за помощь и дружбу. «Мы никогда не забудем вклада сынов Греции в нашу науку, культуру и искусство, особенно в иконопись и скульптуру, — сказал Мастер. — Это неудивительно, ведь христианство пришло к нам из Греции».

Кто они, эти знаменитые, а порой и безвестные, церковнослужители и деятели греческой культуры, память о которых хранит наш народ? Свидетельств о деятельности многих из них не сохранилось, осталось лишь имя — Грек, которое воспринималось, как собственное (вспомним Эль Греко, ставшего великим художником в Испании). А вот некоторые из русских «греков».

Выдающийся живописец Феофан Грек (ок. 1350 — ок. 1410), мастер фрески, иконописи и миниатюры. Он приехал в Россию из Византии и работал главным образом в Москве и Новгороде. Сохранились немногие работы Ф. Грека, для них характерен смелый, свободный стиль, драматизм и сила образов. Это знаменитая икона Богоматерь Донская, образы Благовещенского собора в Москве, церкви Спаса-на-Ильине в Новгороде и некоторые другие.

Преподобный Максим Грек (ок. 1475—1556) — выдающийся богослов, публицист и писатель, приглашенный царем Василием III из Греции в Россию для перевода цер-

ковных книг. Он терпел гонения за оппозиционные взгляды, был осужден на Соборе в 1525 году и сослан в Иосифов Волоколамский монастырь. Работы М. Грека впервые изданы во второй половине XIX века.

Есть еще ряд «греков», оставивших по себе память своей деятельностью. Так, Новгородская летопись под 1338 годом сообщает о том, что церковь «Входа а Иерусалим» расписывал «с други» «гречин Исая»...

Эти имена вошли в историю отношений между русским и греческим народами. Однако мы говорили до сих пор о средних веках, а между тем в новом времени также немало примеров взаимодействия сынов России и Греции, помощи русских братьев грекам в национально-освободительной войне против турок, в антифашистском Сопротивлении.

Вячеслав Михайлович Клыков — автор прекрасного памятника Советскому солдату, установленного в конце мая 2005 года, в год 60-летия Великой Победы, на одной из центральных магистралей Афин — проспекте Сингру. Он изображает женщину, скорбно смотрящую вдаль, на уходящего в бессмертие воина. Церемония открытия памятника была торжественной, с участием представителей МИД Греции, Генерального штаба, ветеранских организаций Эллады, Посольства России. Среди участников этого мероприятия был национальный герой Греции Манолис Глезос, который имел теплую, дружескую беседу с Клыковым. Интерес к автору памятника был огромен, более двух часов после окончания церемонии открытия памятника он давал интервью греческим журналистам на пресс-конференции. Греческие ветераны обращались к нему с просьбой создать памятник их героям-антифашистам. Памятник Советскому солдату стал символом дружбы наших народов, в праздничные дни здесь собираются греческие ветераны, представители Посольства России возлагают букеты цветов.

И вот, наконец, Лихуды, памятник которым работы скульптора В.М. Клыкова должен быть установлен в мае 2007 года возле Богоявленского монастыря в Москве.

Братья Иоанникий (1633—1717) и Софроний (1652—1730) Лихуды были потомками княжеского греческого рода царской крови. Их предки жили в Константинополе вплоть до захвата города турками в 1453 году и падения в результате этой аннексии Византии. Один из Лихудов, Константин, был с 1059 по 1064 г. Константинопольским Патриархом. После турецкого вторжения Лихуды переехали на остров Кефалонию в Ионическом море, где и родились Иоанникий и Софроний.

Братья получили хорошее домашнее образование, потом они обучались разным наукам в Падуанском университете. Вернувшись в Грецию, братья работали учителями, но их влекла церковная стезя, они мечтали проповедовать Слово Божие, странствуя по восточным провинциям. Они постриглись в монашество. Теперь иеромонахам Лихудам надо было получить соизволение Патриарха для миссионерской деятельности. Они отправились в Константинополь. Прибыв в этот город, братья проповедовали в Патриаршей церкви, разоблачая католицизм и латинскую ученость. В 1681 году Вселенским Патриархом была получена грамота от Российского Государя Феодора Алексеевича, который просил прислать в Москву православных учителей, «в греческом и латинском языках и во всех свободных науках искусных». Цель присылки Государь указал так: «Для заведения академии». Патриарший Собор в Константинополе единогласно избрал для миссии в Россию иеромонахов Иоанникия и Софрония Лихудов, снабдив их одобрительными грамотами к Царю и Патриарху. В 1683 году братья отправились в Москву, однако прибыли в столицу России лишь в 1685 году: по дороге, в Вен-

грии и Польше, они провели несколько диспутов с иезуитами, в которых одержали победу.

В Москве братьям определили место пребывания — Богоявленский монастырь, они должны были преподавать в Греческом училище при монастыре. Поначалу набралось лишь пять учеников, потом привлекли еще 40 детей из боярских и разночинных семей.

В 1686 году училище, уже ставшее Славяно-греко-латинской академией, переехало в большой трехэтажный корпус при Заиконоспасском монастыре, построенный по инициативе и при активном попечении Лихудов. Успехи их учеников были внушительны: за три года пройдены курсы греческой грамматики и пиитики, кроме того, риторики, диалектики, логики и физики — эти науки преподавались на греческом и латинском языках. Учащиеся хорошо говорили на этих языках, перевели с них несколько книг; лучшие старшеклассники преподавали в младших классах. Братья составили учебники по богословию, риторике, логике, грамматике, физике, математике и психологии (сейчас эти труды хранятся в рукописных отделах разных библиотек).

В своих учебных пособиях, в отличие от ученых Киевской академии того времени, где одержало верх латинское влияние, братья не придерживались слепо дохристианских учений, не следовали рабски Аристотелю и западной схоластикé. В трудах Лихудов много оригинальных мыслей, например, они делили красноречие на божественное, героическое и человеческое и т.д. Из учеников Лихудов вышла целая плеяда русских ученых, среди них Поликарпов, Феолог, Головин, Козма, Иов, Палладий Роговский и другие.

Параллельно с педагогической деятельностью, Лихуды принимали участие в богословских спорах, писали публицистические труды, обращения, «похвальные слова» и т.д.

Деятельность Лихудов вызвала активное неприятие иезуитов и прозападных церковников, во главе которых стоял Сильвестр Медведев. Последний издал сочинения «Хлеб животный» и «Манна хлеба животного», в которых обвинял Лихудов в ереси. Автор называл братьев «новопотаенными волками», «нововыезжими иноземцами». Лихуды ответили сочинением «Акос, или врачевание от угрызений змиевых» (перевод на русский осуществили их ученики Поликарпов и Семенов), в котором отстаивали православное учение об евхаристии (вопрос о времени пресуществления святых даров был в тот период предметом яростных богословских споров). Лихудов поддержала церковная власть, издавшая труд Евфимия «Показание истины на псонейстовое брехание».

Однако только после вмешательства Патриарха Иоакима, потребовавшего отчета от главы малороссийской иерархии, дело Сильвестра было окончательно проиграно, Православие восторжествовало победу над латинским влиянием. А позже (1689 г.) по указу Патриарха из России были изгнаны иезуиты с их интригами и враждебной пропагандой.

Вклад в борьбу против католичества внесли также сочинения Лихудов «Показание истины» (1689) и «Мечец духовный или разговор с иезуитом Руткою в Польской земле». Победе Православия содействовали также работы Лихудов против лютеран и раскольников. Широко известны а то время были сочинения Иоанникия: «Похвальное слово царю Петру I по взятии Азова», 1697), другие «похвальные слова», «поучения» и т.д.; сочинения Софрония «Слово на день рождения Петра I», «Житие Варлаама» и др.

Особо надо сказать о такой важной работе Софрония, как исправление славянского перевода Библии. На эту должность он, архимандрит Феофилакт Лопатинский

и типографские справщики (сейчас мы бы сказали корректоры), ученики Лихудов Ф. Поликарпов и Феолог были именованным указом назначены в 1712 году. Исправленный перевод Библии, сверенный с переводами на другие языки, они закончили в 1723 году, пересмотрев его дважды, поправив грамматические погрешности в тексте, восполнив пропуски и опустив более поздние дополнения. Отредактированный перевод они отослали в Санкт-Петербург, и Петр Великий повелел его «предать тиснению», после того как заручился подтверждением достоверности перевода от специальной комиссии. После кончины Императора в 1725 году Императрица Екатерина I подтвердила своим указом необходимость издания исправленной Библии, отослав ее перед этим на утверждение в Синод. Наконец, Императрица Анна Иоанновна в 1735 году издала указ с предписанием о «поспешении тиснения» Библии. Печатавшие были начаты в Александро-Невской лавре и закончены в 1739 году. Однако выпущен был лишь Ветхий Завет и несколько экземпляров Нового Завета, после чего выпуск остановили по неизвестной причине. Успевшие разойтись экземпляры, очень редкие, хранятся в Московской Патриаршей и Новгородской Софийской библиотеках.

При императрице Елизавете Петровне поправка Библии была произведена вновь, но уже другими специалистами. ¹

Жизнь Лихудов не была безоблачной. В результате гонений, пасквилей, распространения клеветы они были сосланы в Костромской Ипатьевский монастырь, где пробыли в заточении 15 лет. В 1706 году митрополит Новгородский Иов испросил у Императора Петра Великого позволение взять братьев в Новгород для открытия Славяно-греко-латинского училища. Царь такое разрешение дал. Начался новый, Новгородский, период деятельности Лихудов.

В этом городе они уже работали не одни, из Москвы к ним в помощь для преподавания и перевода книг были выписаны некоторые из их старых учеников. При доме архиерея для училища выстроили двухэтажные палаты. За шесть лет учебы ученики этой школы овладели полным курсом обучения на славянском, греческом и латинском языках, перевели много книг.

Софроний Лихуд еще в конце 1708 года был отозван митрополитом Стефаном Яворским в Москву для работы учителем греческой школы при типографии. В 1723 году он был посвящен в архимандриты Рязанского Солотчина монастыря, в этом чине он и скончался в 1730 году. В возрасте 78 лет.

Иеромонах Иоанникий оставался в Новгороде до кончины митрополита Иова. В 1716 году он по указу Петра Великого переехал к брату в Москву, где скончался в 1717 году. Погребен в Нижней церкви Заиконоспасского монастыря.

Помимо обвинений в ереси, Лихуды подвергались несправедливой критике в корыстолюбии, хотя документально подтверждается, что они жили на жалованье в 150 рублей в год за преподавательскую деятельность и 50 рублей за работу в типографии.

Вообще деятельность братьев еще только начинает проступать из небытия. И очень важно, что к этому процессу подключился такой деятельный человек, как Вячеслав Михайлович Клыков, во многих ответственных случаях становившийся первопроходцем.

Вот его памятник Лихудам. Фигуры братьев расположены у стола, стилизованного под старину. Они в монашеских одеяниях, на старшем, Иоанникии, клобук. Софроний выглядит моложе (у них было 19 лет разницы в возрасте), он читает развернутый свиток, какая-то рукопись и у Иоанникия. На столе — чернильница с пером, следо-

вательно, братья только что писали или собираются приняться за писание.

Вся композиция дышит спокойствием, умиротворением. Позы фигур свободные. Братья погружены в раздумье, возможно, только что закончили какой-то спор и продолжают заинтересованно обдумывать сказанное.

А теперь несколько характеристик памятника. Высота — 2 м 30 см, с пьедесталом — 3 м 73 см, постамент — 1 м 45 см. Вес 25 тонн. Материал памятника — чистая бронза шоколадного цвета, постамент — гранит зеленого цвета. Скульптор — В.М. Клыков, архитектор — Виктор Васильевич Пасенко. Отлиты фигуры в Центре художественного литья «Царский остров» (руководитель Мещагин Владислав Иванович). Заказ поступил осенью 2005 года, начали отливать в феврале 2006 года, работа была закончена в апреле 2006 года.

Посольство Греции в Москве выступило с инициативой финансирования работ по памятнику, идею поддержало Правительство страны и Министерство культуры, в практическом плане к решению вопроса об установке памятника Лихудам подключился Греческий Фонд культуры, возглавляемый Георгием Бабиниотисом.

Памятник Лихудам — детище российско-греческих энтузиастов, заботящихся о том, чтобы ожила славная, незаконно забытая страница дружеских отношений наших стран и народов.

Глава 28

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы ныне восстановить историческую преемственность русской жизни, осознать себя продолжателями великого русского дела, хранителями и защитниками духовных сокровищ тысячелетней российской истории.

Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Всенародный российский пастырь, глубокий философ, выдающийся церковный деятель, крупный православный писатель, великий праведник и молитвенник, Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский — одна из самых светлых, духоносных и мудрых личностей в русской истории XX века. Кровно связанный со своим народом (он родился 9 октября 1917 года в селе Ново-Маячка Херсонской губернии, в семье крестьянина), владыка Иоанн всю свою жизнь, до кончины 2 ноября 1995 года, отдал служению Церкви, Отечеству и Народу.

В биографии владыки Иоанна, при всей ее событийной насыщенности, выделяются два этапа: интуитивный приход к вере в ранней юности и встреча с архиепископом Мануилом, под омофором которого владыка Иоанн мужал духом и трудился много лет.

Рано почувствовав тягу к вере, юноша Иоанн в Слове Божиим нашел ответы на так долго мучившие его вопросы о тайнах бытия, о жизни и смерти, о загробном существовании. Духовная жизнь юноши началась в храме Петра и Павла города Бузулука, где он трудился пономарем. Затем была пройдена вся лестница священнослужения — ступенька за ступенькой: пономарь в Бузулуке — келейник епископа Мануила в Оренбурге — иподиакон — диакон-иерей — студент Саратовской духовной семинарии — студент Петербургской Духовной академии — помощник архиепископа в Чебоксарах — преподаватель Саратовской духовной семинарии — священник-ключарь Покровского Кафедрального собора в Самаре — игумен-архимандрит — епископ Самарский и Сызранский — архиепископ — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1990 по 1995 год он возглавлял Петербургскую епархию.

Дружбу, наставничество, помощь со стороны архиепископа Мануила владыка Иоанн всегда чувствовал и высоко ценил. В том, что его, молодого пономаря церкви Петра и Павла, выделил епископ Мануил и пригласил в свои келейники, владыка Иоанн видел Промысел Божий. Руководство такого пастыря во многом определило его духовную жизнь.

Архиепископ Мануил готовил Иоанна к проповеднической деятельности, рукоположил во диакона, позже — во иерея. Переходя на Чебоксарскую, затем Самарскую кафедры, архиепископ непременно приглашал к себе в помощники и иереи Иоанна. Помогая архиепископу в составлении его богословских трудов, Иоанн развил в себе любовь к исследовательской деятельности, собрал богатый архив по истории Церкви.

Когда архиепископ Мануил был арестован и сослан (1948—1955 годы), Иоанн, тяжело переживая разлуку со

старцем, уходит на учебу в Саратовскую духовную семинарию, потом Петербургскую Духовную академию. Оба учебных заведения владыка Иоанн заканчивает с отличием. Кандидат богословия, позже доктор церковной истории, владыка Иоанн много времени отдал преподавательской деятельности — в Минской и Саратовской духовных семинариях, Петербургской Духовной академии.

Вне всякого сомнения, митрополит Иоанн — один из выдающихся церковных писателей нашего столетия. По глубине мысли, широкому охвату темы, эрудиции, высокому патриотизму, великолепному владению словом, образности речи его можно сравнить с Киевским митрополитом Иларионом (XI век), автором «Слова о Законе и Благодати», которое исследовал и неоднократно цитировал владыка Иоанн. Велико богословское и литературное наследие Владыки. Слава богу, сейчас мы имеем возможность, благодаря огромной работе православных издательств, приобрести его труды, взять их для прочтения в библиотеках. Так, вышел из печати восьмитомник владыки Иоанна, из этих книг отмечу «Духовные крупички из творений святителя Иоанна Златоуста». Назову некоторые другие издания: «Стояние в вере» (очерки церковной смуты), «Пою Богу моему» (акафисты, портреты русских архиереев, дневниковые записи), «Наука смирения» (письма монашествующим), «Русская симфония» (очерки русской историософии), «Дай мне твое сердце» (письма духовным чадам) и другие. Широкою известность и популярность получила его книга «Самодержавие духа» (очерки русского самосознания). Большими тиражами расходятся маленькие книжечки, содержащие практические советы, выбранные из сочинений митрополита Иоанна: «Как подготовиться и провести Великий Пост», «Как жить в современном бездуховном мире» и т.д.

В своих трудах владыка Иоанн дает ответы на волнующие общество вопросы о русском предназначении, путях дальнейшего развития нашей государственности, о целях России в ее внутренней и внешней жизни.

Это глубокий знаток и мудрый толкователь Священного Писания, все его книги — пример того, как может говорить пастырь о любви к Богу, о своей вере, о том, каким должен быть христианин.

«Осознавая безмерную важность задачи и слабость собственных сил, спешу внести лепту...» — пишет владыка Иоанн. Несмотря на такие смиренные слова, он каждую тему, любой вопрос ставит остро, бескомпромиссно, предостерегает, стыдит, разоблачает, вразумляет, призывает. Он выступает против цинизма властей, попирающих ими же изданные законы. Никогда не заискивая перед властью предержащими, он нажил себе много неприятностей и в то время, когда возглавлял Самарскую епархию, и в бытность митрополитом в Санкт-Петербурге. Он разоблачал человеконенавистническую идеологию многочисленных сект, хлынувших в Россию и пытающихся увести народ на антиправославный путь. В своих исторических работах владыка Иоанн дал блистательный разбор с православной точки зрения деятельности многих наших великих князей, царей и императоров, рассказал о житии святых праведников, разобрал философские течения и направления общественной жизни. Он исследовал русское рассеяние и фашизм, духовные основы государственности и причины революций. Предупреждал, что будет говорить «о неотложных духовных нуждах сегодняшнего дня, но горьким и нелюбезным будет слово мое». И разбирал этапы нашей новейшей истории: оттепель, застой, перестройку...

Главная мысль, проходящая через все работы владыки Иоанна, — призыв к милосердию, покаянию и любви. Надо «избегать разрушительных крайностей — равно кос-

мополитических и националистических», — пишет Владыка. Фашизм, по его мнению, это искажение национального самосознания, приводящее к ужасным результатам. «Такое знание мы обильно оплатили русской кровью, и не дай бог, чтобы эта цена оказалась напрасной».

Святая Русь веками сознавала себя как защитницу и главную хранильницу христианских святынь, будь то в духовной или государственной области. Владыка Иоанн, рассматривая историю России, всюду подчеркивает следы промыслительного Божия попечения о нашей Родине: «Чудо сопровождает Россию сквозь века», — пишет он. Не земные законы, а манования Божии — вот главное в ее развитии, которое идет «вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету. С этого «вопреки» и начинается русская история», — говорит владыка Иоанн.

Вобрав в себя все лучшее и самое значительное, что дали русская философская мысль и богословие XX века, митрополит Иоанн оставил нам бесценные заветы. Приведем некоторые из них:

— Непокколебимый Камень, на котором утверждается Русское Царство, — Православная Церковь. Без веры, без Церкви, без святынь — России нет и не может быть.

— Лишь восстановив преемственность религиозно-национального самосознания, можем мы рассчитывать на выздоровление.

— Соборность — единственно возможная в России основа государственности.

— Патриотизм — религиозный долг каждого православного христианина.

— Земля Русская не оскудела мужеством и отвагой, доблестью и любовью, милосердием и состраданием.

Те, кому посчастливилось близко знать владыку Иоанна, отмечают, что он был мягок и добр, скромнен в быту, внимателен к людям, чуток к их нуждам и скорбям. Он

многим оказывал духовную и материальную помощь. Но этот простой, добродушный человек был тверд и решителен, когда требовалось дать отпор хулителям веры, Церкви и Родины. Он был истовым молитвенником, в келье его хранились многочисленные святыни, а над кроватью висел портрет Иоанна Кронштадтского — любимого святого митрополита Иоанна.

Внутреннее спокойствие, доброжелательность Владыки удачно сочетались с замечательными организаторскими способностями, завидной энергией (это при его-то хворостях и немощах!). За пять лет, пока он возглавлял Петербургскую епархию, было немало великих свершений: возобновлено пять мужских монастырей, в том числе Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, два женских, число действующих храмов увеличилось втрое, начались службы в Казанском, Андреевском, Царскосельском Федоровском соборах. Открылись храмы в районных городах, в том числе во многих они строились заново, а также церкви при больницах, тюрьмах. Всего строилось 20 храмов ежегодно. Великие чудеса: обретение мощей преподобного Серафима Саровского и святителя Иоасафа Белгородского — тоже связаны с именем владыки Иоанна.

Как мог Вячеслав Михайлович пройти мимо такого образа?

Помню, еще в 1996 году, приехав в Калугу по приглашению Клыкова — посмотреть его Петра Великого, готового к отливке, я обратила внимание на небольшой макет, стоявший почему-то в раздевалке (видимо, был перенесен, чтобы не мешать накрывать стол для трапезы в зале). Владыка Иоанн! Макет был выполнен так тщательно и вдохновенно, что невозможно было не изумиться: когда Мастер успел его сделать? Ведь работа над «Петром» шла так напряженно, день и ночь, подручные Клыкова с

ног валились от усталости, а он просил привязать себя к лесам, чтобы не оступиться ненароком. И все же одновременно — Иоани!

Видимо, во время работы Мастеру не хватало духовности, и он мысленным взором обращался к тому, кого считал своей моральной опорой.

Клыков знал Владыку лично, высоко ценил, боготворил его, считал, что в скором времени он будет канонизирован. Утром 3 ноября 1995 года я пришла по делам в мастерскую и увидела, что Вячеслав Михайлович необыкновенно расстроен и подавлен: «Владыка Иоанн скончался!» Мы помянули светлого старца, вспомнили его деяния. Клыков вдруг засобирался: «Надо ехать в Питер, проводить Владыку в последний путь...»

И вот памятник Доброму Пастырю в мастерской. Он выполнен в глине, в полный рост, и занимает почти все двухэтажное пространство ателье. Владыка Иоанн стоит, положив руки на посох. Мантия широкими мягкими складками покрывает постамент. Лицо сразу же узнаваемое, мудрое, простое, доброе. Это качество — доброту — подчеркивают и поза, и спокойно сложенные руки, и словно бы улыбающиеся глаза. На память приходят поэтические строки:

И вот какое диво —
С нетленного холста,
Спокойна и красива,
Нисходит доброта.

Только в данном случае не холст, а лепной материал, каждый кусочек которого прошел через руки, душу и сердце Мастера.

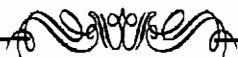
— У него глаза святого человека! — сказала я Клыкову, который показывал мне свою работу. Заговорили о пье-

дестале. Скульптор задумал его высоким, в треть размера фигуры, расходящимся под углом, по бокам будут изображения самых разных людей — стариков и молодых, военных и гражданских — идущих к Доброму Пастырю с надеждой очиститься и получить совет, моральную поддержку и благословение. Эти две смиренные вереницы Клыков хочет назвать «Проповедь» и «Причастие». Вся Россия тянулась к правдивому слову Владыки — и Мастер в своей работе дал скульптурный портрет Православной России.

Болезненный вопрос: установка памятника... Конечно, монумент такому выдающемуся современнику, которого народ, как Иисуса Христа в Евангелии, назвал Добрым Пастырем, должен стоять либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге, городе, где он столько лет трудился. Но... О, это пресловутое «но»... Нашлись «доброхоты», которые пообещали договориться о выделении места в Москве, а сейчас к телефону не подходят... В Питере ответили, что пока нет памятника Иоанну Кронштадтскому, подождет Иоанн Петербургский и Ладожский...

Клыков принял решение: памятник будет стоять в Самаре! Этот красивый город на берегу великой реки тесно связан с жизнью и творчеством Владыки. Долгие переговоры, согласования, и вот, уже после кончины Мастера, радостное известие — принято решение установить и освятить памятник Владыке Иоанну в Самаре в 2007 году!

И встанет над Волгой Святой Иоанн!

Глава 29

ВОИН СИЛЕН ДУХОМ

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей... И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет, и во всем, что он ни делает, успеет.

Псалтирь, из псалма 1

Рассказывая о себе, о своей жизни, Вячеслав Михайлович как-то упомянул, что во время учебы в художественном институте у него появилась общественная работа. Тогда Клыков узнал много новых людей, «масштабы общения» захлестнули будущего скульптора. В сущности, обмолвился человек: «Появилась общественная работа», но какой огромный жизненный пласт, сколько нервов, здоровья, свободного времени стоит за этой обмолвкой! Как и любовь к скульптуре, эта страсть быть в гуще людской, помогать соотечественникам, вести их за собой — у него сохранилась до конца жизни.

Клыков не любил выражения «появляться на волне». В применении к нему это бессмыслица: он ниоткуда не выплыл, он любую «волну» сам может поднять. Но так же, как в творчестве он сформировался из милых мармужанских видов, из горя материнских песен, из фронто-

вых, окопных отцовских былей, из бабушкиных молитв, из церковных звонов, запавших в душу с детства, так и в общественном сознании он, почувствовав в народе пробуждение национальной струны, стал его выражением. 70—80-е годы — русское время. Мы поняли, что пришла пора покаяться, опаматоваться, заявить, что есть такая нация — русский народ. На общественную арену вышли замечательные радетели и заступники наши: В.Г. Распутин, В.И. Белов, Г.В. Свиридов, И.С. Глазунов; из священнослужителей — митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Все громче и уверенней заявляли о себе патриотически настроенные поэты, художники, композиторы, писатели, журналисты. В первых рядах этой прогрессивной русской интеллигенции всегда шел Клыков. Не случайно каждое его выступление, в печати или публично, каждый сработанный им памятник сразу же становились объектами бурных споров. Все, что связано с именем Клыкова, вызывало в некоторой части нашего общества бурю негодования, ожесточение, возмущение. Слава богу, и сам Вячеслав Михайлович, и весь «Клыковский стан» привыкли относиться к нападкам равнодушно. «А он себе идет вперед...»

Есть такой документальный фильм: Клыков сидит на берегу ручья (или речки), любуется чистыми водами и говорит о только что открытом неподалеку Монументе Победы на Прохоровском поле: «Звонница могла родиться только от любви к этой прекрасной, многострадальной земле, к многострадальному русскому народу». Вспомним Толстого: «Чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском — любовь к родине». Это, глубокочтимый Лев Николаевич, смотря в каком русском и как проявляющееся. Конечно, раздражают отряды вечномитингующих и вечноголосящих, называющих себя (даже между собой, не для постороннего уха!) патриотами. Уж назывались бы

как-то иначе, что ли... Но из-за них надо ли нам стыдиться естественного чувства близости к Родине? Похоже, мы так долго вынуждены были избегать слов «русский», «русская культура», что и забывать их как-то стали. А ведь

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А.С. Пушкин

В том же документальном фильме (режиссер Н.Ф. Ряполов) эпизод «На берегу ручья» обретает символический смысл: Клыков, как Антей, припадает к родной земле, черпает из нее силы, а прозрачные воды (тут еще дождик в солнечный день брызнул, покрыл сверкающими каплями лицо и куртку героя!) словно зовут вернуться к истокам, нашим традициям, заветам предков, к неиссякаемому роднику народной жизни.

Говорят, если человек всюду, — он нигде. Абсолютно неверно. И Клыков был ярким тому доказательством. Попробую перечислить его ипостаси.

Президент Международного фонда славянской письменности и культуры, глава Всероссийского соборного движения, сопредседатель Российского земского движения, член президиума Народно-патриотического Союза России, главный редактор журнала «Держава», член редколлегий ряда газет и журналов. За творческие достижения и огромную общественную работу удостоен звания «Человек года» за 1997 год, он почетный гражданин го-

родов Нови-Сад (Сербия), Тирасполь (Молдавия), Калачна-Дону (Россия).

С неизменной последовательностью, мужеством и упорством Вячеслав Михайлович выступал за возвращение России к традиционной государственности, к заветам предков. «Сохранив православные идеалы, мы обязаны восстановить свое национально осмысленное жизнеустройство», — полагал он. Еще задолго до того, как в прессе поднялась дискуссия по поводу необходимости выработки государственной идеи, Клыков настойчиво доказывал публично, что такая идея жива в народе, она не могла умереть, ибо не выдумана в научных кабинетах, а выстрадана и обретена всем тысячелетним опытом нашего исторического бытия. Этот высший закон Державы Российской — Православие, Самодержавие, Народность. Патриотическая триада, впервые сформулированная два века назад царским министром графом С.С.Уваровым, всегда была и непременно станет в будущем мощным средством духовного единения народов России и всего славянства.

Неотъемлемая часть нашей традиционной государственности — соборное волеизъявление. Если мы воспользуемся этим своим священным всенародным правом, нам удастся остановить беззакония, творимые в стране, отстоять православные идеалы, а значит — спасти Россию от порабощения, исчезновения из мировой истории. Восьмидесятилетние губительные эксперименты над русским народом не смогли заглушить в нем тягу к соборности, православному соборному сознанию. Это подтвердили Земские Соборы, проведенные под руководством В.М.Клыкова.

Первым из них стал Донской Земской Собор, состоявшийся в ноябре 1996 года в Новочеркасске, столице казачества. Собор благословил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Затем были Курский,

Крымский, Невский (в Санкт-Петербурге) и Волжский (в Саратове) Земские Соборы. Разумеется, подготовка к таким ответственным съездам, проработка всех деталей, написание проектов резолюций и других документов — сложный, длительный труд, и по плечу он лишь мудрым, убежденным и стойким людям, таким, каким был Вячеслав Михайлович. Он же являлся бессменным председателем на всех соборах.

— Почему мы стыдливо умалчиваем о том, что наша власть незаконна? — говорил он. — Боимся, что нас упрекнут в излишней политизированности? Почему? Восстановление законной государственности, узурпированной в 1917 году, будет шагом народа, выражением его воли. Нужно поверить в разумность и неизбежность такого шага. Никто, кроме нас, тех, кто разделяет наши убеждения, не сделает этого, такой шаг требует огромных совместных усилий. В конце концов, восстановление законной государственности — гарантия расцвета культуры нашего народа, развития исторических традиций, науки, всех областей жизни. Вот почему мы за «Высший совет всея Русской Земли» — Земские Соборы, за наши державные идеалы: Православие, Самодержавие, Народность.

Тут я позволю себе небольшой экскурс в историю. Вячеслав Михайлович часто ссылался на Уваровскую теорию, цитировал труды графа, с уважением относился к славянофилам. Скажем несколько слов о С.С. Уварове, повторив некоторые, возможно, уже известные читателю положения.

Граф Сергей Семенович Уваров (1786—1855) был президентом Российской академии наук, министром народного просвещения. Его теорию высочайше одобрил император Николай I как официальную государственную доктрину. В Уваровской триаде Самодержавие провозглашалось главным условием политического существования России.

Что же касается Православия, то, как писал граф Уваров, «русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего Православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова». Он определял государственное начало так: «Да непоколебимо стоит Трон и Алтарь, собственно русское начало, русский дух, наша святыня». Наиболее уязвимым теоретически компонентом триады была Народность. Вот почему обоснование этого положения подверглось некоторым изменениям в трудах Уварова.

Рост освободительных движений славянских народов в Австрийской и Турецкой империях, а также восстание греков против турок в 1821—1822 годах нашли мощный отклик в русском обществе, выразившем сочувствие единоверцам. Под влиянием известного историка М.П. Погодина, который после возвращения из поездок по Восточной Европе написал министру просвещения ряд записок по славянскому вопросу, требуя поддержать славян — естественных союзников России, С.С. Уваров занял четкую прославянскую позицию, подчеркивая у родственных народов «тождественность религиозных идей и исторических истоков, общую веру в будущее России». «Кто бы ни действовал в противоположном направлении — он враг, в какие бы цвета ни рядился», — писал С.С. Уваров министру иностранных дел К.В. Нессельроде. Граф Уваров поддержал широко развернувшееся в России движение, ставившее своей целью помочь славянским братьям. Началась публикация исследований в области славянской филологии и истории, направлялись средства, молитвенники, требники, дароносицы для пополнения обедневших церквей наших единоверцев. Уваров отмечал, что идея славянства сильнее всего действует «на сокровенную струну русского сердца». Обращаясь к императору, он доказывал, что славянский вопрос «содержит святыню наших верований,

нашей самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах законного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность правительства».

Обратим внимание на слова «нашего народного духа». Фактически автор триады отождествляет понятия «славянство» и «русская народность». Как известно из истории, эти взгляды Уварова не были поддержаны политической верхушкой страны.

Клыкова — политика и общественного деятеля отличали поразительная последовательность и целеустремленность. Все акции, которые он возглавлял, — и по линии казачества (он был генерал-лейтенантом Казачьих войск), и по линии Земского, Соборного, Славянского движений — все они проходили под выстраданными им, выверенными лозунгами. Уверена, что к этим его заветам Россия еще вернется.

Последним детищем Вячеслава Михайловича был Союз русского народа, на подготовку создания которого, составление основополагающих документов он, уже тяжело больной, преодолевающий неизлечимый недуг, потратил много времени и сил. Думаю, будет справедливо, если Союз русского народа будет назван его светлым именем.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1. С правом на бессмертие</i>	5
<i>Глава 2. Родное поле</i>	12
<i>Глава 3. Приветы доброты</i>	19
<i>Глава 4. Женщина с Огненной дуги</i>	31
<i>Глава 5. Художник — всегда очарованная душа</i>	37
<i>Глава 6. Талантом движет совесть</i>	48
<i>Глава 7. Что оставляем за собой?</i>	59
<i>Глава 8. Мечта о Синей птице</i>	68
<i>Глава 9. «Шум порывистых берез»</i>	76
<i>Глава 10. Это же мы, Господи!</i>	90
<i>Глава 11. Победиши враги твоя!</i>	101
<i>Глава 12. «С нами Бог! Разумейте все языцы...»</i>	111
<i>Глава 13. За славян, за Россию, за веру</i>	123
<i>Глава 14. По ком звонит колокол?</i>	130
<i>Глава 15. Наш Победоносец</i>	146
<i>Глава 16. Два Императора</i>	153
<i>Глава 17. Радуйся, благоверный граде!</i>	166
<i>Глава 18. Горжусь, что я русская</i>	172
<i>Глава 19. А и славный богатырь да святорусский!</i>	191
<i>Глава 20. Крест на Красной Поляне</i>	197
<i>Глава 21. «Благословенна в женах русских...»</i>	204
<i>Глава 22. За други своя</i>	211
<i>Глава 23. «И виждь, и внемли...»</i>	221
<i>Глава 24. Заревой дождь</i>	236
<i>Глава 25. «Нам нужна великая Россия!»</i>	263
<i>Глава 26. По образу Покрова Богородицы</i>	270
<i>Глава 27. С великим именем — Эллада</i>	275
<i>Глава 28. Добрый пастырь</i>	288
<i>Глава 29. Воин силен духом</i>	296

Ирина Георгиевна Панова
ВЯЧЕСЛАВ КЛЫКОВ. ВОИН СВЯТОЙ РУСИ

*Редактор Т.И. Маршкова, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А. А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 15.05.07. Подписано в печать 08.06.07.
Формат 84x108 1/32. Бумага тип.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 2000 экз.
Заказ № 7714

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

По всей России стоят памятники, созданные знаменитым скульптором Вячеславом Клыковым. Маршалу Г.К. Жукову, основателям славянской письменности Кириллу и Мефодию, Великой княгине Елизавете Федоровне в Москве, адмиралу Колчаку в Иркутске, Преподобному Сергию Радонежскому

в Радонеже, поэту Николаю Рубцову на Вологодчине, Святому Владимиру в Белгороде, Ивану Бунину в Орле, Илье Муромцу в Муроме, Надежде Плевицкой в Курске, солдатам Великой Отечественной на Прохоровом поле...

«Я благодарю Вячеслава Клыкова, потому что он длит память русских людей», - сказал на открытии памятника Василию Шукшину в селе Сростки Алтайского края летом 2004 года известный артист Александр Михайлов.

Памятник – от слова память. Люди, которых увековечил художник, своими деяниями славили Отечество. Славил и Вячеслав Клыков, никогда не оставаясь в стороне от происходящего на Родине. Президент Международного Фонда славянской письменности и культуры, глава Всероссийского соборного движения, он был не просто активным общественным деятелем, но заступником земли русской.

О творчестве и малоизвестных фактах биографии мастера рассказывает в своей книге писательница Ирина Панова, долгие годы знавшая Вячеслава Михайловича.